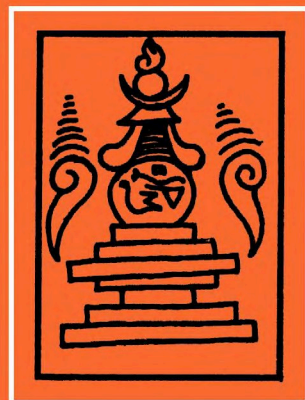

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ТИБЕТ

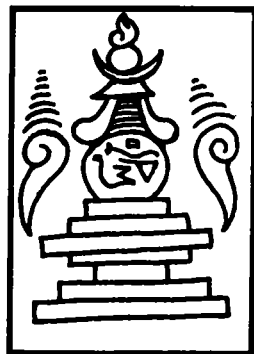
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» • СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ТИБЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» · СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР • СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
(Сектор истории и археологии стран Зарубежного Востока)

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

том I

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“ • СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
НОВОСИБИРСК-1972

ACADEMY OF SCIENCES OF THE U.S.S.R., SIBERIAN DIVISION THE ORIENTAL
COMMISSION OF THE PRESIDUM OF S.D.A.S. OF THE U.S.S.R., THE INSTITUTE
OF HISTORY, PHILOLOGY AND PHILOSOPHY OF S.D.A.S. OF THE U.S.S.R., THE
INSTITUTE OF SOCIAL SCIENCES OF BURYAT BRANCH OF S.D.A.S. OF THE U.S.S.R.

CENTRAL ASIA AND TIBET

(MATERIALS TO THE CONFERENCE)

HISTORY AND CULTURE OF EASTERN ASIA

VOL. I

„NAUKA“ SIBERIAN DIVISION OF A.S. OF THE U.S.S.R.

Novosibirsk – 1972

АКАДЕМИЯ НАУК СССР · СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ СО АН СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК БУРЯТСКОГО ФИЛИАЛА СО АН СССР

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ТИБЕТ

Материалы к конференции

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» · СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
НОВОСИБИРСК-1972

В целях координации исследований и обсуждения актуальных проблем тибетологии Востоковедная комиссия при Президиуме СО АН СССР, Институт истории, филологии и философии СО АН СССР и Институт общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР готовят конференцию по Центральной Азии и Тибету. В сборнике публикуются тезисы докладов и сообщений. Они посвящены проблемам истории и культуры, филологии и источниковедению, буддийской философии и религии. Настоящий сборник представляет собой также I том нового серийного издания " История и культура востока Азии ", выпуски которого будут готовиться к публикации сектором истории и археологии стран Зарубежного Востока ИИФФ СО АН СССР.

Оргкомитет

In order to coordinate investigations and to discuss the actual problems of tibetology the Oriental commission of the Presidium of Siberian department of the Academy of Sciences of the U.S.S.R., the Institute of history, philology and philosophy of S.D.A.S. of the U.S.S.R. and the Institute of social sciences of Buryat branch of S.D.A.S. of the U.S.S.R. are preparing a conference on Central Asia and Tibet. In this connection the theses of papers and informations are published.

They are devoted to the problems of history and culture, philology and sources knowledge, Buddistic philosophy and religion. This issue is also the first volume of the serie " History and culture of the Eastern Asia ", which will be prepared to publication by the sector of history and archaeology of the Foreign East countries of the IHPH of the S.D.A.S. of the U.S.S.R.

Organization committee

О Г Л А В Л Е Н И Е

И с т о р и я и к у л ь т у р а

А.П. Окладников, В.Е. Ларичев	Предисловие	9
А.П. Окладников	К истории первоначального освоения человеком Центральной Азии.	15
Р.Е. Пубаев	Тибетологические исследования в Бурятии и перспективы их развития.	25
Н.Н. Чебоксаров	Некоторые вопросы этнической истории Тибета в свете данных антропологии.	29
В.А. Ранов	Этапы заселения высокогорий Азии человеком каменного века.	31
В.Е. Ларичев	Тибет и проблема родины человека. Открытие палеолита на Тибет-Цинхайском плато и в соседних с ним районах Восточной Азии.	35
И.П. Ларичева	Гобийские нуклеусы и проблема первоначального заселения Северной Америки.	43
Б.Г. Григоренко	О времени и условиях проникновения земледелия в Японию.	47
Т.И. Кашина	О распространении культуры Ян-шао к границам Тибета.	51
М.В. Крюков	Из ранней истории цянских племен.	55
Е.И. Кычанов	Сычуаньские цяны.	56
Н.П. Шастина	Композиционное строение монгольских летописей.	60

Л.Л.Викторова	Этно-культурные связи монгольских и тибетских племен в древности и раннем средневековье.	64
А.М.Решетов	О полиандрии и полигамии у тибетцев (в связи с проблемой их общественного строя).	68
Л.Н.Гумилев	Этническая история в I тыс. н.э. в связи с историей сопредельных стран.	73
А.Г.Малаявкин	Уйгуры и тибетцы в Ганьсу во 2-ой половине IX века.	78
Д.И.Тихонов	Тибетско-уйгурские отношения.	84
Р.Ш.Джарылгасинова	Буддийские и центральноазиатские мотивы в живописи древнекогурёских гробниц.	88
В.М.Монтлевич	О символике ламаистских субурганов.	91
Г.В.Пионтек	Самый северный памятник тибетского зодчества.	95

Б у д д и й с к а я ф и л о с о ф и я и р е л и г и я

В.А.Богословский	Буддийская церковь в Тибете и ее оо-временное положение.	101
А.Н.Зелинский	Буддийский "космос" в тибетской тра-диции.	107
В.Н.Пупышев	О значении термина PRATYAKSA (Тиб. MNON.SUM, MNON.DU GYUR. PA) в связи с буддийской теорией познания.	113
О.Ф.Волкова	О двух идеальных социумах буддизма.	115

Г.Г.Стратанович	Карнавал и мистерия (по мотивам тибетских народностей).	117
Б.Д.Даксанова	Материалы об основании и деятельности дацанов в Бурятии.	120
М.Г.Брянский	О некоторых традициях отечественной школы понимания буддизма как теории элементов бытия.	122
Б.Н.Нармаев	Об истории буддизма Ш.Дамдина (1867-1937).	124
Жугдер Чимидийн и П.И.Хадалов	Великий монгольский философ Агван Балдан (Балдан Цордже).	125
П.И.Хадалов	Разработка монгольскими тибетологами философских проблем буддизма.	129
Б.И.Кузнецов	Кто основал религию "бон"?	132
С.А.Арутюнов, Н.Л.Жуковская	Сходные тенденции в судьбах бон и синто.	135

Ф и л о л о г и я и и с т о ч н и к о в е д е н и е

М.И.Воробьева-Десятовская, Л.С.Савицкий	Тибетский фонд Ленинградского отделения АН СССР.	141
К.М.Герасимова	Изучение и публикации индийских и тибетских памятников по теории искусства.	147
Б.В.Семиčov	Тибетские словарные пособия.	151
Г.А.Леонов	Материалы на тибетском языке из Хара-хото.	154
Б.Д.Дандарон	Историческое сочинение Лондол-Ламы.	156

Н.Д.Болсохоева	Опыт описания Ёнцзин-Ешэ-Чжалхана (1713-1793 гг.).	158
В.М.Наделяев	Тибетская грамматическая традиция в монгольской национальной грамматике.	161
В.М.Софронов	Тибетские транскрипции тангутских иероглифов и проблемы исторической фонетики тибетского языка.	165
В.В.Иванов	Функции "тохарских" языков и "тохарской" литературы в Восточном Туркестане и проблема тюркско-"тохарских" контактов.	168
Ц.А.Дугар-Нимаев	Произведения тибетской художественной литературы в бурятских переводах.	171
Л.С.Савицкий	Тибетская литература XVIII века (некоторые общие вопросы).	172

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глубокий интерес русских к всестороннему изучению центральных районов Азии охватывает два столетия напряженных и самоотверженных исследований. Блестящие достижения отечественной науки в области геолого-географических и флоро-фаунистических описаний этого интереснейшего района континента, выполненных большей частью впервые в мире на уровне современных требований, выдающиеся успехи в разработке кардинальной важности проблем истории, этнографии, филологии, экономики и культуры народов, заселяющих степные, пустынные и горные части Средней Азии, поместине составляют гордость и славу науки. Недаром, когда английский путешественник Дуглас Каррутерс отправился в начале нынешнего века в путешествие по Центральной Азии, то его прежде всего поразили масштабы уже проделанной к тому времени работы: "В ряду повествований об исследованиях нет более захватывающей главы, нежели повествование об изучении русскими Центральной Азии и западной части Китая. Это было величайшее предприятие, оказавшееся вполне по плечу москвитам. Русский привык все делать в крупном масштабе. Его путешествия чаще всего колоссальны. Н.М.Пржевальский, пионер русских путешественников, покрыл, например, 19,5 тысяч миль пути и употребил на это 9 лет и 4 месяца своей жизни, а П.К.Козлов пересек великую Гоби пять раз в трех различных направлениях. Русские исследования во Внутренней Азии были систематическим предприятием, частью того огромного плана, который был задуман Русским Географическим Обществом в Петербурге под руководством высокоодаренного его вице-президента П.П.Семенова ...".

Начало знакомства русских с землями, соседними с Северной и Средней Азией, а также населявшими их народами восходит к XVII в., когда в степях Монголии побывали государственные люди Василий Тименев, Иван Петлин и Федор Байков, а крайне западные области Тибетского нагорья первым из европейцев посетил путешественник и человек удивительной судьбы Филипп Ефремов. Однако подлинно золотой век в изучении Центральной Азии и Тибета наступает приблизительно через столетие. Он характеризуется прежде всего тщательным изучением древних письменных источников, раскрывающих во всем богатстве драматических

событий многовековую историю народов Срединной Азии. Здесь первое место по праву принадлежит выдающемуся русскому востоковеду Н.Я. Бичурину, автору замечательных трудов непреходящей ценности - "Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена", "Истории первых четырех ханов из Дома Чингисова", "Записок о Монголии". Его перу принадлежат также первые серьезные изданные на европейских языках сочинения работы, посвященные Тибету - "Описание Тибета в его нынешнем состоянии" и "История Тибета и Ху-хунора с 2282 года до Р.Х. до 1227 года до Р.Х.". В них Н.Я.Бичурин с присущей ему тщательностью и мастерством отобрал, систематизировал и перевел многочисленные письменные источники, содержавшие богатейший материал по истории, экономике, культуре и административному устройству древнего и современного ему Тибета. Европейский читатель впервые получил в свои руки книги, из которых узнал множество сведений о стране неведомой и загадочной.

Важно подчеркнуть, что изучение прошлого Центральной Азии и Тибета совмещалось в России с разработками грандиозных планов по комплексным полевым исследованиям этих территорий и непременно практическому осуществлению их. Русское Географическое Общество стало центральной научной организацией страны, с блеском осуществившей ряд выдающихся по значению научных предприятий по описанию природы, населения и хозяйства того района континента, который называли тогда Срединной Азией. Решение сложной, строго продуманной и четкой программы Общества требовало выдвижения для участия в предстоящих экспедициях людей талантливых, с горячим сердцем, беззаветно увлеченных делом, смелых, предприимчивых, энергичных, готовых на самопожертвование и безграничный риск. Яркая плеяда известных всему миру замечательных путешественников второй половины XIX в. во главе с великим Н.М.Пржевальским лучше всяких слов показывает, что России талантов не занимать.

Четыре экспедиции провел Н.М.Пржевальский, путешествуя по Центральной Азии и частично захватывая своими маршрутами горную страну Тибет, но уже первая из них, проведенная ровно сто лет назад, дала настолько богатые сведения о природе и населении восточной части Монголии, Ордоса, района Кукунора и верховьев Янцзы, что сразу же принесла ему необыкновенно шумный успех и широкую известность. Последующие путешествия его в семидесятые годы в район Лобнора и к северным границам Тибетского нагорья (Вторая Центральноазиатская

экспедиция), по пустыне Хами, Тибетскому нагорью и собственно Тибету (Третья Центральноазиатская или Тибетская экспедиция), а в 80-е годы по Гоби, Алашаню, району истоков Хуанхэ и Восточному Туркестану (Четвертая Центральноазиатская или Вторая Тибетская экспедиция) принесли Н.М.Пржевальскому всемирную славу и всеобщее признание. Русский путешественник оказался на высоте поставленных перед ним грандиозных задач: отличная специальная подготовка, предельная целеустремленность и любовь к науке, передовые идеи и методы географических исследований, требующие комплексности наблюдений и сбора коллекций, сравнительного анализа и обобщений, предопределили его успех. Н.М.Пржевальский дал необычайно яркое представление о многих районах, до недавнего времени считавшихся белыми пятнами на карте Старого Света, нарисовал поразительно живые этнографические картины быта, обычаев и занятий коренного населения степей, пустынь и горных плато Центральной Азии и Тибета. Блестящая литературная форма его отчетов о путешествиях не могли не привлечь внимания к Срединной Азии самых широких кругов читателей как в России, так и за рубежом.

Дело Н.М.Пржевальского по изучению Центральной Азии и Тибета продолжили его коллеги и ученики. Третью Тибетскую экспедицию возглавил М.В.Певцов, известный исследователь Джунгарии и Монголии. Он провел работы в Камгарии и Куньлуне, захватив частично также район северной части Тибетского нагорья. Затем последовали длительные путешествия В.И.Роборовского, Г.Н.Потанина, П.К.Козлова, В.А.Обручева, Г.Е.Грум-Гржимайло. Они обследовали в географическом, этнографическом и геологическом отношении большую часть территории Центральной Азии и прилегающих к ней областей Западного Китая, включая Тибет (Шаньси, Ганьсу, Сычуань, Амдо и Кам).

Экспедиции Русского Географического Общества решали комплексную программу изучения Срединной Азии. Помимо задач чисто геолого-географического описания внутриконтинентальных массивов материка, русские исследователи уделяли большое внимание этнографии, археологии и истории этого района, включая современность. В итоге им принадлежит честь открытий мирового класса, бесспорно выдающихся по значению. Среди них следует прежде всего упомянуть замечательные находки памятников с орхонскими руническими текстами (Н.М.Ядринцев и В.В.Радлов), раскопки гробниц гуннских ханьбеев и средневекового тангутского города (П.Козлов), тщательные этнографические

наблюдения и описания многочисленных и разнообразных по типу древних памятников культуры начиная с каменного века и кончая эпохой Чингисхана и его преемников (Н.М.Ядринцев, В.В.Радлов, Г.И.Боровка, П.К.Козлов, Д.А.Клеменц, В.А.Казакевич, В.Л.Котвич, П.М.Мелиоранский, Н.Ф.Катанов, Г.Н.Потанин, Д.Д.Букенич, С.Н.Лаптев, П.С.Михно, Б.Э.Петри). Если к этому добавить интенсивное изучение русскими востоковедами и историками древних летописных источников по истории Центральной Азии, а также ее эпиграфических памятников (П.Кафаров, В.П.Васильев, В.М.Алексеев, Э.В.Бретшнейдер, В.В.Бартольд, Н.И.Веселовский, С.А.Козин, С.Е.Малов, Б.Я.Владимирцов, Д.Позднеев, А.Ю.Якубовский, Г.Е.Грум-Гржимайло, П.Попов), то картина давнего всеохватывающего внимания и интереса в России к историко-культурным проблемам Центральной Азии станет совершенно очевидной.

Что касается Тибета, то особо следует упомянуть путешествие в Лхасу Г.Цибикова, подробный отчет которого содержит богатейший материал о культуре, быте и религии тибетцев, а также описание столицы страны и некоторых других ее крупных городов. Большой интерес представляет также двухтомный труд видного русского востоковеда Н.В.Кюнера "Географическое описание Тибета", изданный во Владивостоке в 1907-1908 гг. В этой работе обобщен огромный материал, связанный с изучением Тибета, дается подробное географическое описание страны, этнографическая характеристика населения, приводятся очерки экономики, культуры и истории страны. Труд Н.В.Кюнера, устарев в некоторых его частях, продолжает оставаться ценным пособием для всех занимающихся изучением Тибета.

За более чем полувековой период существования советского государства историки, востоковеды, археологи, географы, геологи, палеонтологи страны продолжали интенсивное и многостороннее изучение Центральной Азии. Очевидно, нет необходимости в этом кратком предисловии останавливаться на колоссальной работе, проведенной за последние десятилетия. Следует лишь подчеркнуть, что добрые старые традиции русской науки остаются неизменными, и выразительным показателем неистощаемого интереса в нашей стране к самым различным проблемам истории и культуры народов Центральной Азии и Тибета является этот том материалов предстоящей конференции.

А.Окладников

В.Ларичев

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

А.П.Окладников

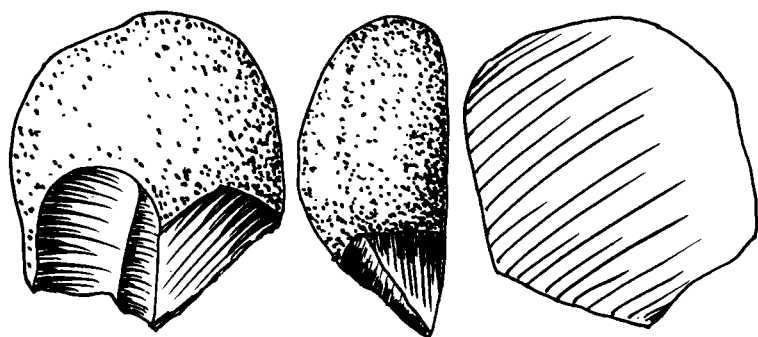
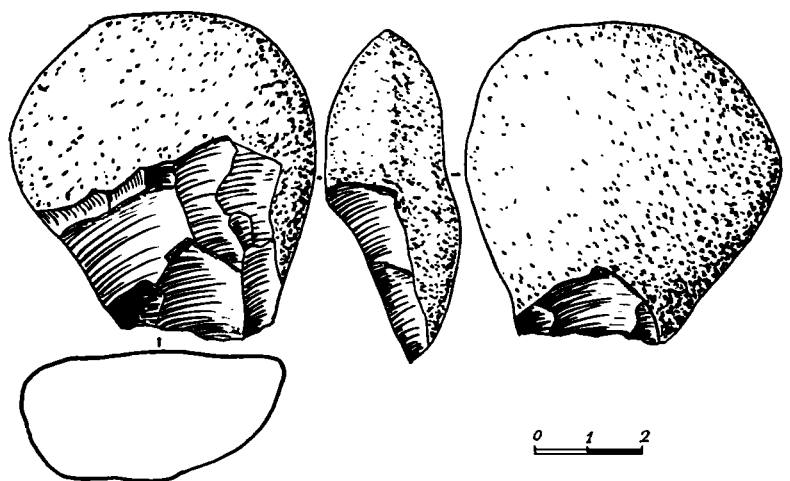
К ИСТОРИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

1. Центральная Азия — пространства азиатского материка, расположенные между Гималаями на юге и Саянским, а также Витимо-Патомским нагорьями на севере, ныне отличающиеся своим резко континентальным климатом, широким распространением степей и пустынь, в том числе горных, издавна привлекала внимание исследователей в плане выяснения их места в древнейшей истории человеческого рода и первоначального освоения человеком планеты. Однако, как известно, долгое время отсюда не было достоверных документальных свидетельств о существовании здесь подлинно древнейшего человека палеолитического времени. Даже в результате специально направленных поисков /Центрально-Азиатская Американская экспедиция под начальством Р.Ч.Эндрюса и Китайско-Шведская под руководством Свен-Гедина/ таких памятников в Центральной Азии обнаружено не было. А если они и были найдены, то оставались неопубликованными и недоступными научному анализу /такова судьба крупнейших коллекций, собранных экспедицией Эндрюса/. И это в то время, когда рядом авторитетных исследователей Центральная Азия признавалась наиболее вероятной "прародиной человека" вообще.

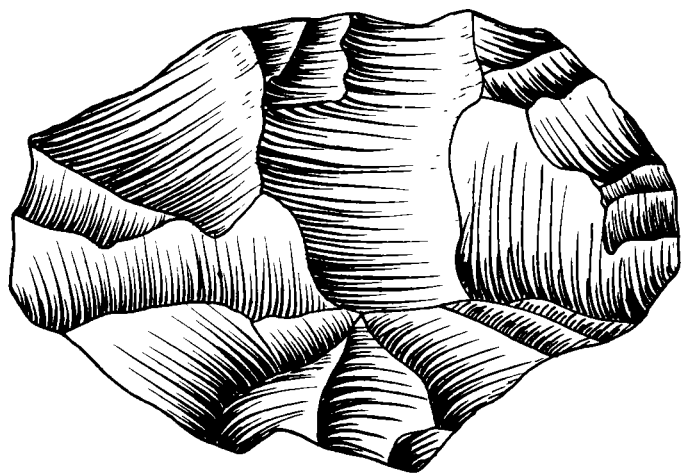
2. Первые специально направленные поиски остатков палеолитической культуры на территории Центральной Азии, давшие определенные положительные результаты, были предприняты по инициативе выдающегося исследователя археологии Сибири и Монголии С.В.Киселева

автором данного сообщения при участии с монгольской стороны Н.Сэр-Оджавы /тогда студента МГУ/ в 1949 году. Специальный палеолитический отряд Советско-Монгольской экспедиции в составе А.П.Окладникова и Н.Сэр-Оджавы выполнил в 1949 г. несколько разведочных маршрутов: на западе МНР-по берегам р.Орхон в районе Харахорина /Эрдени-Дзу/; на востоке-от Улан-Батора до Чойбалсана и далее на восток до р.Халхин-Гол; на юге в районе Далан-Давдагада обследовалось знаменитое местонахождение неолитических поселений у "Пылающих Скал" /Баиндзак, Шабарак-усу американских исследователей/. В результате были обнаружены многочисленные памятники каменного века, не только неолитические, но и палеолитические. Из неолитических памятников сюда относятся такие важные поселения, как Тамцак-Булак, а также ряд поселений с богатыми находками в долине р.Керулена у г.Чойбалсана. Что касается палеолита, то первостепенное место принадлежит открытому в 1949 г. многослойному поселению Мойльтын-ам/Черемуховая падь/ на левом берегу р.Орхон против Харахорина. Целая серия палеолитических поселений в 1949 г. была обнаружена также и по берегам р. Толы, в том числе в ближайших окрестностях г.Улан-Батора, в распадках по оверному склону священной горы монголов Богдо-ул. Тогда же было обнаружено весьма интересное верхнепалеолитическое местонахождение на 126 км по дороге из Улан-Батора к Кяхте /теперь - в окрестностях г. Дархана/. Не менее интересно было открытие замечательного местонахождения на левом берегу р. Халхин-Гол у горы Харе-ул. В нем была собрана весьма яркая коллекция каменных изделий, в том числе. "гобийские нуклеусы". Работы по поискам и частичным раскопкам палеолитических местонахождений на территории Монгольской Народной Республики были затем продолжены нами в сотрудничестве с археологами Академии наук МНР, начиная с 1960 г., и в последующие годы. Эти работы дали новый обширный материал, сосредоточенный ныне в фондах Института истории Академии наук МНР. Внимательное изучение этих материалов, собранных как на юге, так и на западе, а также на востоке МНР, позволяет представить общие контуры древнейшего прошлого Монголии, ее культуры каменного века, а также их отношение к культурам других соседних и более далеких территорий азиатского материка.

3. Особый интерес представляют находки примитивных галечных орудий, зарегистрированные в 1969 и 1970 гг. на востоке МНР в районе г. Сайн-Шанд и к западу от него. Эти изделия, отличающиеся своим архаизмом и близко напоминающие древнейшие галечные орудия Африки, а также Западной Европы, связаны с выходами древних галечников в обширных котловинах, возможно, занятых прежде озерами. Галечники эти образуют своего рода "гряды", как их называют в Сибири, т.е. останцевые гряды, происхождение которых остается пока неясным. Среди оббитых галек, преимущественно или почти исключительно кварца и кварцита, имеются гальки — заготовки, расколотые поперек, гальки с одной — двумя выбоинами ободу, а также с грубо оббитым поперечным лезвием — чопперы. Имеются также чоппинги, двусторонне оббитые, причем так, что образуется заостренный конец, напоминающий острие ручного рубила шельского облика. Эти предметы можно назвать "прото-рубилами". Нечто подобное встречалось нам и на западе Монголии в районе Баян-Ульги, Кобдо-Жаргаланта: оббитые поперек гальки, чопперы и чоппинги, нередко покрытые густым скальным загаром, патиной, свидетельствующей о их глубокой древности. Возможно, что близкие по характеру галечные примитивные орудия встречены были в 1968 г. разведочной группой монгольских и польских геологов в районе Гоби — Алтай, где-то неподалеку от Далан-Дзадагада. Все эти предметы встречаются на поверхности. Однако выражен архаический характер обработки камня и столь же архаичные формы этих изделий свидетельствуют о их глубокой древности. В этой связи особо важное значение приобретают аналогичные, в принципе, находки, но выявленные в безукоризненной стратиграфической ситуации на Алтае в районе города Горно-Алтайска. Здесь нами найдено два таких местонахождения с примитивными галечными изделиями: 1. Улалинка; 2/. Кизил-Озёк /р.Майма/. По условиям залегания эти местонахождения галечных изделий являются древнейшими в Северной Азии. По данным геологов, обследовавших вместе с нами эти памятники, они относятся если не к нижнему плейстоцену /что не исключено/, то, во всяком случае, не позже, чем к среднему плейстоцену. Не менее интересно, что во многом аналогичная галечная индустрия была широко представлена и на нашем Дальнем Востоке, достаточно близком, по масштабам Центральной и Северной Азии, к

Район Сайн-Шанд. Галечные прото-рубила (чоппинги).

0 1 2

Ирх, Монголия.

бассейну р.Амура. На Амуре таковы: 1.Филимошки и Усть-Ту на реке Зеи; 2. Кумары на левом берегу р.Амура.

Известно также одно, несомненно весьма древнее, местонахождение галечных изделий на р.Амгуни ниже поселка Полины Осипенко. Отсюда следует, что на обширных пространствах Азии была широко представлена в палеолите, в том числе весьма раннем, еще до верхнего плейстоцена, галечная индустрия и галечная техника. Это обстоятельство приобретает особо важное значение еще и потому, что мы знаем теперь аналогичные в принципе памятники галечной культуры нижнего палеолита не только в Северной Азии, но и в Юго-Восточной Азии, в различных районах Индокитая, в Таиланде и особенно в Восточной Камбодже. Здесь также встречаются характерным образом оббитые гальки, в том числе специфические орудия с носиком, такие же, как в Улалинке на Алтае, как на местонахождении Филимошки и Усть-Ту в долине Зеи и в Кумарах на Амуре. Отсюда следует, что в нижнем палеолите азиатского материка имело место такое широкое распространение сходной и резко выраженной галечной техники, а, следовательно, и ее носителей.

С проблемой галечной культуры нижнего палеолита в этих обширных областях Азии связан и вопрос о ее значении для дальнейшего исторического развития, для дальнейших судеб древнего населения этой части человеческой эйкумены. Речь идет, конкретно, о том, что определенные черты характерной галечной традиции обработки камня прослеживаются и позже. Более того, мы наблюдаем в верхнем палеолите Сибири и Монголии подлинный расцвет этой техники: обширные серии галечных орудий и заготовок-нуклеусов в таких, например, широко известных поселениях, как Афонтова Гора на Енисее, Верхоленская Гора на Ангаре, Няньгш на Селенге. Отсюда следует, что галечная традиция устойчиво и преемственно сохранялась, начиная с нижнего палеолита и вплоть до конца верхнего палеолита, у каких-то определенных групп местного населения на протяжении десятков и сотен тысячелетий.

Не менее важно и то, что с этой галечной техникой в своих истоках связана и девадузская техника обработки камня, известная нам в верхнем палеолите Сибири /в том числе Санный Мыс/ на реке

Уде в бассейне р.Селенги/, на Алтае, в Монголии /Мойльтын-ам на Орхоне, Зайсан-Тологой, Аэропорт и другие местонахождения по реке Толе вблизи Улан-Батора/.

4. Неожиданным явилось открытие в Монголии на востоке ее, к западу от Сайн-Шанда, между Сайхан-Дуланом и Гурбан-Сайханом у горы Ярх, огромной по площади и количеству находок нижнепалеолитической мастерской. Мастерская эта, связанная, как это характерно для Монголии и отчасти для Средней Азии /Капчигай и Охна в Ферганской долине, Уч-Тут в низовьях Зеравшана/, не с галечными отложениями, а с коренными выходами кремнистых пород /в данном случае - желтой яшмовидной породы/, дала превосходные образцы орудий ашельского типа, в корне отличных по своей типологии и технике изготовления от галечных орудий - чопперов, чоппингов и "прото-рубил". Таковы рубила классических форм: овальные /лиманды/ и подтреугольные по их очертаниям. Имеются здесь и нуклеусы, как правило одноплощадочные. Эти нуклеусы можно назвать прото-леваллуазскими, потому что у них нет характерной боковой подправки вдоль длинных краев, как нет и нуклеусов подтреугольных и треугольных очертаний. В массе "отходов" от производства каменных орудий абсолютно преобладают отщепы, преимущественно массивные, подтреугольные. Но есть и относительно редкие пластины леваллуазского облика - удлинненно-треугольные по очертаниям, без подправки на площадке. Имеются также краевые сколы с нуклеусов.

Следует подчеркнуть, что по типологической выраженности форм изделий ашельского типа, не говоря уже об их количественной массе, это местонахождение несравнимо с такими памятниками, как Динцунь в Китае, где некоторые авторы видят "ручные рубила" западных форм. Динцунь - явление своеобразное и не укладывающееся в рамки западной типологии, в нем нет рубил и остроконечников западного характера. В данном же случае есть основание предполагать прямое проникновение, может быть, даже и не ашельской техники, а ее носителей из областей классической аббевилиенской и ашельской культуры африкано-европейского происхождения в центральные области Азии.

5. К последующему средне-палеолитическому времени относятся, прежде всего, некоторые немногочисленные, но характерные по их

типу и технике, изделия, обнаруженные нами в районе Богд-сомоне /Гоби-Алтай/, а также в трех пунктах на востоке Монголии по дороге от Барун-Урта к Сэйн-Шанду. Таковы удлиненно-треугольные пластины, преимущественно из хорошего, глубоко патинированного кремня /с густой белой патиной/, аналогичные тем, которые характерны для мустьерских памятников Средней Азии, в том числе для верхних слоев Тешик-Таша и Оби-Рахмата. В связи с ними находятся, но, вероятно, должны быть отнесены к следующему этапу среднего палеолита Монголии такие замечательные памятники, как поселения в районе Оцон-Маньт на юге МНР, а также аналогичные памятники, обнаруженные нами на западе Монголии. Для них характерны нуклеусы леваллуазских форм, в том числе треугольные, а также соответствующие этим нуклеусам пластины. По времени и характеру находок эти памятники Монголии могут быть сближены с Усть-Канской пещерой на Алтае, с одной стороны. С другой же, с наиболее поздними мустьерскими /леваллуазскими/ поселениями Средней Азии, например, с пещерой в Ходжикенте на р. Чирчик, а также с некоторыми комплексами из Кайрак-Кумов в бассейне Сыр-Дарьи около Ленинабада.

6. Историю развития верхнепалеолитической культуры Монголии ярче всего демонстрируют отложения многослойного поселения Мойльтын-ам в долине р. Орхона. Для нижних слоев этого памятника характерны нуклеусы леваллуазских форм, пластины, а также единичные изделия из пластин типа ориньякских и солутрейских концевых окребок с круговой ретушью. Есть также чопперы и острия "мустьерского типа". Со временем в слоях Мойльтын-ам появляются грубые изделия типа гобийских нуклеусов /"клиновидные нуклеусы", "нуклеусы-скребки" и т.д./. Эти нуклеусы или, вернее, нуклеидные орудия затем приобретают здесь более правильные очертания, становятся меньше в размере и составляют самую характерную особенность каменного инвентаря. Для верхних слоев Мойльтын-ам характерны также относительно многочисленные гальки-чопперы. Существенно, что в Мойльтын-ам, как и в других палеолитических поселениях Монголии, за редкими исключениями, не встречено типичных для Сибири полудланных, прямолезвийных и выемчатых галечных скребел, придающих такой своеобразный облик каменной индустрии верхнего палеолита Сибири

/Афонтова Гора, Ошурково и другие памятники/. Как показали наблюдения в долине р.Толы, а также на Орхоне /Мойльгын-ам/, поселения верхнего палеолита Монголии, о которых здесь идет речь, связаны с покровными отложениями второй или сангинской, как ее называл в долине р.Толы С.Л. Троицкий, террасы. При этом отмечаются два уровня сангинской террасы: верхний 15-17 м. и нижний 12-13 м. Палеолитические остатки относятся к верхнему уровню террасы. Это было, очевидно, время, когда климат Монголии был значительно влажнее и мягче, чем теперь, о чем свидетельствует распространение палеолитических поселений и в безводных ныне местах, вдали от крупных рек и озер. В последующее время происходит прогрессирующее иссушение страны.

7. Ко времени, непосредственно следующему за верхним палеолитом Монголии в долине Толы и на Орхоне, следует отнести поселения, связанные, как показали наши наблюдения, выполненные в сотрудничестве с геологом С.Л.Троицким, с речными террасами уровня 12-13 метров. Здесь в изобилии встречаются галечные орудия типа чоппиров, галечные нуклеусы, а также обнаружены на Орхоне листовидные клинки, обработанные двусторонней ретушью. Клинки эти вызывают в памяти листовидные "солютрейские" ножи или наконечники Верхоленской горы и Ушканки на Ангаре. В целом памятники, расположенные на террасах 12-13 м. уровня, могут быть отнесены к переходному времени от палеолита к последующей неолитической эпохе. Их условно можно назвать, по аналогии с европейскими, после-палеолитическими памятниками, мезолитическими или эпипалеолитическими.

Особо следует отметить наличие на западе Монголии поселений с медными каменными изделиями, в том числе с зубчатыми или выемчато-зубчатыми скребками, которые ближнему напоминают находки в верхнем слое поселения в устье р.Куум на Алтае. Это, видимо, особый вариант мезолитической культуры, представленный как на Алтае, так и в Западной Монголии и в Северном Казахстане.

Такова общая картина развития древних культур Центральной Азии, как она рисуется нам в свете многолетних совместных исследований советских и монгольских исследователей. Как видно из сказанного, картина эта значительно сложнее и богаче событиями, чем можно было предполагать раньше. Теперь стало ясным, например, что уже

нельзя говорить о какой-то единой "сибирско-китайской" провинции палеолита, как думал когда-то С.Н.Замiatин. И вместе с тем все, что происходило здесь в древнекаменном веке, имеет во многом прямое отношение к истории палеолитического человека и его культуры на соседних и более далеких территориях.

Р.Е.Дубяев

ТИБЕТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БУРЯТИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ

1. В современной Бурятии тибетология как одна из отраслей востоковедения является традиционной популярной наукой. До Великой Октябрьской социалистической революции тибетология в Бурятии развивалась в двух направлениях:

а) в традиционном, так называемом "восточном", направлении; исследования велись на тибетском и монгольском языках в интересах распространения буддизма и его культуры; учеными-тибетологами являлись, главным образом, представители местного буддийского духовенства;

б) в лучших традициях русского классического востоковедения; исследования велись на русском языке; учеными-тибетологами являлись представители бурятской научной интеллигенции, получившие европейское образование в Петербургском университете.

2. Духовенство Бурятии издавало в монастырских печатнях буддийские трактаты и религиозные тексты¹⁾, составляло и издавало ти-

1) Theg-pa chenpo mdo-sde'i rgyan (Mahāyāna-Sūtrālamkāra), mngon-rtogs-rgyan (Abhisamayalamkāra), dbu-sa dang mna rnam-'byed (Madhyānta-vibhāṅga), chos dang chos-nid rnam-par-byed (Dharma-dharmatā-vibhāṅga), rgyud-blama (Uttaratantra).

бетско-монгольские словарь;²⁾ переводило тибетские исторические сочинения;³⁾ разрабатывало комментарии к памятникам художественной литературы;⁴⁾ составляло путевые заметки о путешествии в Тибет. Главными представителями второго направления бурятской тибетологии и являются П.А.Бадмаев, Г.Ц.Цыбиков и Б.Б.Барадийн. Они выступали как представители русского, а позже советского востоковедения. Их труды в области тибетологии общеизвестны.

3. Основной базой развития тибетологии в дореволюционной Бурятии являлись философские /цаннидские/ факультеты дацанских школ, где изучались пять основных предметов: философия (абхидхарма), логика (прамана), "диалектический метод" (медхьямика), "моральная философия" (парамита) и монашеская дисциплина (винья).⁵⁾ Наряду с философским факультетом немалую роль играли медицинский (манба), тантрийский (чжуд) и астрологический (кар-цзий) факультеты. В настоящее время история развития тибетологии в дореволюционной Бурятии в традиционном "восточном направлении" становится предметом исследования современных специалистов-тибетологов. Успешные работы в этом направлении ведутся в Институте общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР, в котором имеется богатейший тибетский фонд, функционируют два специальных сектора - истории и культуры народов Центральной Азии и рукописный.

2) Имеются два классических словаря, из коих один (*mere udha-yi keyigulugéi jula kamegdiki dokiyau-u bitig* был составлен Г.Ж.Тугодуровым, другой (*Bod-hor-kyi brda-yig-min chig-dongsum-gsal-bar-byed-ra-munsil-akron-me*) - Р.Номтоевым и издан акад. Б.Ринченон в двух томах в 1959 г. в Улан-Баторе.

3) В частности, был переведен Г.Ж.Дылгыровым раздел IV "Чойчхуна" Сумба-Хамбо, посвященный истории Монголии, и издан в Цугольском дацане.

4) В этой области работал Р.Номтоев. См. *Рашийан-у дусул-ун мсн-гол-товод таймibuри*. Под редакцией акад. Ц.Дамдинсуруна. Улан-баатар, 1964.

5) *Abhisamayālaṅkāra-Prajñāparamitā-Upadeśa-śāstra*. The work of Bodhisattva Maitreya. Edited, explained and translated by the Th. Stcherbatsky and E. Obermiller. Fasc. 1. "Bibliotheca Buddhica", XXIII, Leningrad, 1929, p. 11.

4. В области тибетологии бурятские специалисты занимаются исследованием тибетского письменного языка, истории Тибета, теории индийского и тибетского искусства, памятников тибетской исторической, грамматической, научно-терминологической, медицинской и философской литературы.⁶⁾ Дальнейшее развитие тибетологии в Бурятии прежде всего зависит от правильного определения главного направления исследования с учетом наличия источников, выбора проблематики и специфики местных условий, что должно определять ее ближайшие перспективы.

5. Главным содержанием духовной культуры тибетского народа, получившей законченную форму в эпоху феодализма и господства буддизма в сферах религии, культуры и государственной власти в IX-XIX веках, являются т.н. "пять классических наук". Иначе, по-тибетски, "пять высших наук" (rig-pa'i gnas lnga) как "внутренняя наука" - теология (nang-rig-pa), логика (gtan-tshigs-rig-pa), языкознание (sgra-rig-pa), технология искусств (bzo-rig-pa) и медицина (gso-rig-pa). В классическом тибетско-монгольском терминологическом словаре "Источник мудрецов" дается расшифровка первой из пяти наук - теологии ("внутренней науки"), согласно которой она состоит из двух отраслей - т.н. "колесниц" - философии (mtshan-nid-kyi theg-pa) и мантры (sngags-kyi theg-pa), причем первая из них включает в себя еще пять отделов: парамиту (phar-phyin), мадхьямику (dbu-ma), абхидхарму (mngon-pa), винаю ('dul-ba) и историю философских школ - сиддханта (grub-mtha) ?)

6. На данном этапе тибетологических исследований в Бурятии главным направлением становится изучение "пяти классических наук". Исследование этой проблемы должно пройти три этапа: а) публикация текста и перевод терминологического словаря "Источник мудрецов" в II книгах (в пяти выпусках); б) составление тибетско-монгольско-русского словаря научных и философских терминов с санскритскими эквивалентами; в) составление пятитомной монографии под названием "Пять классических наук Центральной Азии". В результате выполнения

6) Подробно см. Д.Д.Лубсанов, Р.Е.Пубаев. Востоковедные исследования в Бурятии. "Народы Азии и Африки", № 5, 1970, стр.239-240.

7) "Источник мудрецов". Тибетско-монгольский терминологический словарь буддизма. Улан-Удэ, 1968, стр.22.

программы будет создана основа для дальнейшего развития тибетологии в Бурятии.

7. Важное место в тибетологических исследованиях занимают и будут занимать публикации памятников тибетской литературы, прежде всего исторических сочинений, летописей и хронологических таблиц с русским переводом и комментариями, каталогов и описания сумбумов (собраний сочинений) тибетских авторов. Для наиболее рациональной организации тибетологических исследований необходимо прежде всего проведение теоретических исследований в области "пяти классических наук" на основе марксистско-ленинских принципов классификации наук.

8. Изложенное выше представляет собою, разумеется, "программу-минимум", рассчитанную на предстоящее десятилетие. Благодаря этому будут созданы основы для новых исследований по "программе-максимум", когда расширится объект исследования. Тибетологические исследования в Бурятии имеют важное значение в изучении культуры народов Центральной Азии, историческая судьба которых на различных этапах их социально-экономического и культурного развития близка советскому народу и небезразлична для советского востоковеда, богатого всемирно известными гуманистическими традициями.

Н.Н.Чебоксаров

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ТИБЕТА В СВЕТЕ ДАННЫХ АНТРОПОЛОГИИ

Антропологические материалы по Тибету имеют большое значение для разработки многих коренных проблем этногенеза и этнической истории народов Центральной, Восточной и Южной Азии. Особенно большую ценность представляют краниологические данные Моранта, а также исследования Ш Датской экспедиции в Центральную Азию под руководством Петра, Принца Греческого и Датского, и Иоргенсена. Эти материалы позволяют сделать вывод о принадлежности большинства популяций Тибета к тихоокеанским монголоидам. Вполне отчетливо выступает близость восточных тибетцев Кама к восточным монголоидам (в частности, к обследованным автором северным китайцам), а южных тибетцев долины верхней Брахмапутры (Цангпо) и соседних районов — к южным монголоидам (например, к разным популяциям Гуандуна и кхаси Ассама, также изученными автором).

Почти по всем важнейшим расовым признакам различие между восточными и южными тибетцами идет в том же направлении, что и различие между популяциями Северного и Южного Китая. Уроженцы центральных районов Тибета (пров. ДИ) занимают антропологически промежуточное положение между группами Кама и долины верхней Брахмапутры.

Сложная мозаика межгрупповых вариаций расовых признаков в Тибете очень напоминает аналогичную мозаику во всей Восточной и Юго-Восточной Азии. Хотя почти все популяции этой части эйкумены относятся к монголоидным расам, но в северо-южном направлении у

них постепенно нарастают "австралоидные" черты.

В Тибете эти закономерности географической изменчивости расовых признаков сказываются при переходе от северо-восточных популяций к юго-западным. Провести в Тибете, как и в других странах Юго-Восточной Азии, точную границу между восточными и южными монголоидами невозможно; вторые отличаются от первых только некоторым "австралоидным" или, лучше сказать, веддоидным налетом, который может быть объяснен как сохранением древней переходности между монголоидными и австралоидными расами, так и более поздней метисацией между ними.

По некоторым данным, особенно краниологическим, у восточных тибетцев наблюдаются черты, сближающие их с континентальными монголоидами, а частично и с американскими индейцами. Это дает основание высказать гипотезу о сохранении на востоке Тибета очень древних протомонголоидных элементов, игравших большую роль в заселении Центральной и Северной Азии, а также Америки.

Европеоидные компоненты в истории расового состава большинства групп тибетцев не играли, по-видимому, существенной роли. Явные следы европеоидных примесей прослеживаются только на крайнем юге и особенно на юго-западе Тибета у границ с Индией, а также среди мусульман района Лхаоы, впитавших, вероятно, какие-то иранские или тюркские компоненты.

Комплексный анализ антропологических, палеоантропологических, археологических и других материалов позволяет предполагать, что предки тибетцев (а, вероятно, и всех тибето-бирманских народов), жившие в III-II тысячелетии до н.э. на востоке Центральной Азии (Цинхай, Ганьсу), принадлежали к восточным монголоидам, обладавшим некоторыми американоидными чертами.

По мере продвижения древних тибето-бирманцев к югу и юго-западу они сливались с более древним аборигенным населением, которое антропологически принадлежало к южным монголоидам с выраженными веддоидными чертами, а этнически относилось, скорее всего, к древним мон-кхмерам.

ЭТАПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ ВЫСОКОГОРИЙ АЗИИ
ЧЕЛОВЕКОМ КАМЕННОГО ВЕКА.

1. "Высокая Азия", включающая в себя высочайшие нагорья мира — Тибет и Памир, связывающие их хребты Куэнь-Луня, Кара-Корума и Гималаи, археологически изучена еще недостаточно. Очень мало известно и о древнейшем прошлом высокогорья — каменном веке. Первые исследования каменного века этих областей связаны с именами Д.Эдгара, А.Андерсона, Х.де Терра и других исследователей, работавших в первой половине XX века. Лишь почти через 30 лет о следах каменного века в Тибете, Гималаях, Гиндукуше пишут С.Шиу, Дас Гупта, Х.Санкалия, А.Дани. Средняя Азия является в настоящее время наиболее хорошо исследованной археологами горной страной. Именно поэтому на примере этого региона можно рассмотреть динамику заселения гор Азии и этапы освоения первобытным человеком различных высотных поясов.

2. Горы Средней Азии подразделяются на: внутреннюю горную зону, представленную Памирским нагорьем (средние высоты хребтов 4700 м, межгорных впадин 4200–3700 м над уровнем моря), сыртами Тянь-Шаня (соответственно 3500, 4000–2500 м); внешнюю горную зону, характеризующуюся молодым, сильно расчлененным рельефом — верхняя часть склонов и водоразделы носят альпийский облик, врез достигают оптимальной глубины; предгорную и подгорно-равнинную зоны, которые отличаются выровненным и сглаженным рельефом (до 2000 м). Каждая из этих зон обладает своими особенностями в плане расположения стоянок каменного века и их сохранности.

3. Из многочисленных факторов горной среды ведущее значение по воздействию на человеческий организм принадлежит низкому атмосферному давлению, которое к 3000 м над у.м. на 31% меньше, чем на уровне моря. На определенных высотах это вызывает явления кислородного голодания — гипоксии, что ведет к горной

болезни. Тем не менее, ни трудные горные дороги, ни болезни высоты, ни сложные условия высокогорья не могли помешать первобытным охотникам еще в каменном веке освоить высочайшие районы земли. Так, на Кавказе следы людей каменного века зафиксированы на высоте 2300-1500, на Тянь-Шане 3500-2000, на Памире 4200-3600, в Тибете 4300-3500, в Сикконе 3500-3600 (отдельные находки до 4500 метров над уровнем моря).

4. Можно предположить, что причины, заставлявшие первобытные племена покидать благодатные долины, расположенные на низких высотах, и предпринимать далекие и небезопасные путешествия в горы, были связаны: 1) с сезонными миграциями охотников, откочевывавших вслед за стадами животных; 2) с нарушением равновесия между человеком и окружающей природой, что должно было вызвать необходимость переселения в новые места; 3) с социальными причинами.

5. В Средней Азии прослеживаются следующие этапы в освоении высотных поясов и различных геоморфологических зон. Палеолитические памятники (включая домустьерские находки) отмечены на равнинах, в среднегорных впадинах-депрессиях. Отдельные памятники доходят до 2000 м абсолютной высоты (Он-Арча-2200 м, Шутноу - 2000 м, Тоссор - 1800 м). Пещерные палеолитические стоянки встречаются и в ущельях внешней горной зоны (Обирахмат, Тешик-Таш). Все палеолитические памятники Средней Азии расположены вне зоны древних оледенений (в среднем выше 2000-2500 м), хотя может оказаться, что картина настоящего дня связана с еще недостаточной исследованностью вопроса. Только мезолитические и неолитические памятники охватывают все геоморфологические зоны гор Средней Азии, в том числе и районы древнего и современного оледенения нагорья Памира и Тянь-Шаня.

6. Ландшафты Восточного Памира, близкие к ландшафтам основной части Северного Тибета-Чангтану, очень однообразны. Это широкие долины, лежащие на абсолютных высотах от 3700 до 4200 м над уровнем моря. В крупных долинах развита серия аккумулятивных террас, покрытых галькой. Другим типом долин являются троговые. Значительное распространение имеют ледниковые отложения, в первую очередь морены. Стоянки каменного века, иссле-

дованные автором в 1956-1960 гг., приурочены здесь к низким (I-II) надпойменным террасам, а также к поверхностям морен различного возраста. Всего на Памире зафиксировано 50 пунктов с находками каменного века, из которых собрана коллекция, насчитывающая более 15 тыс. номеров. Основная группа находок относится к раннему неолиту или мезолиту (радиоуглеродная дата, полученная на стоянке Ошхона = 9530 ± 130 лет). В целом, открытые на Памире памятники охватывают промежуток от VIII до IV тыс. до н.э. Главная культура каменного века Памира - маркансуйская - сформировалась вне высокогорья, однако на ее характер и специфику огромное влияние оказали особые условия высокогорья. В целом это - "галечная техника" при очень незначительном применении пластинчатой техники, отличающаяся также и необычным для культур степного типа одновременным существованием палеолитических и мезолитических приемов раскалывания камня.

7. Известные стоянки Монголии, Ордоса, Алашаня, Синцзяня, Северо-Западной Индии и Пакистана указывают на возможные пути проникновения древних племен не высокие плато Тибета и в горные страны, лежащие между Тибетом и Памиром. Остаются, однако, практически совсем не изученными долины альпийской зоны - глубоко расчлененные хребты и глубокие ущелья, ведущие к высокогорным плато. Отсюда пока известны лишь отдельные маловыразительные находки (Каргил, Пахлгам, стоянки по р. Ялунцзянь и др.). Это, как и в случае с Памиром, затрудняет представление о путях проникновения древнего человека в Тибет.

8. В Тибете долгое время были известны лишь отдельные находки в низкорасположенных долинах Южного Тибета. В 1956 г. сделаны первые сборы на Тибет-Цинхайском плато на уровне от 3500 до 4300 м над уровнем моря. Всего здесь обнаружено 4 местонахождения. Три из них расположены на восточной окраине Тибетского плато, а одно - на склонах последнего у г. Голмо на высоте 3500 м. Среди находок - несколько характерно оббитых галек, грубых скребел и скребков, микролитический нуклеус. Все эти инструменты находят аналогии среди мезолитического инструментария памира. Вот почему трудно согласиться с палеолити-

ческой датировкой тибетских находок, предложенной С.Л.Шиу.

Упомянутые работы начала века на восточных окраинах Тибета были проведены в несколько иных экологических условиях. Здесь, несмотря на значительную высоту (от 2000 до 4500 м), сухие, покрытые галечником долины часто сменяются районами распространения лёссового покрова. В последнем случае каменные орудия сопровождаются находками керамики. Небольшие и плохо описанные коллекции из Сиккана позволяют все же достаточно определенно представить облик существовавшей здесь индустрии, близкой к "галечным культурам", характерным для каменного века многих областей азиатского континента.

9. Таким образом, можно пока в самых предварительных чертах проследить этапы заселения высочайших гор Азии человеком каменного века. 1). В эпоху палеолита полностью освоены подгорно-равнинная и предгорная зоны, палеолитические охотники проникают в крупнейшие депрессии, заходят в узкие глубокие ущелья, где осваивают пещеры. 2). В пост-палеолитическое время в горных районах Азии: Тянь-Шане, Кузнь-Луне, Гималаях, Памире, Тибете, Сино-Тибетских горах—существовала, по всей очевидности, близкая и по многим чертам однородная археологическая культура, охватывающая значительный отрезок времени, которая, вероятно, распадается на ряд локальных группировок и хронологических этапов. Сходство этих индустрий мезо-неолитического времени, уже обнаруженных на Памире и Тибете, определяется, прежде всего, условиями природной обстановки высокогорья.

В.Е.Ларичев

ТИБЕТ И ПРОБЛЕМА РОДИНЫ ЧЕЛОВЕКА. ОТКРЫТИЕ
ПАЛЕОЛИТА НА ТИБЕТ-ТИНХАЙСКОМ ПЛАТО И В
СОСЕДНИХ С НИМ РАЙОНАХ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

1. В конце XIX — первые десятилетия XX вв. в кругах американских геологов и палеонтологов особой популярностью пользовалась гипотеза центральноазиатской прародины человека. Идея об особой роли Центральной Азии в происхождении человека, впервые выдвинутая Дж.Лейди в 1857 г., а затем поддержанная А.Катрфажом, была разработана в деталях Г.Ф.Осборном, В.Д.Мэтью, Дж.Баррелом, О.Абелем, Д.Блэком, А.В.Грабо, П.П.Сушкиным и Г.Ф.Дебецом.^{1/}

1/ H.F.Osborn. Asia the mother of continents. In the book of R.Ch. Andrews: On the trail of ancient man. N.Y., 1926 /also in "Science", April 13, 1900/: W.D. Matthew. Climate and evolution. Special Publication of the New York Academy of Sciences. N.Y., 1950, v.I: J.Barrel. Probable relations of climate change to the tertiary ape-man."The Scientific Monthly"; D.Black. Asia and the dispersal of primates. "Bulletin of the Geological Society of China", 1925, v.IV, no.2: A.W.Grabau. Tibet and origin of man. /a special off print/: A.W.Grabau. Did man originate in Asia? "Asia Magazine", Jan., 1935: A.W.Grabau. Tibet — the cradle of human race. "Collec t. O o m m . S i n o d a l i s " ,

1943, v. XV; П.П.Сушкин. Высокогорные области земного

2. Существо концепции, в которой Тибету отводилось особо важное место, заключается в определении единого центра эволюции и дисперсии фауны. Решающим фактором этих процессов объявлялись резкие климатические изменения, вызванные грандиозными подъемами целых платформ континентов и отдельных горных цепей. Появление в третичную эпоху различных ландшафтно-климатических зон стало одним из наиболее серьезных испытаний для жизни на Земле. Нарушение установившихся и привычных условий существования стало, по мнению В.Д.Мэтью, главным стимулом эволюции фауны. В ее истории начинается длительный период трансконтинентальных миграций в привычные для животных климаты и ландшафты, исчезают старые, не приспособленные к новым условиям формы, бурно эволюционируют те виды, которые смогли приопособиться и развиваться в новом направлении.

3. Наиболее вероятный центр этой цикличной по характеру дисперсии располагался в "Серединной Азии". Подъем Гималаев и Тибетского плато привел, согласно взглядам сторонников гипотезы, к катастрофическим по последствиям географо-климатическим изменениям в Центральной Азии, где возникла уникальная для Земли "биологическая лаборатория" с широкими вариациями условий жизни и ярко выраженной изолированностью от тропических районов Азии. С территории Гоби и Синьцзяна последовательными волнами один за другим радиально распространялись фаунистические ансамбли, достигая на востоке района Скалистых гор Нового Света, а на западе — Европы и Африки. Архaisческие сообщества животных "вытеснялись за пределы" Центральной Азии "прогрессивными сообществами", а затем процесс начинался заново. Антропоиды подчинялись этому "генеральному принципу рассеивания".

4. Центральная Азия и Тибет представляли собой, согласно идеям последователей центральноазиатской гипотезы, единственный шар и вопрос о родине первобытного человека. "Природа", 1927, № 3; Г.Ф.Дебец. Территория СССР и проблема родины человека. "Краткие сообщения института этнографии", 1952, т.ХУП. Подробный обзор см. В.Е.Ларичев. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. ч.1 Азия и проблема родины человека. Новосибирск, 1962.

в своем роде и самый благоприятный район Земли, где вследствие счастливо сложившихся обстоятельств в миоценовую эпоху начался длительный и сложный процесс превращения антропоидной обезьяны в человека. Г.Ф.Осборн, В.Д.Мэтью, А.В.Грабо и Д.Блэк считали, что изоляция антропоидов от тропиков юга Азии вследствие подъема Гималаев и Тибетского плато и последовавшее затем иссушение территории Центральной Азии стали отправным рубежом антропогенеза. Гибель здесь тропических лесов "заставила" антропоидов сойти на землю, а мощный континентальный подъем и сложившиеся вследствие этого особенно суровые условия существования стали главными факторами, предопределившими успех очеловечивания антропоидной обезьяны. В связи с этим особое внимание Тибету уделял А.В.Грабо. По его мнению, именно здесь прежде всего появились "протоантропы", которые со временем, освоив огонь и научившись использовать в качестве орудий зоолиты, мигрировали в Тарим. Этот район Центральной Азии, где протоантропы "изобретают" искусственное изготовление каменных орудий и добывание огня, становится базой для широких миграций в самые отдаленные участки Старого Света. Процесс этот продолжался, по утверждениям А.В.Грабо, в течении 12 000 000 лет.

5. Теперь, в свете новых открытий, очевидны просчеты творцов гипотезы центральноазиатской прародины. Подавляющее большинство их рассматривало предков человека как одно из обычных звеньев биологического сообщества, не учитывало социальных аспектов проблемы, фактора колоссальной силы в ходе антропогенеза, в значительной мере преувеличивало значение географо-климатических явлений. Центральноазиатская теория в этом виде, в котором она сложилась к 20-м годам, представляет сейчас лишь историографический интерес. Она основывалась на чисто гипотетических, односторонне ориентированных теоретических выкладках самого общего порядка и не получила широкого признания, поскольку не подкреплялась фактами в области палеоантропологии и археологии палеолита. Это обстоятельство не умаляет, тем не менее, важной роли, которую сыграла центральноазиатская гипотеза как своеобразный стимул к организации ряда грандиозных научных предприятий, которые привели к выдающимся открытиям. Среди них особо следует отметить удачные поиски палеоли-

та П.Тейяр де Шардена и Э.Лисана на территории Ордоса, Н.Нальсона в Гоби и успехи Д.Блэкз в исследованиях Чжоукоудяня!^{1/}

6. Тибет в связи с проблемой древнейшего человека не потерял, однако, интереса, хотя тема эта может разрабатываться сейчас в ином, чем ранее, аспекте. Важное значение приобретают, в частности, вопросы, связанные с путями и временем первоначального освоения людьми каменного века высокогорных областей Азии, а также роли Тибет-Цинхайского плато в ходе заселения нижнепалеолитическими охотниками территории Восточной и Центральной Азии. Предгорья Плато, разумеется, не лучший маршрут для миграций с юга Азии в ее северные пределы. Однако отсутствие широких водных преград и наличие богатых запасов сырья для изготовления каменных орудий могли предопределить выбор и этого направления. Во всяком случае, анализ имеющихся материалов по каменному веку Тибета и непосредственно прилегающих к нему на востоке предгорий верховьев Янцзы и Хуанхэ заслуживает самого пристального внимания.

7. Впервые древнекаменный век вблизи Тибет-Цинхайского плато был открыт в 1913 г., т.е. ранее, чем где-либо в Китае. Палеолитические изделия в юго-западных пределах Сычуани обнаружил миссионер Р.И.Гастон Эдгар. К сожалению, эта коллекция оказалась потерянной для науки. Последующие сборы производились им же в долине Янцзы между Ичаном и Литаном /лессовые террасы района Датяньду на тибетской границе, террасы вдоль Миньхэ между Чэнду и Суйфу, а также около Чэнду и Монконга/^{2/}. Особый интерес представляют 5

1/ M.Boule, H.Breuil, E.Licent and P.Teilhard de Chardin. Le paléolithique de la Chine. "Archives de l'Institut de Paleontologie Humaine". Memoire 4, Paris, 1928; D.Black, P.Teilhard de Chardin, C.C.Young and W.C.Pei. Fossil man in China. "Geological Memoirs. Ser.A", no.II. Peiping, 1933.

2/ D.C.Graham. A preliminary report of the Hanchow excavation. "Journal of the West China Border research Society", 1933-34, v.VI: D.C.Graham. Implements of prehistoric man in the West China Union University Museum of Archaeology. "Journ. of the West China Border Research Soc.", 1935, v.VII; G.T.Boules. A preliminary report of

орудий, которые подобраны в долине между Ичаном и Чжунцзинем. Два из них, остроконечник и ручное рубило ашельского типа, были извлечены из слоя цементированного галечного конгломерата. Оба изделия патинованы и связаны с одной из плейстоценовых сложенных конгломератами террас - нейчанской или так называемой "высокой террасой Ичана". Х. де Терра датирует их поздней порой среднего плейстоцена /второе межледниковье/ или ранним этапом верхнего плейстоцена /третье оледенение/. Остальные обработанные камни, главным образом отщепы, относятся к значительно более позднему времени - они происходят из лессовых склоновых отложений, эквивалентных маланскому лессу Ордоса. В то же время не исключается возможность их переотложения и связь с более древними горизонтами. Из других находок, сделанных позже, следует упомянуть ретушированный кремневый инструмент, подобранный П.Тейяр де Шарденом около Вань-сяна^{1/}.

8. В пределах Тибет-Цинхайского плато каменные изделия донеолитической эпохи удалось выявить лишь в 1957 г. во время разведочного маршрута сотрудника Института геологии АН КНР Чжао Цзун-по^{2/}. Все обработанные камни были подобраны на поверхности речных террас и не сопровождалась ни керамикой, ни шлифованными орудиями. Поражает значительная высота над уровнем моря пунктов находок - три из них выше 4 300 м, а один около 3 500 м. Никогда до этого в Азии не приходилось открывать стоянок каменного века на такой огромной высоте. Согласно описания Цюй Чжун-лана, Чжао Цзун-по собрал следующие материалы:

а/ в первом местонахождении, расположенном на берегу реки к западу от г. Хэйхэ, поднято два обработанных камня, в том числе миниатюрный конический нуклеус "микролитического" типа;

б/ на территории второго местонахождения, расположенного на

archaeological investigations on the Sino-Tibetan border of Szechwan. "Bull. Geol. Soc. China", 1933, v. XIII; H. de Terra. Pleistocene formations and stone age man in China. Peking, 1941.
1/ P. Teilhard de Chardin and C. C. Young. The Cenozoic formations of S. E. Shansi. "B. G. S. C.", 1933, v. XII.

2/ Chiu Chung-lang. Discovery of paleolith on the Tibet-Tsinghai plateau. "Vertebrata Palasiatica", 1958, v. II, nos. 2-3.

берегу р. Оулан-Мулун, притока Дунтяньхэ /истоки Янцзы/, в 10 км к северу от поселка Тотохэян найдено 3 изделия, в том числе небольшой скребок из желтого халцедона;

в/ третье местонахождение Хохоили дало особенно обильные сборы /оно расположено на берегу р. Чжуншуй, притока Дунтяньхэ в 20 км к югу от тибетского поселка Хохоили/; среди находок преобладают классические по типу чопперы и скребла из речных галек;

г/ на местонахождении Саньчакоу, расположенном в 98 км на юго-запад от г. Гарму, недалеко от истоков Хуанхэ, найден один скребок из кварцита.

Поскольку каменные орудия на каждом из пунктов залегали на поверхности, а не *in situ*, определить точное время культуры не представляется возможным. Однако донеолитический возраст ее не вызывает особых сомнений. По-видимому, Чжао Цзун-по открыл на территории Тибета культуру финальной стадии верхнего палеолита или, вероятнее всего, мезолита.

9. Суммируя сведения о палеолите Тибет-Шинхайского плато и прилегающих к нему западных областей Сычуани, следует выделить следующие этапы освоения высокогорных территорий:

а/ В предгорных районах Тибета в бассейне Верхней Янцзы человек, очевидно, появляется впервые в эпоху среднего плейстоцена; примечательно, что для культуры его характерна техника двусторонней оббивки, а ашельские по типу орудия имеют, по мнению Х. де Терра, близкие аналогии в культуре рубил центральных и южных областей Индии; их следует также сравнивать с патжитанскими изделиями Явы, ашельскими по характеру орудиями ранней поры среднего плейстоцена, открытыми в Динцуне, Кэхэ и Ланьтяне, а также рубилами горы До Северного Вьетнама.

Таким образом, рубила верховьев Янцзы представляют собой, возможно, связывающее звено между культурами юга Азии и бассейна Хуанхэ; они отражают один из самых ранних этапов миграции нижнепалеолитических групп охотников в центральные районы континента.

б/ В эпоху верхнего палеолита человек прочно осваивает предгорья Тибета, однако плато долго остается пустынным из-за крайне суровых и неблагоприятных условий существования; судя по всему, первые группы людей каменного века проникают в центральные районы

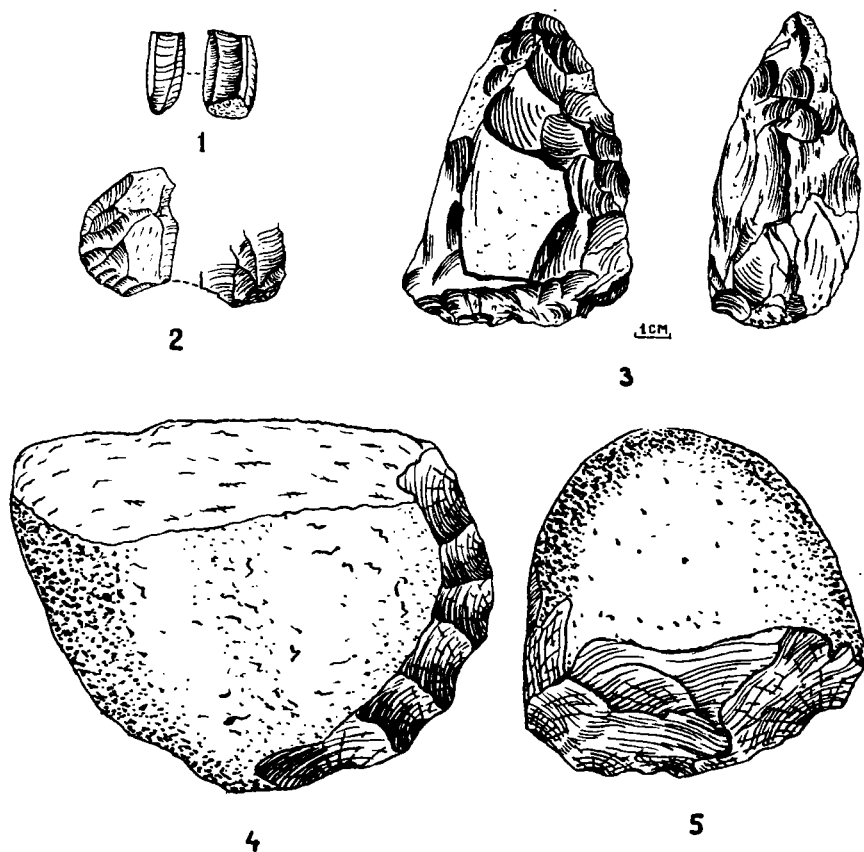
Тибета и Цинхая в самом конце верхнего палеолита или, вероятнее всего, в мезолите. Именно в этот период, но едва ли раньше, начинается интересный процесс адаптации организма к высокогорью у определенных групп населения Юго-Восточной Азии, которые мигрировали на одно из величайших в мире плато. Этот район настолько тяжел и необычен по условиям жизни, что освоение его человеком было вызвано, очевидно, перенаселенностью в соседних областях, расположенных к востоку. Поскольку сама по себе относительная перенаселенность вряд ли могла возникнуть раньше времени заключительных этапов верхнего палеолита, то это обстоятельство лишним раз подтверждает поздний возраст донеолитических памятников Тибета.

Ю. Что касается характера и определяющих особенностей донеолитической культуры Тибет-Цинхайского района, то примечательно, прежде всего, наличие выразительного комплекса галечных инструментов, типичных для Восточной, Центральной и Северной Азии разновидностей — чопперов и примитивных, нижнепалеолитических по облику и способам обработки скребел. Глубокий арханизм этой части инвентаря не свидетельствует, однако, о раннем возрасте памятников, поскольку в большинстве районов восточной половины азиатского континента такого рода изделия нельзя считать датирующими элементами /они "переживают" вплоть до эпохи неолита/. О позднем времени открытых на плато местонахождений свидетельствует "микролитический" нуклеус, обнаруженный в районах Хэйхэ.

Эта единичная находка имеет, тем не менее, особую ценность, ибо размещение в одном комплексе находок грубых галечных орудий и высокосоввершенных по технике обработки изделий позволяет включить Тибет-Цинхайский район в ареал культуры, очерченный в свое время Замятинным. Иначе говоря, в древнейшей культуре каменного века Тибета прослеживаются культуры определяющих элементов, хорошо известных в донеолитических культурах Северной, Центральной и Восточной Азии.

II. Продолжение поисков палеолита на территории Тибета и прилегающих к нему на востоке областях предгорий может привести к интереснейшим открытиям. Если верхнепалеолитические и мезолитические памятники плато помогут раскрыть особенности базовой

культуры древних тибетцев, то исследования верховьев Янцзы и Хуанхэ, возможно, откроют благоприятные перспективы для уточнения процесса первоначального освоения палеолитическими людьми "культуры рубил" северного ареала Восточной Азии /бассейн среднего течения Хуанхэ/, а также, возможно, на более поздних этапах пустынных и степных пространств Центральной Азии.

Каменные изделия Тибет-Цинхайского плато (1-2, 4-5) и верховьев Янцзы (3).

ГОБИЙСКИЕ НУКЛЕУСЫ И ПРОБЛЕМА
ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

1. В течение нескольких столетий в решении вопроса о предках американских индейцев предпочтение отдавалось поочерёдно либо представителям североафриканских народов эпохи развитых цивилизаций, либо палеолитическому населению Европы.^{1/}

2. В 1933 г. известный американский археолог Н.К.Нельсон, просматривая коллекции каменных изделий, обнаруженных вместе с останками мамонта в слое вечной мерзлоты на стоянке Кэмпдус /субарктическая зона Северной Америки/, впервые обратил внимание на сходство нуклеусов-скребков Аляски и Гоби. Нуклеусы-скребки оказались изделиями настолько типологически своеобразными, что тогда же Н.К.Нельсон определил Центральную Азию как район возможной прародины американских индейцев.^{2/} Действительно, поскольку конвергентное появление столь специфических изделий на Аляске и в Гоби определённо исключается, то они становятся, как любой редкостный этнографический объект, превосходным индикатором взаимодействия родственных культур или даже прямых миграций древнего населения. Несколько лет спустя, после проведения сравнительного анализа материалов со стоянок, давших нуклеусы-скребки или, иначе говоря, гобийские нуклеусы, знаменитый французский палеонтолог и геолог П.Тейяр де Шарден пришёл к выводу о существовании в период

1/ Г.Ф. Дебец. Происхождение коренного населения Америки.

"Происхождение человека и древнейшее расселение человечества".

Труды Института этнографии им.Н.Н.Миклухо-Маклая, М., 1951;

А.П.Окладников. Заселение Америки и Австралии человеком.

"Всемирная история", том I, М., 1955 ; N.C.Nelson. The antiquity of man in America in the light of archaeology. "The American aborigens: their origin and antiquity", edited by Jenness, Toronto, 1933.

2/ N.C.Nelson. Notes on cultural relations between Asia and North America. "American Antiquity", 1937, vol.2, no.4.

мезолита и неолита "единой циркумполярной культурной области", охватывающей Монголию, Маньчжурию, Сибирь и Аляску.^{1/} Так, впервые на основе археологических материалов была сделана попытка отыскать генетические корни аборигенов обеих Америк в районе Старого Света, расположенном по ту сторону не Атлантического, а на сей раз Тихого океана.

3. Однако ожидаемого отклика на эти весьма любопытные предположения, суть которых радикально меняла укоренявшиеся веками представления о путях миграций населения в Западное полушарие, своевременно не последовало. Причиной тому, очевидно, послужили обстоятельства, с которыми нельзя было не считаться. Во-первых, известные в ту пору наиболее древние палеолитические стоянки располагались в южных широтах Северной Америки, а собранные на них материалы или, точнее, некоторые типы ведущих охотничьих орудий, обработка их позволяли обратиться к поискам аналогий среди каменных изделий солотрейских памятников Западной Европы. Что касается северо-западных районов США, то Кэмпбус, на материалы которых опирались в выводах Н.К.Нельсон и П.Тейяр де Шарден, по сути дела, представляла собой единственную из открытых здесь стоянок палеолитического времени. К тому же она оказалась не столь древней, как местонахождения юга США: возраст её соответствовал концу верхнего палеолита – раннему мезолиту. Во-вторых, имеющиеся факты не позволяли представить как в целом характер исходной для американского палеолита азиатской культуры, так и изменения, которые могли претерпевать отдельные её элементы в процессе продвижения населения древнекаменного века на север вплоть до Аляски.

4. Интенсивное археологическое изучение всех районов североамериканского континента, предпринятое за последние два десятилетия, привело к открытию ряда стоянок, материалы которых удвевнили на 10-15 тысяч лет предполагаемое ранее время первых миграций охотничьего населения и подтвердили правильность гипотезы

1/ P.Teilhard de Chardin. On the presumable existence of a world-wide subarctic sheet of human culture at the dawn of the neolithic. "Bulletin of Geological Society of China", 1939, vol.XIX; P.Teilhard de Chardin. "Early man in China", Peking, 1941.

тезы Н.К.Нельсона и П.Тейяр де Шардена об азиатском происхождении первых американских аборигенов.

5. Вместе с тем, открытия последних лет в районе оз.Байкал,^{1/} в Якутии,^{2/} Монголии,^{3/} Маньчжурии,^{4/} Приморье,^{5/} Японии,^{6/} на Камчатке,^{7/} и Аляске,^{8/} с одной стороны, значительно расширили круг стоянок, на которых встречаются нуклеусы-скребки и сколотые с них микропластины, а с другой, позволили установить возрастную дифференциацию и более чёткие связи между ними. Что же касается Северной Америки, то на некоторых арктических и субарктических местонахождениях нуклеусы-скребки и микропластины продолжают встречаться на стоянках вплоть до начала нашей эры; кульминационного развития культура вкладышевой техники достигает в позднем мезолите, а также в неолите; первые микролитические изделия появляются на Аляске в конце верхнепалеолитического периода. Они представлены в коллекциях со стоянок культуры ленали^{9/} — к ней относят и Кэмпдус,— которая во многом сходна с одновременными азиатскими культурными комплексами местонахождений, расположенных зачастую на расстоянии в несколько тысяч километров от конечного пункта миграций. Существенной чертой, указывающей на такую связь, является наличие на всех памятниках, помимо микролитических

1/ М.П.Аксёнов. Археологические исследования на многослойном памятнике Верхолёнская гора в 1963—65 гг. "Отчёты археологических экспедиций за 1963—65 гг.", Иркутск, 1966; Он же. Стоянка Черёмушник / к вопросу о месте бодайской культуры в каменном веке Прибайкалья/. "Сибирский археологический сборник. Древняя Сибирь", вып.2, Новосибирск, 1966; Он же. Комплекс нижнего культурного горизонта стоянки Макарово на Лене. "Сибирь и её соседи в древности. Древняя Сибирь," вып.3, Новосибирск, 1970; Г.И.Медведев. Новые данные о нижних слоях стоянки Усть-Белой. Там же. Он же. Место культуры Верхолёнской горы в археологической периодизации Прибайкалья. "Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока", Новосибирск, 1961; Он же. Археологические исследования многослойной стоянки Красный Яр, на Ангаре в 1964—65 гг. "Отчёты археологических экспедиций за 1963—65 гг.", Иркутск, 1966.

2/ Ю.А.Мочанов. К вопросу о начальных этапах заселения Нового Света. "Географическое общество СССР. Доклады по этнографии", вып. 4, 1966; Он же. Джуктайская пещера—новый палеолитический памятник

орудий, двусторонне обработанных изделий из крупных пластин, сколотых с подпризматических нуклеусов, резцов на удлинённых отщепах и костяных /обычно из рога северного или канадского оленей/ основ для вкладышевых инструментов.

6. Таким образом, появление гобийских нуклеусов на Аляске нужно связывать не с первой, а, скорее, с последней волной миграций палеолитического населения /12 - 10 тыс. лет назад/. Тем не менее, именно этот типично азиатский элемент культуры, как ни какой другой, убедительно свидетельствует о том, что корни более древних палеоиндейских культур Северной, а также, видимо, Южной Америки нужно искать в Азии. Однако, как теперь становится очевидным, после изучения результатов полевых исследований, проведённых за последние годы советскими и зарубежными археологами, круг таких поисков не может ограничиваться только территорией Центральной Азии. Его следует расширить за счёт северных и восточных частей азиатского континента.

Северо-Восточной Азии/результаты работ 1967г. "По следам древних культур Якутии", Якутск, 1970; Он же. Древнейшие этапы заселения Северо-Восточной Азии и Аляски/к вопросу о первоначальных миграциях человека в Америку."Сов.Этн.", М., 1969, №1; Ю.А. Мочанов, С.А. Федосеева. Палеолитическая стоянка Ихине в Якутии."Сов.Арх.", М., 1968, №4.

3/ В.Е. Ларичев. "Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии", тома I и 2, Новосибирск, 1969 и 1972.

4/ Там же.

5/ А.П. Окладников. "Далёкое прошлое Приморья", Владивосток, 1959.

6/ В.Е. Ларичев. Палеолит и мезолит Японии. "Сибирь и её соседи в древности. Древняя Сибирь", вып. 3, Новосибирск, 1970.

7/ Н.Н. Диков. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки. "История и культура народов севера Дальнего Востока". Труды СВКНИИ, вып. XVII, 1967.

8/ Н.А. Береговая. Древние культурные традиции американской арктики и их связи с северо-востоком Сибири/по раскопкам 1955-64 гг./

9/ F. Hadleigh-Weat. The Donnally Ridge site Там же.
and the definition of an early core and blade complex in Central Alaska. "American Antiquity", 1967, vol. 32, no. 3; G. Willey "An introduction to American prehistory", New Jersey, 1966.

Б.Г. Григоренко

О ВРЕМЕНИ И УСЛОВИЯХ ПРОНИКНОВЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ЯПОНИЮ

1. Рисосеяние, по мнению большинства специалистов (Коупленд, Вавилов, Буркиль, Хамада), возникло в районе стыка границ нынешних Индии, Бирмы и Китая. В третьем – начале первого тысячелетия до нашей эры, пройдя по территории нынешнего Китая и Кореи, оно проникло в Японию.

2. Этому событию предшествовала длительная цепь последовательно сменявших друг друга археологических культур. В ее ходе на смену так называемому "докерамическому периоду" пришла раннекерамическая культура дзёмон. Следует заметить, что она вызывает осторожное отношение у большинства археологов своей необычайно ранней датировкой (12.000 лет – Сэридзава).

3. На смену культуре дзёмон примерно в Ш.в. до нашей эры на Японские острова пришла культура яёй. Время ее появления там, по всей вероятности, связано с миграцией очередной группы двигавшихся с континента на восток людей. На это указывали Окладников, Сугихара и др. Действительно, одна из ранних стоянок культуры яёй – Итадзукэ содержит позднюю керамику культуры дзёмон вместе с наиболее ранними керамическими изделиями нового типа и каменными орудиями, не встречающимися в комплексах дзёмон. Вместе с ними найдено пряслице.

На этом элементы нового не исчерпываются. Стоянка Сайтояма, материал которой перекликается с Итадзукэ, содержит в своем комплексе железный топор. Главное же, что в данном случае важ-

но, керамика яёй на Итадзукэ найдена с культурой риса

Причем это не только обугленные зерна. На дне сосудов сохранились рисовые зерна, позволившие определить даже сорт.

Поэтому можно считать, что земледелие пришло в Японию вместе с ткачеством и употреблением железных орудий, которые, надо заметить, появились в Японии ранее бронзовых и, видимо, на определенном этапе завозились с континента.

Истоки культуры яёй прослеживаются, главным образом, на севере Кюсю, обращенном к Корейскому полуострову (Итадзукэ и Татэясики – префектура Фукуока; Сайтояма – префектура Кумамото и др.). Каменные орудия, сопровождающие яёйскую керамику на стоянке Итадзукэ, имеют ярко выраженные континентальные черты.

4. Таким образом, с полным основанием можно считать, что культура яёй появилась в Японии в результате переселения на острова с континента какой-то группы людей, принесших прогрессивные традиции. После контакта с ними уже существовавшая на архипелаге в течение около 10 тысяч лет местная культура дзёмон стала развиваться в новом направлении. Это привело к радикальному прогрессу во многих областях жизни островного населения. Возникла возможность получения значительного избыточного продукта, его присвоения и накопления. Это, в свою очередь, повлекло быстрое изменение социальной организации населения.

5. В раннем периоде эпохи яёй и в первой половине среднего нет данных, свидетельствующих о значительной социальной дифференциации в островных родовых общинах. Правда, появились уже настоящие кладбища. Захоронения, производились в сидячем и лежащем положениях. Кроме необработанных камней, лежащих в изголовье или окружающих погребения, на некоторых костяках имеются бусы из камня и ракушек, браслеты и кольца из ракушек. В ряде захоронений имеется керамика, но нигде нет каких-либо ценностей и орудий из бронзы и железа. (Могильник Дойгахана).

Со второй половины среднего периода эпохи яёй вождя в загробный мир уже сопровождают в двойных погребальных кувшинах бронзовые зеркала, бронзовые кинжалы и другое оружие, изготовленное в Корее (стоянки Киридаси, Сугу, Микумо). Бронза этого периода в виде оружия и украшений является в Японии наиболее ранней, связана с социальной дифференциацией и приобретена вождями на континенте. Железные орудия в это время в Японии уже

были в обиходе, так как их проникновение на острова связано с аграрными нововведениями. Следует подчеркнуть, что вожди еще не пользовались, видимо, в этот период достаточным влиянием и их продолжали хоронить на общих кладбищах, вместе с рядовыми общинниками.

6. Зародившись на севере Кюсю, земледелие в ранний период яёй (300–100 гг. до н.э.) распространилось на весь Кюсю, затем на остров Сикоку и районы Тюгоку, Кинки и запад района Токай.

В средний период яёй (100 г. до н.э. – 100 г. н.э.) оно проникло в центральную часть района Токайдо, а затем в центр Тохоку.

Процесс завершился в поздний период яёй (100 – 300 гг. н.э.), когда земледелие достигло крайнего севера острова Хонсю, и им была охвачена вся тогдашняя Япония.

7. Параллельно с развитием земледелия, древнее население Японии продолжает заниматься охотой и рыболовством. Об этом свидетельствуют находки в раковинных кучах Сайтояма, Канаяма, Ёсида и т.д. Развивается ткачество – появляется горизонтальный ткацкий станок. В результате введения ряда усовершенствований улучшаются судоходные качества и остойчивость местных челнов, что, несомненно, приводит к интенсификации контактов с соседними народами и материком.

8. В средний период яёй в культуре, сложившейся на основе синтеза местных традиций и ввезенных прогрессивных элементов и навыков, начинает проходить процесс дифференциации. Керамика приобретает ярко выраженные локальные признаки: на Сикоку, в Кинки и Тюгоку развивается гребенчатая керамика, а на Кюсю – гладкостенная. Этот факт еще раз указывает на место, являвшееся центром контактов с континентом. Культурные связи с ним усиливаются именно на Кюсю, в то время как в более отдаленных районах появляются и углубляются местные традиции.

В поздний период яёй гребенчатая керамика, все более распространяясь по архипелагу, постепенно утрачивает украшения и переходит в керамику нового типа – хадзи. В истории японских островов начинается новый период.

9. Итак, появление в Японии земледелия, в частности, возделывания риса, по всей видимости, было принесено с континента

какой-то группой переселившихся людей. Оно сопровождалось появлением железных орудий, ткачества, оригинальной керамики, необычных для архипелага каменных орудий.

Вместе с тем, на первом этапе продолжались местные традиции: керамика дзёмон, каменные орудия, охота и рыболовство. Перевариваясь в том своеобразном культурно-этническом котле, которым на протяжении долгого времени являлись Японские острова, оба этих компонента создали своеобразную культуру, которая на определенном этапе, в свою очередь, стала дифференцироваться на ряд локальных традиций. Развивается мореплавание, улучшаются мореходные качества японских судов. Усилились контакты с континентом. Появление земледелия принесло избыток продуктов питания, позволило накапливать их, что повлекло социальное расслоение, выделение вождей и присвоение ими избыточного продукта. Возросло население островов, о чем говорит увеличение количества деревень.

Период яёй переходит в период Хадзи или период погребальных курганов, когда социальная дифференциация и производительность труда достигли такой степени, что создались условия для возникновения древнего Японского государства.

О РАСПРОСТРАНЕНИИ КУЛЬТУРЫ ЯНШАО
К ГРАНИЦАМ ТИБЕТА

1. Летом 1923 года шведский геолог И.Г.Андерсон сделал в Цинхэе ряд замечательных открытий, позволивших наметить новую границу распространения культуры яншао — от Хэнани до Тибета. Это послужило началом широких археологических исследований Тибетского района. Они продолжались в течение почти полувека и принесли массу интересных находок и наблюдений. И.Г.Андерсоном было найдено в Цинхэе 16 стоянок. Две из них — Чжуцзячжай близ Синина^{1/} и Мацзянянь, открытая вслед за ней, — оказались наиболее интересными. Они принадлежали к культуре крашеной керамики.^{2/}

2. Столь успешно начавшиеся исследования Цинхэя были прерваны войной и возобновились лишь в 1948г. китайским археологом Пэй Вэнь-чжуном. Его наблюдения подтвердили правильность высказывания И.Г.Андерсона о том, что культура Яншао в Цинхэе достигает района Синин, изобилующего столь характерными для этой культуры стоянками типа Мацзяяо и Мацян.^{3/} Раскопки в долине Хуаншуй, проведенные в 1958г. сотрудниками института археологии КНР, показали, что стоянка Чжуцзячжай представле-

^{1/}Открытие стоянки Чжуцзячжай решило судьбу самого И.Г.Андерсона. "Оно побудило меня окончательно забросить геологическую работу с тем, чтобы поовятить остальную часть моей жизни археологическим изысканиям". J.G.Andersson. Children of the Yellow Earth. London. 1934, p. 224

^{2/}По мнению китайских археологов, стоянка Шилипу, которую И.Г.Андерсон относит к культуре Яншао, принадлежит к комплексу Танван. (См. Ань Чжи-мин. Древние культуры Цинхэя. "Каогу", 1959, №7, с. 379, на кит. яз.)

^{3/}W.C.Pei. Archaeological reconnaissance in Kansu corridor &

на не только культурой Яншао, но и культурами Цицзя и Цяю. И.Г.Андерсон считал Цицзя предшественницей Яншао. Однако, в Шаньчэн уезда Миньхэ были найдены стратиграфические доказательства того, что Цицзя является не ранним этапом развития Яншао, как полагал И.Г.Андерсон, а более поздней культурой, пришедшей на смену Яншао в этом районе.^{4/}

3. В 1959 г. археологические исследования Тибета были продолжены Цинхайским комитетом по делам культуры. Во время разведочных работ в уезде Хуанчжун было найдено несколько неолитических стоянок, в том числе и культуры Яншао: в Тумэньгуань,^{5/} Шихуэйгоу, Танчэнгоу, Юньгучуань, Пинаньчжэнь и других местах. Многочисленные раскопки и тщательное изучение находок показали, что неолит Цинхая оставляет вместе с Ганьсу единый культурный ареал, характеризующийся следующими этапами: Яншао, Цицзя, Синьдянь, Танвэн и Цяю, — наиболее ранним из которых является культура Яншао.

4. Культура крашеной керамики представлена в Цинхэ памятниками двух типов: 1) расположенными, в основном, на крайнем западе провинции и относящимися к среднему периоду Яншао; 2) распространенными на востоке, принадлежащими к позднему периоду развития этой культуры.^{6/} И те и другие стоянки расположены обычно на лессовых террасах по берегам рек Хуаншуй и

in Kokohor region in Northwest China. "Contributions from the Institute of geology", 1948, N8 pp.89-117.

^{4/} Ань Чжи-мин. Древние культуры Цинхая. "Каогу", 1959, №7, с.376 (на кит.яз.)

^{5/} Чжао Шэн-чжэнь и У Жу-цао. Краткий очерк об исследованиях древних культур в Хуанчжун, Цинхай. "Вэньу", 1960, №6, с.35-36, (на кит.яз.)

^{6/} На востоке было найдено также несколько стоянок и первого типа, но их можно считать исключением.

Датунхэ, вблизи деревень, тесно примыкая друг к другу. Так, например, культурные сложения стоянки Чжуцзячжай обнаружены в самой деревне, под фундаментами современных домов.^{7/}

5. Для всех памятников характерны большие площади, мощные культурные слои, богатые разнообразными находками. Все это свидетельствует о сельскохозяйственном укладе жизни людей того времени. Кроме земледелия они занимались разведением свиней и собак, а также охотой, рыболовством и сбором растительной пищи. На это указывают найденные в большом количестве наконечники стрел, крычки, сети. Наиболее распространенными орудиями были топоры и ножи, имевшие типичную для всех стоянок культуры Яншао форму. Однако, каменные ножи, обнаруженные на стоянках позднего периода Яншао, отделаны очень грубо и имеют более архаичный вид, чем такие же ножи, найденные в Китайской низменности, центре культуры Яншео.

6. Оседлый образ жизни заставил людей строить долговременные прочные жилища полуподземного и наземного типа, которые конструктивно не отличаются от подобных построек в Китайской низменности. Жилой комплекс обычно располагался в северной части стоянки. На южной стороне находились места погребений. Система погребений является типичной для культуры Яншао в целом. Взрослых хоронили в горизонтальном, вытянутом (иногда согнутом) положении, детей в специальных погребальных урнах вагуань.

7. Различия между стоянками первого и второго типа ярче всего отражает керамика, которая составляет подавляющее большинство всех находок, сделанных в Цинхэе. Сосуды изготавливались вручную, ленточным способом, из чистого или грубого, смешанного с песком, глиняного теста. Столовая посуда на стоянках второго типа, относящихся к позднему периоду Яншао, намного хуже по своему качеству изделий из Китайской низменности.^{8/} Ее тесто содержит крупные зерна песка и отличается более светлым

^{7/} G. Andersson. The site of Chu Chia Chai. "Museum of Far Eastern Eastern Antiquity Bulletin", 1945, v. 17.

^{8/} N. Palmgren. Kansu mortuary urns of the Panshan & Ma Chang groups. "Palaeontologica Sinica", Ser. D, v. 3 fasc. 1, 204 pp.

желтоватым оттенком. Поверхность сосудов обработана плохо, полировка не такая тщательная, как, например, в Мацзяо или Баньшань. Представлена она мисками пэнъ и чашками вань, расписанными внутри и снаружи, что совершенно не типично для Китайской низменности.^{9/} На стоянках первого типа (средний период Яншао) найдено значительно большее количество форм, характерных для Китайской низменности: чашки бо, чашки вень, миски пэнъ, чаши доу. Такие же различия наблюдаются и в отношении кухонной посуды. На стоянках первого типа она представлена горшками вен и гуань, на стоянках второго — кувшинами ху и горшками гуань, но с маленькими устьями и высоким туловом. Следует отметить, что на стоянках, относящихся к позднему периоду Яншао/типа Чжунцзячжай и Мачан/, не было найдено остродонных бутылей пин, треножников дин и стаканов бэй, столь характерных для Китайской низменности. Наконец, можно заметить различия и в росписи сосудов. Так, крашенная керамика стоянок Чжунцзячжай и Мачан отличается более однородной росписью, особенно на больших сосудах. У маленьких же сосудов, найденных на стоянках, которые относятся к среднему периоду Яншао, расписана не только большая часть тулова, но и ручки.

8. Судя по находкам на стоянках керамики и хозяйственного инвентаря, можно сказать, что распространение культуры Яншао шло в Цинхай двумя путями: на крайний запад из Китайской низменности, а на восток — из Ганьсоу. В пограничном с Тибетом районе отмечен последний этап развития культуры Яншао, так называемый Мачанский, который испытал заметное влияние предшествующих: Баньпо и Мядоугоу из Китайской низменности и Мацзяо и Баньшань из Ганьсу.

Таковы вкратце наиболее яркие черты, характеризующие культуру Яншао в Тибетском районе.

^{9/}у Ху — цзо. Обзор первобытных культур в районе Ганьсу-Цинхай и их взаимоотношение. "Каогу", 1961, №1, с. 12-19 /на кит. яз./.

М.В.Крюков.

ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ ЦЯНСКИХ ПЛЕМЕН

Письменная традиция связывает происхождение тибетцев (тубо исторических сочинений УП-IX вв.) с племенами цян, населявшими в первых веках н.э. обширные территории Северо-Западного Китая. Взаимоотношения с цянами играли значительную роль в политической и экономической жизни Ханьской империи, и в силу этого источники того времени сохранили немало свидетельств об образе жизни, особенностях хозяйства и социальной структуре цянских племен. Что же касается более раннего периода этнической истории цян, то письменные источники не дают возможности составить о нем сколько-нибудь отчетливого представления. Заглянуть вглубь истории цянских племен позволяют источники другого рода — прежде всего эпиграфические, а также данные археологических раскопок.

Изучение иньских гадательных надписей XIII-XI вв. до н.э. показывает, что конгломерат племен, различных по происхождению и уровню социально-экономического развития, входивший в сферу иньской гегемонии, не был стабильным государственным образованием. Входившие в него этнополитические объединения то признавали верховную власть иньского правителя, то выступали против него. К их числу принадлежали и цяны, населявшие районы современных провинций Шаньси и Хэнань.

Иньские надписи содержат данные о занятиях, особенностях внешнего облика цян, их религиозных верованиях и мифологии. Анализ этих материалов может быть полезен для решения ряда проблем этногенеза и ранней этнической истории тибето-бирманских народов.

СЫЧУАНЬСКИЕ ЦЯНЫ.

В провинции Сычуань КНР, в среднем течении реки Миньцзян, на территориях уездов Маосянь, Вэньсянь и Лисянь, входящих в тибетский автономный округ Аба, расположен автономный уезд народности цян. В настоящее время численность цянов составляет около 35-40 тыс.чел. Цяны входят в состав тибетской группы тибето-бирманской группы народов. Это люди стройного телосложения, не монголоидны/Т.Торранс/, "часто обнаруживающие семитические черты лица" /Эдгар/. Язык цянов относится к тибетской ветви тибето-бирманских языков. В нем выделяют три диалекта: саньцзисай, хоуэргу и цзюцзядунь /Вэнь М./.

С глубокой древности цянские племена заселяли юго-восточные районы пр.Ганьсу, юго-западную часть провинции Шэньси и северо-западные области провинции Сычуань. Они достаточно часто упоминаются в иньских гадательных надписях на костях. В последние века до н.э. - первые века н.э. под натиском китайцев цяны начинают переселяться на юг и юго-запад. С этим продвижением древнецянских племен связано происхождение тибетцев, ряда современных тибето-бирманских народов Китая (пр.Юньнань и Сычуань/, а также тибето-бирманского населения Бирмы и с.-в.индии. Сычуаньские цяны, наряду с дзярунг, цзяжунцянами, является народом, за которым у китайцев сохранилось древнее наименование их предков: "цянь".

Можно предполагать, что современные сычуаньские цяны произошли от смешения нескольких древних народов, в том числе гэ, жаньмань и цян. Племя гэ известно по преданиям современных цянов, оно заселяло территорию нынешнего цянского автономного уезда в первом тысячелетии до н.э. Этому племени, по-видимому, принадлежат могильники, выложенные сланцевыми плитами. Судя

по материалам обследования этих могильников, гэ были земледельцами. Селились они по берегам рек, а свои поля устраивали на речных террасах. Умерших они хоронили в могилах, выложенных изнутри сланцевыми плитами в 5-8 см толщиной. Культура могильников, выложенных сланцевыми плитами, датируется приблизительно 500-100 г. до н.э. Однако, если судить по китайским письменным источникам, в конце первого тысячелетия до н.э. эту же территорию населяли жаньмани. Жаньмани жили в высоких домах, сложенных из камня, часть их жила ооедло и занималась земледелием, а часть кочевала. Трупы умерших жаньмани сжигали /Хоу Хань шу/. То население, которое явилось предками современных сычуаньских цянов, сложилось в результате завоевания данной территории цянами севера и ассимиляции ими гэ и жаньманей. К 107-113 гг. н.э. цяны подчинили западные районы Сычуани/Чжэн Дэ-кунь/. Современные цяны в своих преданиях рассказывают об этом завоевании следующее: когда их предки пришли с севера, они столкнулись с сильным племенем гэ. Гэ были сильными людьми, цянские предания наделяют их звероподным обликом и хвостами. Жили гэ в пещерах, а трупы умерших они хоронили в могилах, выложенных сланцевыми плитами. Лишь с помощью богов предки цянов смогли подчинить гэ. В этом предании содержатся реальные факты: могилы, выложенные сланцевыми плитами, найдены в этом районе археологами, а переселение цянов с севера на юг подтверждается китайскими источниками. Различие в погребальном обряде у гэ и жаньмань не даёт нам возможности отождествить первых с последними, а заставляет предполагать самостоятельное существование племен гэ, о которых говорится в цянском предании. Кстати, некая страна Гэ упоминается и в иньских надписях на костях.

Известные нам сведения о хозяйстве и религии цянов относятся ко времени до образования КНР и проведения у цянов демократических реформ. Основное занятие цянов-земледелие. Они возделывают пшеницу, рожь, гречиху, картофель, кукурузу, выращивают разнообразные овощи. По традиции землю обрабатывают только мужчины. Женщины, старики и дети могут выполнять лишь вспомогательные работы. Обычай запрещает пахать женщине, так как считается, что она может навлечь несчастье. Основные сельскохозяй-

ственные орудия цянов — соха, мотыга, серп, коса-горбуша, двузубые вилы. Соха делается из дерева, на деревянную рассоху насаживается железный сошник. В упряжку обычно впрягают пару волов. Земля вспахивается неглубоко, на 6—10 см. Один человек, работая день на одной упряжке волов, вспахивает 2—3 му /12—18 соток/ земли. Сев производится вручную. Полевые работы цяны начинают с 15 января. Перед началом работ производится моление духам гор об урожае. В иных случаях к духам часто обращаются с просьбой о дожде, об избавлении от вредителей и т.п. До 1949 г. все пахотные земли у цянов находились в частной собственности и могли свободно продаваться и покупаться. Общими считались лишь пастбища и пустыри по горным склонам. По определениям китайских исследователей, в цянских деревнях преобладали середняцкие хозяйства. Часть крестьян-цянов арендовала землю у своих более состоятельных оородичей. Хозяйство цянов было в основном натуральным. На рынке покупали лишь металлические орудия, соль, керосин да ткани для головных уборов. В каждой семье женщины сами ткали холст, мужчины шили обувь и занимались другими ремеслами, все это преимущественно в свободное от сельскохозяйственных работ время. В зимнее время мужчины также занимались выжиганием извести, изготовлением щелочи, заготовкой дров, сбором лекарственных трав, переноской грузов.

Своеобразны религиозные представления цянов. Поклоняются цяны белому камню как обиталищу некоего верховного божества. Камень конической формы, ослепительной белизны, обычно кварц, устанавливается на алтаре из земли или камней, обложенных большими неотесанными каменными плитами. Алтарь сооружается в священной роще, у священного дерева, на высокой горе. Каждое селение имеет свое святилище. На алтаре у белого камня приносят жертвы. Регулярные жертвоприношения совершаются в первом, шестом и десятом месяце. Обычно в жертву приносят барана. Кровью жертвенного животного смачивают пучки свежей пшеничной соломы и разрызгивают кровь вокруг алтаря. После жертвоприношения мясо варят, делят между всеми присутствующими, прошедшими в свое время обряд приобщения, и они съедают его с заранее приготовленными лепешками из пшеничной муки. Обряд приоб-

щения состоит в следующем. Каждый цян с детства выкармливает жертвенного барана, которого и приносят в жертву во время обряда приобщения. Посвящаемому в таинства веры обвязывают вокруг шеи нитку, оставляя конец длиной в 30 см. От этого свободного конца отрезают кусок длиной до 10 см. В остальном все происходит так же, как и при обычном жертвоприношении. Кроме центрального алтаря, в каждой семье есть свой священный камень, который чаще всего устанавливается на крыше дома. Священные камни ставят в овященных рощах, на священных горах и во многих других местах, являющихся объектами поклонения. Сущность религиозных представлений цянов до сих пор не исследована. Возможно, это анимистические верования.

В настоящее время жизнь сычуаньских цянов быстро меняется. И если не вести систематического их изучения, наука может лишиться многих ценных сведений для восстановления этнических процессов, имевших место в прошлом у тибето-бирманских народов Китая и сопредельных стран.

Н.П.Шастина

Т Е З И С Ы

к докладу "Композиционное строение монгольских летописей"
(XII век)

I. Из публикаций последних двух десятилетий стало известно, что корпус монгольских летописей значительно обширнее, чем это можно было предполагать. После появления первой летописи в XIII в. — "Секретной истории монголов" — до нас не дошло других исторических сочинений вплоть до XII в. В этом веке жанр исторического повествования, условно называемый "летописями", возобновляется и утверждается в монгольской литературе как одно из литературных направлений. Из летописей XII в. известны и более или менее изучены пять. Однако известно, что летописей XII в. было больше, так как сохранились названия их в других сочинениях. Но подлинных текстов до сих пор не обнаружено. В последующие годы жанр исторического повествования продолжает развиваться. Выявляются некоторые особенности по сравнению с летописями XII века.

В XII в. возникает также новый жанр исторического повествования, так называемые "намтар" — биографии выдающихся деятелей буддийской церкви в Монголии.

II. Анализируя монгольские летописи XII в., можно прийти к выводу, что они делятся на две категории. К первой категории относятся большинство летописей, которые представляют собой произведения исторической мысли монголов и содержат основную идею — дать связанное изложение исторических событий в хронологическом порядке. Ко второй категории относятся летописи, которые скорее являются собранием материалов, чем связным изложением исторического прошлого. При этом собранный материал расположен по определенному хронологи-

ческому плану, который иногда нарушается повторениями уже рассказанного ранее.

III. Обе категории летописей XIII в., по сравнению с "Секретной историей монголов" (XIII в.), имеют несколько особенностей, общих для всех пяти. 1. Первой особенностью является отсутствие деления на главы. Повествование развивается единым потоком. Следует отметить, что деление на параграфы в "Секретной истории монголов" появилось в результате перевода летописи на китайский язык. Перевод был предпринят для учебных целей и для удобства учащихся был поделен на параграфы. В XIII в. в летописях появляются главы и большие отделы. 2. Второй особенностью является развитие колофона. Кроме кратких сообщений о том, когда и где была написана летопись, в колофоне появляются сведения о самом летописце, о цели написания летописи и даже изложения взглядов автора. Примерами такого развития колофона в самостоятельное литературное произведение служит колофон ордоского летописца Саган Сэцэна, которому удалось в 316 стихотворных строках изложить философскую концепцию о сансаре (материальный окружающий мир) и бодхи (теория священного озарения духа на пути освобождения от сансары).

IV. В монгольских летописях XIII-XIV вв. наблюдается довольно сильное влияние тибетской историографии. Оно выявляется, во-первых, в историко-философских предпосылках в рассказе о происхождении вселенной и появлении человека. Монгольские летописцы после вторичного проникновения буддизма в Монголию во второй половине XVI в. ознакомились с буддийской теорией космологии и приняли ее. Сочинение "Чихула хэрэклэчи", в котором изложена эта теория на основании тибетских материалов, послужило основным источником для большинства летописцев. Следует заметить, что проблема происхождения вселенной в тибетской космологии решается на уровне раннесредневековой науки.

Во-вторых, во всех монгольских летописях XIII в. проводится новая теория о происхождении первых монгольских ханов от тибетских царей, которые в свою очередь происходят от индийских царей. Создается теория преемственности на основании тибетских сочинений по истории буддизма: буддизм проникает в Тибет из Индии, из Тибета в Монголию, вместе с буддизмом появляются и светские владыки — так

считали тибетские и монгольские летописцы. На основании такого вывода Бортэ Чоно, которого монгольские летописцы считают предком-родоначальником монголов, в летописях XIII в. считается тибетским царевичем. Хотя в первой летописи XIII в. о Бортэ Чоно подобных сведений и не содержится, а только указано, что он пришел с берегов большого озера и, встретив безмужнюю девушку Гоа Марал, взял ее в жены. В именах этого смутного предания можно видеть названия тотемов-отголосков далекого прошлого в истории монголов. Возможно, что создание теории преемственности относится к концу XIII в., к эпохе Юаньских императоров, но полностью она нашла свое отражение в летописях XIV в. Для этого века она имела особое политическое значение, заключавшееся в утверждении "божественности и царственности" ханской власти, в стремлении усилить авторитет феодалов - потомков Чингис-хана и Юаньских императоров.

У. К теории преемственности близко примыкает теория государственной власти, состоящей из двух равноправных частей - светской и духовной. Эта теория также характерна для тибетской историографии и первое ее проявление в Монголии, по отзывам монгольских летописцев, следует отнести ко времени правления Хубилай-хана (1260-1296), который "равно держал два правления - государство и веру".

VI. Во всех летописях XIV в. большая часть сочинения (до трех четвертей текста) посвящена описанию жизни и деятельности Чингис-хана. При этом внимание летописцев поглощено созидательной деятельностью Чингис-хана. Для авторов XIV в. Чингис-хан - прежде всего создатель единого государства: "Империи Великих монголов", поэтому-то более или менее подробно описываются межплеменные войны и покорение монгольских племен. Период же завоевательных войн освещается в летописях очень поверхностно, даже замалчивается. Для патристически настроенных летописцев XIV в. было характерно обращение к теме о созидательной деятельности Чингис-хана. Ведь в течение трех четвертей XIV в. монголы находились в тяжелом положении в связи с агрессивной политикой маньчжурских ханов. Чингис-хан рассматривался летописцами как крупнейший государственный деятель. Образ его противопоставлялся маньчжурским завоевателям и вызывал патристические чувства у чи-

тателей.

По сравнению с местом, которое отводится Чингис-хану в монгольских летописях XIII в., сведения о его преемниках крайне скудны и часто ограничиваются только упоминанием о датах жизни и восшествия на престол. Невольно возникает вопрос, почему правлению Угэдэй-хана, продолжавшего внутреннюю политику Чингис-хана и завоевательные походы, уделяется 3-4 строки? Ведь в современных ему или близких по времени исторических сочинениях (Рашид-ад-Дин, Джувейни, Юань-ши) содержится много достоверных сведений о правлении Угэдэя, а в летописях XIII в. только даты? Объяснение следует искать не только в политической обстановке XIII в., но и в старой борьбе за престол между потомками Угэдэя и Толуя.

УП. В летописях XIII-XIV вв. характерно смешение прозаического текста с поэтическим. При этом стихи служат не только иллюстрацией к сказанному прозой, но продолжают развитие темы. Происходит это потому, что летописцы пользуются часто фольклорными произведениями, в основном имеющими стихотворную форму. Использование фольклора часто ведет летописца к изложению легенд, которые ими принимаются за достоверные факты. Наряду с фольклором источниками служат также генеалогические списки, ведшиеся в княжеских семьях. В некоторых летописях приводятся длиннейшие генеалогии потомков Даян-хана и Гэрэсэндзе. Включение подобных генеалогий в текст летописей, по всей вероятности, вызвано стремлением летописцев противопоставить монгольских князей маньчжурским ханам, имена которых даже не упоминаются.

УШ. Выводы: летописи XIII в. имеют в общем почти одинаковую структуру. В летописях XIV в. появляются новые структурные особенности и в некоторых случаях критическое отношение к источникам (например, Болор Эрих Рашипунцуга). Летописи XIII-XIV вв. содержат много интересных сведений, достоверность которых может быть подтверждена. Нет теперь пренебрежительного отношения к монгольским летописям, которое наблюдалось в прошлом, и монгольские летописи как источники заняли подобающее им место в исторической науке.

Л.Л.Викторова

ЭТНО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ МОНГОЛЬСКИХ И ТИБЕТСКИХ ПЛЕМЕН В ДРЕВНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Монгольско-тибетские отношения, в основном по тибетским источникам, исследованы Ю.Н.Рерихом для XIII-XIV вв. Некоторые аспекты этих связей затронуты в работах, посвященных началу XIII в. (П.Пуха) и несколько более раннему периоду (П.Дамдинсүрэн). Однако, проблема этно-культурных связей монгольского и тибетского миров в древности и раннем средневековье специально не ставилась.

Указания на древние контакты между тибетскими и монгольскими племенами единичны. Китайские источники причисляют предков тибетских племен к жунам (си жуны); сведения о них относятся к III тыс. до н.э. Жуны — собирательное название целой группы племен; они делятся на несколько более мелких. В их числе во II-I тыс. до н.э. описываются цюань-жуны (сббаки-жуны), а также шань-жуны (горные жуны). Все они были северными и западными соседями тогдашнего Китая. Шань-жунов считают предками дун-ху, несомненно генетически связанных с монгольской этнической общностью. Потомки дун-ху имеют ряд сходных этнографических особенностей с племенами жунского этнического мира. К ним относятся некоторые тотемические представления, одинаковое число родственных поколений, билаateralность, отсутствие родовой адаптации для жэн-чужеродок.

Однако, в более позднее время (в конце I тыс. до н.э. и позднее) историческая традиция уже не объединяет потомков различных групп жунсв; их относят к разным этническим общностям, между которыми в зоне контактов, в Цинхэе и верховьях Хуанхэ, возникают и

сохраняются разнообразные связи. Не исключено, что свидетельством этих связей служат некоторые памятники и находки бронзового и раннего железного веков, встречающиеся как на территории Монголии и Южной Сибири, так и Тибета (плиточные могилы, лапчатые привески).

Более полные данные содержатся в источниках I тыс. н. э. В IV в. часть древнемонгольских племен переселилась из Ляодуна в Ганьсую и Цинхай. Здесь переселенцы образовали самостоятельное владение, которое играло очень значительную роль в политической жизни соседних государств. До прихода переселенцев эти земли частично были заняты племенами цянов (этнические предки тибетцев), составляя севаро-восточную часть территории их расселения. В V в. это владение со смешанным этническим составом (кроме местного населения и переселенцев здесь были поселены покоренные китайцы) стало расширять свои владения за счет соседей: в середине V в. был ненадолго подчинен Хотан и начаты военные действия против Бадахшана. Но эти военные успехи не были закреплены. В VI в. связи А-жа и тибетских племен носили характер культурного обмена. Так, еще ранее в Тибет были приглашены шаманы (бон) из страны А-жа, а позднее из этой же страны был приглашен врач к цэн-по Так-ри-нъен-сигу, деду знаменитого Сонг-цэн-гам-по (Сронцзангамбо).

В VII в. при Сронцзангамбо и его преемниках государство а-жа было завоевано и вошло на правах вассального владения в состав Тибета. Часть а-жа не подчинилась тибетцам и попросилась в подданство к империи Тан; эта группа была поселена в Ордосе и Ганьсую, составив самостоятельную часть (ту-юй-хунь). А-жа, покоренные тибетцами, были обязаны платить дань (ч'а). Во главе а-жа остались местные правители с титулом гье-трэн — "малые владыки". Кроме них, присылался чиновник центрального правительства. А-жа были обязаны платить и "дань кровью": они составляли большую часть пограничных войск, на которые опиралось центральное правительство в многолетней борьбе с Китаем в VIII-IX вв.

После IX в., когда тибетское государство распалось на ряд мелких владений и утратило свои позиции в Центральной Азии, а-жа I/ В литературе это владение называют: А-жа, Тогоя, Хор, Ту-юй-хунь, Ту-гу-хунь.

подчинились тангутам, и их земли были включены в территорию государства Си ся. Гье-трэны а-жа и в этом государстве сохранили свои позиции крупных ленных владетелей, близких ко двору, и даже стали носить более высокий титул гамбу (тиб.цэн-по - "император") В XI в. коалиция племен а-жа, тангутов и уйгуров, где главная роль приписывается именно а-жа, вела борьбу с тибетским княжеством Лин. Ряд данных говорит о связях в этот период между тибетскими племенами и киданями (юго-восточной группой монгольских племен).

Целый ряд параллелей в обычаях, обрядах, военной организации, материальной и духовной культуре тибетских и монгольских племен отмечается с глубокой древности. Общим является туникообразный покрой верхней одежды без плечевого шва, с глубоким запахом, подпоясанной плотно по талии, с напуском, образующим карман. Этот тип одежды, характерный и для монгольских племен, вырабатывался как наиболее рациональный в условиях континентального климата Внутренней Азии с резкими ветрами и перепадами температуры на открытых безлесных пространствах. В монгольском и тибетском земледелии сохранились очень древние черты, обусловленные природными условиями; зерновые культуры, свойственные ему, имеют исходными центральноазиатские дикорастущие формы. Оно отличается от соседнего китайского земледелия и набором возделываемых культур и приемами их обработки. Военная организация (деление на "крылья", десятичная система - десятки, сотни, тысячи - как основа военной структуры) также была общей для всех монгольских племен (сяньбийцев, киданей, монголов) и для средневекового Тибета. Общим был и обряд заключения клятвенных договоров с ритуальным закланием жертвенных животных. Сходные черты есть и в погребении умерших на горах (тибетцы погребали труп под каменным курганом, на него водружали дерево и покойному приносили жертвы на месте погребения, причем жертвенник сооружался на южной стороне). Сходные обряды бытовали у предков монголов. Культ гор как места, где обитают души предков (где и погребали мертвых), известен у ряда монгольских племен. К нему восходит и сооружение обо (округлых каменных насыпей) как жертвенника, где приносили жертвы предкам (онгодтахих), которые почитались в качестве хозяев данной местности

(газрын эзэд). Были, возможно связи и в мужском шаманстве: мужчина-шаман у монгольских племен назывался боо (шаманство — боогийн шажин), у тибетцев шаманство называется бон, но шамана называют шэн (личного шамана цэн-пс — ку-шэн). К монгольским племеням Северо-Восточного Тибета рано проник буддизм красншапочного толка, распавшийся на этой территории на ряд сект, из которых у монгольских племен наибольшим почетом пользовалась секта сакья. Позднее не случайно именно эта контактная зона монгольских и тибетских племен стала родиной северной ветви буддизма, адаптировавшей местные древние культы.

Разнообразные связи между тибетскими и монгольскими племенами обусловили общие черты в хозяйстве, материальной и духовной культуре. Однако, пока трудно разграничить и определить конкретные причины возникновения их. Какие из этих общих черт имеют конвергентное происхождение, что вызвано к жизни культурными контактами, а что возможными генетическими связями—может решить только дальнейшее комплексное исследование.

А.М.Решетов

О ПОЛИАНДРИИ И ПОЛИГАМИИ У ТИБЕТЦЕВ /в связи с
проблемой их общественного строя/

Среди актуальных проблем тибетской и общей этнографии изучение полиандрии и полигамии неизменно занимает одно из ведущих мест. Среди большой литературы по этому вопросу особо следует выделить обобщающую монографию Петра, Принца Греческого и Датского, "Изучение полиандрии" ^{1/}

Проблемы происхождения полиандрии и полигамии, места этих институтов в социальной жизни общества решаются по-разному. В качестве причин возникновения и существования полиандрии последователи называли исторические, демографические, социологические, экономические и даже личные, т.е.исходящие из чувств и жаланий индивидуума, факторы. Наибольшие споры вызывает проблема происхождения полиандрии. Большинство ученых считает, что полиандрия и полигамия являются пережиточными формами брака, причем полиандрия связывается с групповым браком, материнским родом и т.д. ^{2/} Обоснование исторических причин ищут в народном эпосе.

^{1/}Н.Р.Н.Prince Peter of Greece and Denmark. A Study of Polyandry. The Hague, 1963.

2/.Н.Мацокин. Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии. "Известия восточного Института", т.36, вып.2, Владивосток, 1911.

Однако эти оведения собраны и проанализированы антимисторично.^{1/} Другие считают полиандрию в основных тибетских районах Цзэн и Юй не местным явлением, а заимствованным.^{2/} Третьи ученые, считая полиандрию и полигамию редкими в наши дни формами брака, воздерживаются от рассмотрения их места в стадияльной смене форм брачных отношений. Они признают, что это пережитки, но не задаются целью выяснить, когда же они возникли; для них самое важное — их существование ~~сейчас~~ наряду с моногамией.^{3/} Четвертые рассматривают полиандрию не как стадию развития брака, а просто как один из его видов, который может существовать наряду с другими, причем появляется он на любой стадии при определенных условиях.^{4/} Пятые объясняют возникновение и наличие полиандрии демографическими причинами /непропорциональное соотношение полов, недостаток женщин/^{5/} Шестые главную причину полиандрии видят в личных факторах: эта форма брака обеспечивает мир в семье.^{6/} Седьмые делают упор на социологические, экономические причины.^{7/} Сторонники этой точки зрения высказали много интересных мыслей, собрали ценный фактический материал. Вывод о том, что в условиях Тибета социально-экономические факторы привели к возникновению и длительной консервации этого института, заслуживает внимания и поддержки.

Неооколько особняком остоит точка зрения Петра, Принца Греческого и Датского, предложившего "этнографическую теорию полиандрии". По его мнению, жизнь в суровых условиях вынуждает людей более остро чувствовать свою взаимозависимость и подавляет в них взаимную агрессивность, ревность. Экономические условия полиандрии продолжают оуществовать значительное время, образуя историчесо-

1/ Критику подробнее см.: А.М.Решетов. Об использовании данных фольклора для изучения ранних форм семейно-брачных отношений. Сб. "Фольклор и этнография", Л., 1970, стр.248.

2/ Работы С.Ч.Дэва.

3/ Ю.И.Журавлев. Этнический состав Тибетского района КНР и тибетцы других районов страны. "Труды ИЭ АН СССР", т.73. "Восточно-азиатский этнографический сборник", П., М., 1961, стр.98.

4/ Работы Мейна, Летурно, Герберта Спенсера.

5/ Работы В.З.Парка, Линтона, Вестермарка, Риверса.

6/ Работы Ли Ю-и, Вестермарка.

7/ Работы Рокхилла, Лича и других.

кую традицию, которая освящает этот обычай. Полиандрия, с его точки зрения, также обеспечивает удовлетворение таких индивидуальных стремлений, которые не могут быть удовлетворены в других обществах, а посему, заключает он, полиандрия является социально желательным институтом. Такая точка зрения является шагом назад по сравнению с позицией сторонников социально-экономических причин возникновения и существования полиандрии.

Представляется правильным искать решение проблем происхождения и объяснение длительности существования институтов полиандрии и полигамии в социально-экономической структуре тибетского общества в связи с его экологией.^{8/} Полиандрия в Тибете существует преимущественно в форме братской: несколько братьев имеют одну жену; вступал в брак старший из братьев, подраставший становился ее следующим мужем, но главой семьи, отцом детей считался все же старший. Естественно, что такая семья совместно вела хозяйство; очевидно, сама эта форма брака возникла для поддержания хозяйства без раздела имущества, дабы не ослаблять его экономики. Об экономической подоснове такой семьи говорит и другой частный случай полиандрии, когда бездетные братья берут еще одного мужа своей жене для того, чтобы родился продолжатель рода, наследник имущества семьи.

В бедных семьях встречалась еще одна, весьма редкая форма полиандрии, когда мачеха становилась женой своих пасынков. Эта форма полиандрии встречалась в земледельческих районах Цзэн /прежде всего/ и Юй, где классовая дифференциация наиболее четко выявлена. Невыгодно было дробить хозяйство не только потому, что мелким хозяйством в условиях малоземелья трудно существовать, но и потому, что налог в старом Тибете брали с каждого двора отдельно. Таким образом, рост налогов тоже останавливал деление хозяйств. То, что полиандрия имеет под собой экономические основания, говорят и такие факты, когда в семье решали оставить одного из братьев в качестве наследника и женить его, а все остальные уходили в монасты-

8/ А.М.Решетов. Основные черты тибетского общества в первой половине XX в. "Филология и история стран зарубежной Азии и Африки". Тезисы научной конференции Восточного факультета, 1964/65 учебный год. Л., 1965, стр. 79-81.

ри монахами или в другие семьи в примачи 9/ Полиандрия в скотоводческих работах была мало распространена, т.к. малой многодетной семье легче было перекочевывать, размещаться в палатке, управляться со скотом.

Интересны формы существования полигамии у тибетцев. Главным образом, она существовала среди вождей племен в скотоводческих районах, т.е. связана с высоким материальным положением этой социальной группы в условиях кочевого высокогорного скотоводства. Благодаря брачным связям, вожди племен укрепляли отношения с главами соседних племен; случаи полигамии отмечены у "тусы" IO/ и торговцев II/. В некоторых случаях в земледельческих районах в семьях, где не было сына-наследника, но было несколько дочерей, в целях сохранения целостности богатого хозяйства дочерям брали одного мужа, причем необязательно из бедной семьи: это мог быть и молодой мужчина даже из богатой многодетной семьи, где было несколько сыновей. Экономический характер возникновения и существования полигамии проявляется и в случаях слияния двух семей в одну после смерти главы одной из семей, или когда в бедных семьях падчерицы становились женами отчима, наряду с матерью.

Как известно, левират также был довольно широко распространен в Тибете. Левират и сорорат можно рассматривать в этом районе как явления, близкие соответственно полиандрии и полигамии, может быть, как одну из форм их прекращения.

Таким образом, нельзя согласиться с теми авторами, которые видят в существовании полиандрии и полигамии в Тибете вплоть до середины XX в. пережитки группового брака, норм материнского права и т.д. Их следует объяснять прежде всего из экономики, социального положения тех семей и социальных групп, где эти

9/ Ли Ю-и. Цзиньжиды сицзан. /Сегодняшний Тибет/. Пекин, 1951, стр.125 /на кит.яз./.

IO/ О "тусы" см. подробнее: А.М.Решетов. Китайские источники для изучения систем управления районами малых народов Китая /XIII-XIX вв./. "Филология и история стран зарубежной Азии и Африки", стр.76-79.

II/ Ли Ю-и. Цит. соч., стр.127-128.

формы брака встречались. Так, полиандрия была связана с нецелесообразностью дробления семейной собственности в условиях высокогорного Тибета, где обрабатываемой земли мало. Полигамия была преимущественно распространена среди вождей племен и знати. Есть основания предполагать, что полиандрия и полигамия возникли в Тибете сравнительно поздно, в период разложения первобытно-общинного строя, формирования классового общества. В пользу этого говорят факты отсутствия таких институтов у наиболее примитивных групп и существование их у народов, близких по уровню социально-экономического развития к тибетцам или, во всяком случае, у которых начался процесс социальной дифференциации.

Антиисторический подход к изучению тибетской экономики, а также полиандрии и полигамии, приводит к занижению уровня развития тибетского общества, его излишней архаизации. Вместе с тем, не лишне вспомнить, что в Тибете уже к середине I тыс. н.э. сложилось классовое общество и существовало государство.

Л.Н.Гумилев

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ТИБЕТА В I ТЫС Н.Э. В СВЯЗИ С
ИСТОРИЕЙ СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН

1. История Тибета в эпохи его расцвета (УП-IX вв.) в XIX — первой половине XX в. изображалась крайне однобоко. В распоряжении историков были только сочинения буддийского направления, трактовавшие местную религию бон как демонопоклонничество и уделявшие крайне мало внимания событиям политической истории, этногенезу тибетцев и историческим судьбам народов, сопредельных с Тибетом. В настоящее время эти пробелы в известной мере восполнены,^{х)} но встали новые вопросы, уже не о ходе событий, а о генезисе их и интерпретации тибетской этнической истории на фоне общей истории Восточной Азии.

2. О начале тибетской истории нам известно, что в начале н.э. на тибетском нагорье были четыре этнических группы:

а) Индо-арийские племена дардов и монов в верховьях Инда; оседлые земледельцы, управлявшиеся родовыми князьями.

б) Кяны /цяны) — воинственные кочевники в Амдо, Цайдаме и Каме. По ошибке их называли в XIX в. тангутами. Они управлялись

х) Л.Н.Гумилев. Величие и падение древнего Тибета. "Страны и народы Востока". М., 1969, стр.153-183; Б.И.Кузнецов. Тибетская легенда о происхождении человека от обезьяны. "Доклады по этнографии Всесоюзного Географического общества", № 6, 1968, стр. 26-32; Б.И.Кузнецов, Л.Н.Гумилев. Бон. "Доклады Всесоюзного Географического общества," № 15, 1970, стр.72-90.

родовыми старейшинами и воевали против империи Хань в союзе с хуннами.

в) Шаншун - Северный Тибет - был населен иранскими кочевниками, близкими к сакам. О них известно лишь то, что они внесли в Тибет религию бон.

г/ Оседлые тибетцы - боты, распространявшиеся по долине Браматутры (Цан-по); эти положили начало созданию Тибетского царства. Согласно легенде, они произошли от брака самца обезьяны с горной ведьмой, что можно интерпретировать как метисацию пришлого этноса с аборигенами. История их до VI в. легендарна. Можно лишь предполагать, как наиболее вероятное, что тесного контакта между перечисленными этносами не было.

3. В 439 г. в Южный Тибет прикочевала небольшая сяньбийская орда, быстро ассимилированная аборигенами. Никаких изменений это не принесло.

4. В начале VII в. началось усиление южных тибетцев, завоевания которых к середине VII в. охватили весь Тибет, в VIII в. распространились на Западный Китай (Ганьсу и Шэнси), Памир и Хотан, а в IX в. - на Уйгурию. Но в момент самого большого торжества в 861 г. Тибетское царство распалось. Почему?

5. Пристально рассмотрев внешнюю и внутреннюю историю Тибета, можно отметить общее повышение активности среди ботов при относительно стабильном состоянии прочих этносов. В долине Цан-по воздвигаются дворцы, готовятся походы, введена письменность, идут религиозные диспуты между буддистами и жрецами бон, сооружаются пагоды, идет борьба царя против знати. Накал политических страстей неуклонно возрастает, пока в 842 г., после убийства сторонника боне, царя Лангдармы, не вспыхивает внутренняя война, приведшая к разделению страны на множество мелких княжеств и племен, активность которых была ничтожна, и, что особенно важно, рост активности мало отразился на развитии производительных сил, а ушел в агрессию как внешнюю, так и внутреннюю. Случайно ли это?

6. Сравнивая историю Тибетского царства с современными ему государствами и кочевыми державами, мы видим, что аналогичный подъем наблюдается, но отнюдь не повсеместно. Он охватил довольно большой

широтный регион по обе стороны 30-й параллели:

а) В Аравии – проповедь Мухаммеда и создание халифата.

б) В Индии – начало движения раджапутов и разгром ими империи Гупта.

в) В Китае – националистическая реакция, опрокинувшая сяньбийскую империю Тоба-Вэй, переходит в создание агрессивных империй Суй и Тан.

г) В центральной Азии выходцы из Алеманна, турки Ашина, создают Великий Туркский каганат. Допуск ± 50 лет – невелик.

7. Страны за пределами очерченного региона не обнаруживают подъема активности и становятся жертвами своих соседей. Таковы: Южный Китай – царство Чэн; Южная и Восточная Индия; Сасанидский Иран; Византия, потерявшая Сирию и Африку; Испания; Аквитания; Южная Сибирь, захваченная тюркитами, и Восточная Европа, куда вторглись авары. Через несколько веков положение меняется радикально, но это уже другая проблема. Итак, взлет тибетского политического могущества и быстрое его падение – не исключение, а знамение эпохи.

8. Рассматривая явление целиком, можно исключить возможности культурных заимствований, экономической инфильтрации, социальной взаимообусловленности, а равно и популяционно-генетических связей. Одинаковые процессы возникали в одно и то же время в совершенно непохожих условиях. Разумеется, результаты их были различны несмотря на схожесть модели процесса. Следовательно, здесь наблюдается не общественная форма движения материи, а другая, подлежащая изучению.

9. Общим во всех отмеченных вариантах было явление этнической интеграции. На местах былого этнического разнообразия создались массивы: арабский, о исламе и единой системой управления; индийский, с кастовой системой при политической резобщенности; "Туркский вечный эль" х) – сочетание орды и племенных союзов; Средняя империя Тан, где "варварские" племена смешались с абorigенами в единый этнос; Тибет, ставший монолитной страной в

х) Л.Н.Гумилев. Древние турки. М., 1967, стр.

своих географических границах. Лишь немногие из подавленных этносов сумели впоследствии возродиться (персы, испанцы, кидани), но далеко не в первоначальном виде. Значит, с описанным толчком связаны процессы этногенеза.

10. Процессы сложения и распада этносов связаны не только с природой той или иной страны (вмещающим ландшафтом), но и с исторической судьбой ее населения, а последняя зависит в значительной мере от этнического и социального окружения. Если природные условия влияют на этнос через его повседневную экономику, то окружение вмешивается в политическую и идеологическую жизнь страны, причем иногда дело доходит до полного истребления целых народов, не оказавших вовремя должного сопротивления. Так, китайская агрессия эпох Хань и Тан покончила с жунами, ди, юэ, и, южными хуннами и сяньбийцами, но в Тибете натолкнулась на жестокое сопротивление и отступила. Однако и сам победитель — Тибетская монархия, — хотя и смог объединить народы своей страны, распался и погиб от голодной внутренней розни.

11. До VI в. фактическая власть в Тибете принадлежала родовой аристократии и жрецам религии бон. Царь Сонцэнгамбо открыл двери идеологическому вторжению, пригласив из Индии и Китая буддийских проповедников. К социальной борьбе знати и короны прибавилась война за веру, шедшая с переменным успехом и унесшая огромное число жертв. С обеих сторон гибли наиболее горячие, искренние и смелые люди, а равнодушные меняли свои симпатии, нарушали клятвы в верности и прозябали. Кроме того, много жертв уносили походы, даже удачные; внутренние и внешние войны вытягивали все достояние населения, отрываемого от труда и лишнего покоя. Поэтому царство пало в момент наибольшего успеха на всех фронтах от внутренней смуты. Но оставшееся население было уже интегрировано, и этническое единство оказалось наследием жестокого периода расцвета тибетской монархии.

12. Теперь мы можем интерпретировать этническую историю Тибета. Около VI в. в субтропическом поясе Евразии родилось некоторое количество особей со стремлением к повышенной активности, так

называемых пассионариев.^{х)} К началу УП в. потомство появившихся стало столь многочисленно и деятельность их столь значима, что это было зафиксировано в истории. Продолжая развивать активность, тибетцы подавили независимость племен, незатронутых толчком (живших севернее ареала толчка), затем вступили в войну с китайцами и арабами-завоевателями Средней Азии—и, наконец, в борьбу между собой. Лозунгами или символами этой внутренней борьбы стали исповедания бона и буддизма, но под этими индикаторами крылось соперничество царя и знати, которое в условиях малой напряженности не принимало столь острых и кровавых форм. Так как активная часть тибетцев по большей части гибла в войнах и распрях, то, когда процент их в сформированном ими этносе уменьшился, ущельевое население разошлось по родным ущельям, вернувшись к состоянию равновесия со средой, как природной, так и этнической. Ущерб, понесенный Тибетом, был столь велик, что лишь через двести лет наблюдается некоторое возобновление интереса к идеологическим проблемам. Тогда новая проповедь буддизма Атишей имела успех, и с того времени Тибет превратился в цитадель буддизма, но уже никогда не вернул военного могущества.

х) Л.Н.Гумилев. Этногенез и этносфера. "Природа" № 1,2,8,1970 и № 2, 1971.

А.Г.Мелявкин

УЙГУРЫ И ТИБЕТЦЫ В ГАНЬСУ ВО 2-ОЙ ПОЛОВИНЕ
IX ВЕКА

Конец VIII — начало IX вв. в Тибете отмечены обострением внутренних противоречий. Постепенно усиливались крупные аристократические фамилии, росла мощь и буддийских монастырей. Все это вело к ослаблению центральной власти и уменьшению военного могущества страны. Однако, как отмечает В.А.Богословский ¹⁾ слабость его основных соперников — арабов и Китая — позволила Тибету сохранять в течение довольно продолжительного времени то положение, которое он достиг во второй половине VIII века. К этому можно добавить, что и третий основной противник Тибета—Уйгурский каганат,—с которым Тибет вел долгие и мнурительные войны, также переживал период упадка. Поэтому Тибет и продолжал контролировать почти до середины IX века значительные районы Центральной Азии: северные склоны восточной части Тяньшаня, в том числе и город Бешбалык; Турфанскую котловину; Кучарский оазис и другие районы к югу от Тяньшаня в Восточном Туркестане; а также территории к западу от гор Алашань и по долине реки Эдзин-Гол, значительная часть которых сейчас входит в состав провинции Ганьсу.

1) В.А.Богословский. Очерк истории Тибета.(Становление классового общества). М.,1962.

Такое положение сохранялось до крушения Уйгурского каганата, которое привело в движение значительные массы уйгуров-кочевников, и под их натиском стала рушиться Тибетская держава. Проникновение уйгуров на разные территории Центральной Азии, занятые тибетцами, проходило в разных условиях и разными путями. Очень интересно рассмотреть вопрос о проникновении уйгуров в район к западу от гор Алашань. Это необходимо сделать также и в связи с тем, что о положении в этом районе во второй половине IX века и о проникновении туда уйгуров в нашей литературе господствуют ошибочные представления. В качестве примера можно сослаться на ряд работ, опубликованных за последнее время. Так, Д.И.Тихонов²⁾ не проводит различия между двумя группами уйгуров — группой кагана Уцзе, перекочевавшей к границам Китая в районе большой излучины Хуанхэ, и разрозненными группами, бежавшими на территорию Тибетского государства в район современной провинции Ганьсу. Е.И.Лубо-Лесниченко ошибается, когда пишет, что Ганьсу и Эдзин-гол попали во владения уйгуров со второй половины X века.³⁾ Л.Н.Гумилев также не совсем четко представляет положение в этом районе.⁴⁾ Правда, при этом пишет, что политическая история уйгуров в конце IX и начале X вв. туманна и неясна.

Как же протекало освоение уйгурами плодородных районов Приалашанья, а также территорий, расположенных вдоль северных склонов Наньшаня и долины реки Эдзин-гол? Анализ приведенных ниже сведений из китайских источников заставляет сделать вывод, что продвижение уйгуров в эти районы было стихийным, неорганизованным. Надо прежде всего отметить, что китайские источники, в общем, очень мало сообщают о продвижении уйгуров в районы современной провинции Ганьсу. Кроме того, эти сведения разбросаны по различным сочинениям и династическим хроникам и предельно кратки.

2) Д.И.Тихонов. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства. М.—Л., 1966 г., стр.28.

3) Е.И.Лубо-Лесниченко. Историко-археологическое изучение г.Хара-Хото. "Страны и народы Востока", вып. VI, М., 1968, стр. II 9.

4) Л.Н.Гумилев. Поиски вымышленного царства. М., 1970, стр.56.

В Старой хронике династии Тан ("Цзю Таншу", глава 195) в том месте, где говорится о расселении уйгуров после падения Уйгурского каганата, сообщается: "одна часть подчинилась тибетцам". Аналогичное сообщение имеется в параллельном тексте Новой хроники династии Тан ("Синь Таншу", глава 217). В династических хрониках периода "Пяти династий" также нет подробностей, но в них более определенно сообщается о подчиненном положении на первых порах уйгуров. В "Удай шицзи" (глава 74), например, говорится, что тибетцы "расселили уйгуров по разным местам". Это сообщение имеет особый интерес. В нем говорится о той части уйгуров, которая во главе с каганом Уцзе ушла к границам танского государства. Эта группа, попавшая в очень тяжелое положение, очень быстро рассеялась. Часть ее перешла на службу к танскому государству, часть погибла, а часть, как об этом свидетельствует данное сообщение, вынуждена была вновь кочевать, но уже в западном направлении, в том числе и в район Ганьсу.

На основании китайских источников можно сделать вполне обоснованный вывод, что тибетцы приняли разрозненные группы уйгуров и оказали им определенную помощь хотя бы тем, что предоставили им районы для кочевания. Сам собой напрашивается вывод, что этот акт обуславливался тогдашним положением в Тибете. Тибетские феодалы, несомненно, намеревались использовать уйгуров в своей внутренней борьбе и в борьбе с внешними врагами. У нас имеется единственное сообщение из "Синь Таншу", подтверждающее этот вывод. В "Синь Таншу" это сообщение с небольшими вариантами повторяется трижды: в "Основных анналах" (глава 8, стр. 116), в биографии Ван Цзай (глава 172, стр. 36) и в "Повествовании о Шато" (глава 218, стр. 26). В этом сообщении, относящемся к 847 г., говорится о совместных действиях тибетцев и уйгуров против китайских территорий. При этом подчеркивается, что это были уйгуры, бежавшие после падения Уйгурского каганата, и что они были привлечены тибетцами.

Не трудно представить, что произошло дальше. Процесс разложения и ослабления тибетского государства продолжался стремительно и бесповоротно, и наступил момент, когда господство тибетцев над нетибетскими территориями рухнуло и все зависимые и

порабощенные племена оказались свободными. Не последнюю роль в крушении этого господства играла другая группа уйгуров, а именно та группа, которая под руководством Буку Чина захватила Турфанский оазис и нанесла серьезное поражение тибетцам. В сообщении об этом событии, помещенном в "Цзычжи тунцзянь" (глава 250 - том IX, стр. 8113 в изд. 1956 г.), указывается дата - февраль-май 866 г. Китайские источники сообщают, что примерно в одно и то же время против тибетцев выступило оседлое население некоторых оазисов, а также велись небольшие военные операции танских войск на восточной границе Тибета.

В различных китайских источниках повторяется очень интересное сообщение, дающее полное представление о положении в этих районах в момент крушения власти тибетцев. Так, в "Синь Таншу" (глава 216Б, 96) говорится: "Хуньмо также называют умо, это рабы тибетцев. По варварскому закону при посылке войск должны выступать богатые дома, за всеми этими домами должны следовать рабы. В мирное время рабы живут в различных местах, обрабатывают землю и пасут скот. Когда Шан Кун-жэ затеял смуту, рабам стало некому подчиняться, несколько тысяч человек их объединилось вместе, назвало себя умо и стало жить в округах Ганьчжоу, Сучжоу, Гуачжоу, Шацжоу (Дуньхуан), Хэчжоу, Вэйчжоу, Линьчжоу, Кочжоу, Дечжоу и Даочжоу. Те, которые были ближе к тибетской ставке, были самыми храбрыми и имели особенно хороших лошадей". В "Цзычжи тунцзянь" (глава 250) сообщается, что в 3-ий год эры правления Сянтун (862 г.) впервые ко двору прибыло посольство умо. Это сообщение позволяет сделать вывод, что власть тибетцев в районах, занимаемых современной провинцией Ганьсу, рухнула до 862 г. Здесь также добавлено, что некоторая часть тибетцев вынуждена была подчиниться новым господам. Все перечисленные в этих сообщениях округа вошли в состав современной провинции Ганьсу.

До сих пор остается открытым вопрос относительно происхождения этнонима "умо". Что касается народа умо, то версия, приведенная в "Синь Таншу", повидимому, не вызывает возражений у исследователей. Д.Р. Гамильтон ⁵⁾ в точном соответствии с этой версией J.R. Hamilton, *Les ouïghours à l'époque des cinq dynasties*. Paris, 1955. pp. 15, 30, 31, 129.

пишет, что это смешанное население, оставшееся в Ганьсу после тибетской оккупации. При этом он отмечает, что у умо преобладали тибетские элементы. Сейчас трудно говорить об этнических компонентах, помимо тибетских, которые вошли в состав умо. Нужны новые материалы. Во всяком случае, это были не только представители коренного тюркского населения, но также и представители тех народов, с которыми воевал Тибет, в том числе и уйгуры.⁶⁾ Интересно отметить, что среди коренного населения Ганьсу были и уйгуры, которые переселились в район Ганьчжоу и Лянчжоу в конце УП- начале УШ вв. Это произошло после того, как каган Мочжо захватил их земли.⁷⁾ Этноним умо в исторических сочинениях встречается в течение очень непродолжительного времени — до начала X века. При этом во всех сообщениях очень коротко говорится только о посольствах, прибывавших ко двору.

Несомненно, уйгурам пришлось вести борьбу с умо. К сожалению, мы не знаем подробностей этой борьбы, и в нашем распоряжении имеется только одно сообщение об этом из "Цзычжи тунцзянь" (глава 252, — том IX, стр.8172). В этом сообщении, датированном 12-м месяцем I-го года эры правления Цяньхуа (II.I- 9 П 875), говорится, что китайский посол, отправленный к какой-то группе уйгуров, не нашел ее на месте. Он сообщил двору о том, что уйгуры потерпели поражение от тугухуней и умо и откочевали в неизвестном направлении. Китайские источники сообщают, что умо было всего несколько тысяч человек и, естественно, они не стали серьезным препятствием на пути освоения уйгурами этих территорий.

6) Может быть, и арабы? Этот вопрос представляет большой интерес, так как при его положительном решении может оказаться, что процесс формирования дунган начался во второй половине IX века, когда арабы, освободившиеся от рабства, ооели в этих районах. Возможно, не только арабы, но и представители других народов Средней Азии, исповадовавших ислам. При Чингисхане произошло дальнейшее уоление этой мусульманской общины.

7) "Синь Таншу", глава 217А. См.Фэн Цзя-шэн, Чэн Су-ло и Му Гу-ан-вэнь. К вопросу о периодизации истории уйгуров."Изучение проблем национальностей Китая", сборник № 5, Пекин, 1956, стр. 41, 42.

Надо также отметить, что основной силой, создавшей Уйгурское ганьжоуское княжество, была не та сравнительно небольшая часть уйгуров подчинившихся тибетцам, а более значительные группы, которые кочевали на периферии тибетских территорий и сохраняли независимость.

Можно отметить еще раз, что этот период (840-907), очень важный для истории освоения уйгурами новых территорий и создания на них новых государственных образований, практически не нашел отражения в китайских исторических сочинениях. Причина этого хорошо известна — это распад танского государства, почти полное прекращение связей с окружающими Китай народами и, как следствие, отсутствие информации о положении дел у соседей Китая.

По-видимому, в конце IX века процесс освоения уйгурами ганьжоуского района и соседних территорий закончился, произошла определенная консолидация уйгурских племен, часть местного населения влилась в состав уйгуров (в том числе и умо), и образовалось Уйгурское ганьжоуское княжество. Оно уже предпринимает попытки проведения активной внешней политики. Так, по сообщению "Цзычи тунцзянь" (глава 263 — т. IX, стр. 8181), уйгуры прислали посла ко двору танского императора и предложили военную помощь. Это предложение было воспринято танскими вельможами как попытка вмешаться в дела Китая с корыстными целями, и предложение было отвергнуто.

В период "Пяти династий" начались очень оживленные дипломатические сношения Уйгурского ганьжоуского княжества с Китаем, продолжавшиеся до 1028 года, когда под натиском тангутов это княжество прекратило свое существование.

На основании всего вышеизложенного историю ганьжоуских уйгуров можно разделить на три этапа:

1. 841 — 862 гг. Уйгуры проникают на территорию современной провинции Ганьсу, находятся в зависимости от тибетцев и даже участвуют в военных операциях тибетцев.

2. 862 — 902 гг.⁸⁾ Борьба с коренным населением этого района (шато, тангуты, татары и др.), с тибетцами и умо за создание независимого уйгурского княжества.

3. 902 — 1028 гг. Уйгурское ганьжоуское княжество.

8) Даты "862" и "902" носят условный характер и в процессе дальнейшей разработки вопроса будут уточняться.

ТИБЕТСКО-УЙГУРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Связи между тибетцами и уйгурами существовали, как свидетельствуют разноязычные источники, уже в древнее время. Естественно, что авторы, писавшие о тибетских и уйгурских племенах раннего времени, оставили сведения нам об отношениях, прежде всего, политического характера. Политические взаимоотношения неизбежно оказывали влияние на усиление или ослабление экономических или культурных связей, этнических контактов, особенно на границах расселения.

Тибетские племена довольно рано начали предпринимать попытки продвинуться на северо-запад в район Таримского бассейна с целью подчинить себе оазисы оседлой цивилизации. Благоприятная обстановка сложилась в период существования государства, созданного Сронгцанкгамбой. Внешнеполитическая активность успешно проводилась на востоке и на северо-западе. В середине VIII в. тибетские племена нанесли поражение гарнизонам танской империи в Таримском бассейне и сохраняли господство до прихода уйгуров в IX в. Уйгуры, пришедшие в движение после поражения на Орхоне от киргизов, двигались к Алтаю, но затем стали уклоняться к югу в сторону Восточного Притянь-шанья. Тибетцы, ослабленные внутренней борьбой, не смогли сдерживать стремительный натиск уйгуров.

О последствиях политического господства тибетцев мы почти ничего не знаем, но оно имело для нас важные последствия в том отношении, что от того времени сохранилось значительное количество письменных памятников на тибетском языке. В данном случае тибетские тексты представляют особый интерес. Они различны по своему характеру и по содержанию. Часть текстов представляют произведения буддийского характера и при изучении истории культуры займут достойное место. Другая часть состоит из деловых бумаг, написанных разговорным языком. Эти

тексты могут быть использованы тибетологами-лингвистами при изучении истории тибетского языка. Историк Таримского бассейна в документах найдет богатый материал, раскрывающий многие стороны жизни людей того времени, отдельные черты общественного и семейного быта, хозяйственную деятельность и т.д. Большая научная значимость тибетских текстов состоит в том, что они заполняют лакуну между документами карошита и уйгурскими. Обширный период истории с первых столетий нашей эры до XIV в. включительно можно изучать на основании документов, существенно дополняющих нарративные источники, особенно в области социальных отношений. Завоевание тибетскими племенами Таримского бассейна в известной степени сказалось и на этнической истории страны и прежде всего на составе населения южных оазисов.

Туркские племена двигались на юг и юго-запад. Они вступали в соприкосновение с тибетцами. В результате этих движений в северо-западной части Тибета имеется туркское население, как принято считать, проникшее со стороны Таримского бассейна. Этот факт сам по себе говорит о том, что контакты тибетцев и уйгуров сохранялись на протяжении длительного времени и носили самый различный характер.

Характер отношений изменялся в зависимости от ряда факторов. В период существования Уйгурского государства в Восточном Притяньшанье /X-XIV вв./ связи развивались прежде всего по линии буддийской церкви. Приняв форму ламаизма в Тибете во второй половине XIV в., буддизм, покровительствуемый монгольскими императорами, стремился расширить свое влияние не только в Монголии, где стал государственной религией, но и среди уйгуров, которые тоже были буддисты. Новое направление связей между тибетцами и уйгурами отвечало политическим интересам господствующего класса обоих народов. Правящая часть уйгурского общества нуждалась в поддержке буддийской церкви. Ученые буддисты-уйгуры занимали видное положение при императорском дворе и в окружении уйгурских идикутов. За заслуги в политической и религиозной области императоры жаловали видных деятелей буддизма почетными званиями и земельными наделами. Высшее тибетское духовенство усиливало свое влияние через

монастыри, имевшие земли, сады, торговую оеть и т.д. В Тибет отправлялись драгоценности, которые накапливались в монастырях. Эта форма мирных отношений между тибетцами и уйгурами сохранялась до тех пор, пока монгольские императоры имели реальную власть над Тибетом и Уйгурским государством.

После того как Уйгурское государство в XIV в. прекратило существование, а ислам стал господствующей религией во всех оазисах Таримского бассейна и проник на восток до Хами, отношения между тибетцами и уйгурами изменились. Достаточно напомнить военную экспансию хана Абу-Бекра, правившего в Яркенде в начале XV в. Его войска совершали походы в Андижан и в Ташкент. Он завоевал часть Бадахшана и Тибет. Завоевание Абу-Бекра не повлекло за собой изменения в области экономики и культуры. Этнические контакты были слабые. Видимо, дело ограничилось признанием вассальной зависимости со стороны Тибета. Однако Абу-Бекру было выгодно и такое признание зависимости со стороны Тибета, потому что оно повышало престиж Абу-Бекра. Мусульманское духовенство не нашло в Тибете благоприятной среды для распространения догм ислама. Ламаизм слишком прочно укоренился среди всех слоев тибетского населения. Господство в Тибете не дело Абу-Бекру преимуществ как в политическом, так и в военном отношениях. В сложное время борьбы за ханский престол тибет не пришел ему на помощь. После поражения в 1415г. Абу-Бекр бежал в Тибет и умер там.

При рассмотрении в самых общих чертах истории отношений тибетцев и уйгуров следует остановиться на событиях XIV в. В этот период борьба хана Исмаила и главы белогорских ходжей Аппак-ходжи приняла острый политический характер и вышла за пределы борьбы религиозных течений. Хан Исмаил был сторонником черногорских ходжей. Аппак-ходжа, опасаясь преследований, бежал в Кашмир, а затем в Тибет. Здесь он добился расположения Далай-ламы, который обещал оказать помощь в борьбе с Исмаил-ханом. Обещая помощь Аппак-ходже, Далай-лама исходил из интересов расширения сферы влияния ламаизма на территории Таримского бассейна. Далай-лама обратился к джунгарскому хану Голдану с просьбой оказать содействие Аппак-ходже. Голдан не

замедлил воспользоваться благоприятным случаем и в 1678 г. совершил поход в Кашгарию. Своим наместником Голдан оставил Аппак-ходжу, обязав платить дань. Продолжительное политическое господство джунгаров не оправдало надежд Далай-ламы относительно распространения лемаизма в Таримском бассейне. Даже активные сторонники джунгаров не решались отходить от иолама. Широкие народные массы считали джунгаров неверными и активно выступали на борьбу, как только раздавался призыв проповедников ислама.

Характер отношений тибетцев и уйгуров менялся в зависимости от общей политической обстановки в Центральной Азии. Несомненно положительный итог этих отношений состоит в том, что тибетцы и уйгуры сохранились как самостоятельные этнические общности с собственной самобытной культурой.

БУДДИЙСКИЕ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ МОТИВЫ В ЖИВОПИСИ ДРЕВНЕКОГУРЁСКИХ ГРОБНИЦ

I. Среди памятников раннесредневекового искусства народов Восточной и Центральной Азии особое место принадлежит живописи древнекогурёских гробниц (IV–V вв. н.э.) Гробницы, украшенные росписями – это уопальницы представителей знати государства Когурё: ванов, крупных военачальников и землевладельцев. На поверхности гробницы представляют собой невысокие курганы и даже малозаметные земляные насыпи. Внутренние помещения выложены из огромных плит и состоят, обычно, из коридора и одной или двух комнат. Самая большая гробница – Анак №3 – состоит из 6-ти комнат.

К настоящему времени открыто около 50-ти гробниц, украшенных фресками. Значительная их часть расположена в районе двух столиц Когурё – в окрестностях древней столицы Хвандо (современный уезд Тунгоу на территории Северо-Восточного Китая) и в окрестностях Пхеньяна. Самые южные когурёские гробницы расположены в провинции Хванхэ. Сохранившиеся до наших дней фрески древнекогурёских гробниц не только занимают исключительное место в истории корейского изобразительного искусства, но и являются ценным источником для изучения культуры и быта, мифологии и религии древних корейцев.

Благодаря красочным и реалистичным картинам древних художников оживают и наполняются новым содержанием скупые строки китайских и корейских летописей, посвященных этому периоду. В мастерски написанных фресках можно видеть такие стороны жизни когурёсцев, о которых не упоминают даже летописцы, и которые, очевидно, были бы навсегда утрачены для истории, если бы не настойчивость и энтузиазм археологов.

Картины, воспроизводящие различные стороны из жизни давно

прошедших времен, имеют большую историческую ценность. Богатейшие материалы по одежде, жилищу, хозяйственным постройкам, воинским доспехам, музыкальным инструментам, а также по светским и религиозным церемониям дают право с полным основанием называть эти росписи энциклопедией жизни Когурё. Созданные для того, чтобы сопровождать умершего в потустороннем мире, фрески Когурё так же, как и ханьские погребальные статуэтки и японские ханьвы, пережили века и донесли до нас дыхание и трепетность жизни людей того далекого времени. И в этой связи времен, пожалуй, самая притягательная сила древних фресок Когурё.

2. Тематика росписей древнекогурёских гробниц богата и разнообразна. Наряду со светскими сюжетами большое место принадлежит мифологическим и религиозно-культовым темам. Среди них особо надо выделить буддийские сюжеты. Буддийские мотивы встречаются как в орнаментике, так и в светских и религиозных по своему содержанию сценах. Исследователи давно обратили внимание на наличие в живописи древнекогурёских гробниц буддийских мотивов (То Юхо, Ким Ёнчжун, И. Шрам, М. В. Воробьев, Е. Мак-Кюн), однако такая тема еще не была предметом специального исследования. Между тем, ее изучение имеет огромное значение не только потому, что Когурё было первым древнекорейским государством, принявшим буддизм (372 г. н.э.), но и потому, что изучение этой темы должно способствовать изучению историко-культурных связей древнекорейских народов с народами Центральной Азии. Ибо буддизм и буддийское искусство, проникшие в Когурё в начале IY в. н.э., были насыщены центральноазиатскими мотивами.

Все это довольно красноречиво свидетельствует о том, что обращение к теме: буддийские и центральноазиатские мотивы в живописи древнекогурёских гробниц—представляет значительный историко-культурный интерес. Не пытаясь в этом кратком сообщении всесторонне осветить эту сложную проблему, мне хотелось бы привлечь внимание исследователей к своеобразному и в значительной степени уникальному источнику по истории духовной культуры народов Восточной и Центральной Азии.

3. Изучение живописи древнекогурёских гробниц позволяет предварительно наметить три основных пласта, в которых наиболее четко проявляется влияние буддизма и буддийского искусства. Пожалуй, наиболее ранним хронологически является проникновение буддийской орнаментики (в частности, изображение лотоса). Корейские искусствоведы (Ким Ёнчжун, например) обращают внимание на многообразие различных вариантов изображения лотоса, а также на специфические когурёские элементы в трактовке этого цветка.

Многие другие элементы орнамента фресок Когурё находят аналогии в орнаментике Согда и стран Передней Азии.

Вторая большая группа – небесные феи (апсары) и небожители, как правило изображенные играющими на музыкальных инструментах, а также некоторые другие представители буддийского пантеона. Надо отметить, что в изображении небесных фей (апсар) художники Когурё достигли непревзойденных вершин ("Анак №2").

И, наконец, изображения религиозных церемоний, связанных с культом Будды ("Ссанёнчхон", VI в.).

4. Соседство буддийских мотивов с сюжетами, отражающими добуддийские верования когурёсцев (как мы это видим почти в каждой гробнице), свидетельствует как о степени проникновения буддизма, так и его тенденции ужиться с предшествующими религиозными воззрениями.

5. Материалы живописи древнекогурёских гробниц расширяют представления о роли и месте буддийского искусства в жизни древней Кореи. Это лишь одна из граней буддийского искусства Когурё. С ней неразрывно связана и художественная черепица, и малая буддийская пластика. Восприняв лучшие традиции искусства Северного Китая и Центральной Азии, мастера Когурё оказали огромное влияние на искусство древней Японии (храм Хорюдзи, г. Нара).

О СИМВОЛИКЕ ЛАМАИСТСКИХ СУБУРГАНОВ.

I. Обычай сжигать умерших и хоронить их прах в специальных сооружениях восходит к добуддийской эпохе. Но особое значение культовые надмогильные сооружения приобретают после смерти основателя буддизма Гаутамы Будды, последовавшей в 544 г. до н.э. По преданию, его прах был сожжен, пепел разделен между учениками и захоронен в восьми ступах. Эти ступы были поставлены в местах, связанных с памятными событиями из жизни Будды.

Буддийская литература сохранила описание этих ступ. Вот эти знаменитые ступы или по-монгольски субурганы: "Субурган мирнопришедшего, сочетающего букет распустившихся падм", построенный на месте рождения Будды в Кабалике; "Махабодхи субурган" — на месте прозрения в Бодхгае; "Многодверный субурган" — в оленьем парке Варанаси, где впервые было обнародовано учение Будды; "Субурган чудесных превращений" — в Шравасте, где Будда показывал свои прежние перерождения; "Субурган нисхождения с неба" — в городе Кашике, "куда Будда ниспустился на землю из царства Тенгриев"; "Субурган примирения рассорившихся" — в Раджагрихе; "Субурган всесовершенной победы" — в городе Вайсали, где Будда укрепил свое тело для деяний на благо одушевленных существ; "Субурган Нирваны" — в городе Кушнаре, где Великий Учитель погрузился в Нирвану.^{х/}

Немецкий археолог Пеппе в 1898 г. в Пипрахве раскопал руины ступы Ув до н.э. Им была найдена урна с надписью, указывающей, что в ней находился прах самого Будды. В Бодхгае со-

^{х/}А.Позднеев. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892-1893 годах. т.2, СПб, 1898, с.392.

хранился субурган Великого Прозрения, где, по преданию, Будда открыл четыре истины о страдании. Уже эти данные позволяют считать существование восьми субурганов вполне реальным. В III в. до н.э. много ступ (по легенде 84000) построил царь Ашока, разделив между ними останки Будды, содержащиеся в восьми знаменитых ступах. Новые ступы также строились в памятных для буддизма местах.

Можно считать, что древнейшие ступы V – II веков до н.э. являлись одновременно и реликвариями, и мемориалами.

2. Полусферический внешний вид древнейших ступ соответствовал представлению о небосводе, т.е. бесконечности – символе Нирваны. Над полусферой обычно возвышался стержень с тремя зонтами – символами одновременно и царского происхождения Будды и трех буддийских драгоценностей: Будды, общины и учения.

В I в. до н.э. в вырубленных в скалах пещерных святилищах появляются первые храмовые ступы. Они повторяли внешние черты своих прототипов, стоящих под открытым небом, не являясь ни мемориалами, ни реликвариями. Ступы эти имели чисто символическое религиозное значение. В это время Будда еще не изображался в виде человека, и его символом как раз и являлись ступы буддийских святилищ. То есть ступа буддийского храма I в. до н.э. и позже становится символом не только нирваны, но и самого Будды.

3. Усложненность символики ступы связана с эволюцией буддийской философии. В I в. до н.э. возникает новая ветвь буддизма – махаяна (Большая колесница). Буддийский философ Нагарджуна провозглашает тождество сансары и нирваны, эмпирического и абсолютного; Будда и нирвана становятся синонимами. Высшим нравственным идеалом становится учение о бодхисаттвах – личностях, отказавшихся от блаженства нирваны ради помощи страдающему и омыренному миру. Культ бодхисаттв повлиял на конструкцию наверх ступ. Эволюционизируя от индийских зонтов и цейлонских ребристых конусов, видоизменившись в странах Юго-Восточной Азии и в Тибете, постепенно сложилась сложная символика шпиля ступы в виде десяти ступеней на пути бодхисаттв и трех областей будд.

4. Развитие внешнего вида ступы происходило под воздействием национальных традиций стран бывшего Индокитая, куда буддизм стал проникать с середины I-го тысячелетия. На ступы Таиланда, Бирмы, Индонезии и Лаоса особое влияние оказала архитектура Цейлона. Прототипом всех их стала знаменитая Тапурама-дагоба. Ступы этих стран отличаются друг от друга значительными конструктивными особенностями: то это изящные ступы Аюттии в Таиланде, то это величественная Швецигон в Бирме, либо странная, с похожим на бутылку навершием ступа в Лаосе и, наконец, знаменитый Боробудур – образное воплощение буддийской теории спасения, увенчанное сорокаметровой ступой – вместилищем нирваны. В соседнем с Индией Непале ступы имели своеобразную особенность: в основании навершия располагался кубический объем с глазами "всевидящего Будды" на боковых сторонах. Здесь в XI в. возникает культ Ади-Будды, мистического оущества, вечно пребывающего в нирване и, в отличие от других будд, никогда не рождавшегося в сансаре. Символом Ади-Будды стал огонь премудрости Нада, изображаемый в виде языка пламени. С культом Ади-Будды связана традиция завершать суоурганы сваямбхой – красивым сочетанием серпа луны с лежащим на нем диском солнца и огнем Нада. К XI веку в основном заканчивается сложение символики субурганов.

5. Еще в UP в. буддизм начал проникать в Тибет. В течение восьми веков он существовал здесь в виде многочисленных монашеских сект. В XIY в. цзонхава основывает желтошапочную секту, и при его преемниках возникает культ далай-лам. Это уже новая форма буддизма – ламаизм, распространившийся в последующие века в монголии и Бурятии. Субурганы в ламаизме бывают обычно либо реликвариями, либо мемориалами, или имеют магическое значение. Часто эти функции совмещаются.

Большое распространение получают небольшие металлические модели субурганов, являющиеся культовыми предметами храмов и домашних алтарей. Они чрезвычайно разнообразны по форме, ибо в принципе должны повторять внешний вид монументальных прототипов. Эти модели можно разделить на два основных типа: тибетский, отличающийся компактностью форм, и монгольский, обильно украшенный орнаментацией, не чуждой китайского влияния. Конструкция

моделей субурганов, повторяя в общих чертах формы монументальных ступ Индокитая, Тибета и Монголии, резко расчленена на три части: основание – сэнтэй, главная часть – бумба, стоящая на ступенчатой пирамиде – банрим, и шпиль – чойнкор джисум – в виде 13-ти дисков, нанизанных на стержень, увенчанный зонтом и сваямбохой.

6. Архитектоника монументальных субурганов отражает буддийский взгляд на постепенность развития человеческого духа от полностью омраченного состояния (основание субургана – сэнтэй), через разряд существ, сознательно ставших на путь спасения, включая самого Будду – учителя (центральная часть – бумба), через разряд бодхисаттв различной степени совершенства (шпиль субургана) к высшему существу махаянистического пантеона, к мистическому Ади-Будде (сваямбоха с огнем Нада.). Хотя такое соответствие архитектурных членений памятника разрядам существ буддийской теории явно наблюдается только в Бوروبудуре, нам кажется возможным распространить эту символику на все субурганы. Так ступа из символа нирваны за полтора тысячелетия постепенно превратилась в символ ступеней на пути к ее достижению.

Субурганы, изображаемые на иконах, и как культовые предметы не являясь ни мемориалами, ни реликвариями, обладают совершенно особой символикаой. В сочинении "Субургану онол" (монгольская и тибетская версии), приписываемом Нагарджуне, восемь субурганов трактуются как "подобное победному знаку", что является символом "тела духовности".^{х/} под телом духовности здесь понимается космическое тело Будды, Будда в Дхармакае.

Итак, небольшой предмет из бронзы, который можно найти в любом ламаистском храме, а некогда и в юрте бурята или монгола, есть нечто иное, как символ космического тела Будды.

^{х/} А. Позднеев. Указ. сочинение, с. 392–394.

САМЫЙ СЕВЕРНЫЙ ПАМЯТНИК ТИБЕТСКОГО ЗОДЧЕСТВА

1. Художественно-стилистический характер архитектуры, составляющий лицо Санкт-Петербурга, вплоть до II половины XIX в. базировался на "классической" общеевропейской основе, которая берет начало в античности Греции и Рима. Под влиянием поисков новой архитектуры в конце XIX-начале XX веков в С-Пб появилось немало зданий, построенных в стилях "а-ля", где нашли отражение интереснейшие мотивы и отдельные элементы, навеянные памятниками других стран Европы, Азии и Африки. Но не все здания вписались в архитектурный облик города.

2. Буддийский храм составляет исключение. Молебельная строилась под научным руководством Комитета, куда входили такие сориенталисты как С.Ф.Ольденбург, В.В.Радлов, Н.К.Рерих, Ф.И.Шербацкий. Строительство поддерживал Далай-Лама. Г.В.Барановский, известный знаток истории архитектуры и крупный мастер, имевший богатый опыт проектирования и строительства, проректировал храм в общей сложности около 10 лет (1900-1910 гг.) и пять лет осуществлял строительство в натуре (1909-1915 гг.). Это максимально приблизило Ленинградскую постройку к традиционно-тибетским архитектурным формам, по крайней мере в экстерьере.

3. Тибетское зодчество - все еще не раскрытая книга для архитекторов. Его формы отличаются гармонией и красотой. Тибетские архитекторы первыми решили, и притом с блеском, сложнейшую архитектурную задачу - композицию многэтажного здания с числом этажей более 2-3х. Насколько же она сложна - свидетельствует современная архитектурная практика и у нас, и за рубежом. Постройки устойчивы и монументальны, но не тяжеловесны, ибо имеют утончение кверху. Зодчие, понимая свойства материала и работу его под нагрузкой, создавали зрительную картину, соответствующую статически построенной, но более утрированную, что свидетельствует о взлете инженерно-художественной мысли, ставящей эту архитектуру в число мировых. (Древние

греки также придавали колоннам энтазис и т.д.).

Постройки тибетцев суровы, лишены украшений. Композиция строится на фактуре материала и зрительных соотношениях по — поверхностям стен и проемов. Энтазис придает им незыблемость и прочность. Лишь венчанию крыш было дозволено иметь большую декоративность, подготовленную ниже расположенной основой.

Все это ярко проявилось в вершине тибетской архитектуры — дворце Потала, — не имеющем себе равных в мире по композиционной законченности и органической связи с суровой природой.

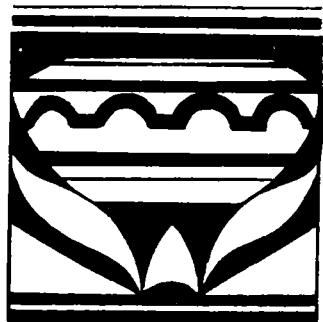
4. Трехэтажное, прямоугольное в плане здание Ленинградского храма с северной стороны имеет четырехэтажную башню с алтарной нишей, выходящей в средний неф молельни на первом этаже, а с южной — портик главного входа, колонны которого, увенчанные бронзовыми канителями, стоят на верхней площадке гранитной лестницы — "стилобата". Этот фасад обращен к реке и был наиболее богатым. Его венчали по углам полые внутри золоченые чжалцаны. Выше портика и сейчас стоят симметрично расположенные позолоченные статуи священных животных. Буддийский круг хэрдэ подчеркивает ось симметрии. Здание облицовано пригнанными друг к другу розоватыми грубо околотыми гранитными блоками. Окна же обрамлены серыми. Красный кирпич с поясами синего и белыми кругами составляет композицию "антаблемента". Антаблемент венчался медным ганчжиром, ослепительно сверкавшим на солнце. Четко выраженный энтазис постройки придает зданию впечатление изящества и вечной незыблемости. Окруженный каменной оградой с небольшим садиком вместе с жилым домом того же стиля, выходящим на красную линию, храм удивительно вписался в ансамбль, стиль и дух города.

5. Из портика три пары массивных дверей ведут через вестибюль в зал. Он разделен двумя рядами квадратных колонн на 3 нефа: центральный, завершающийся напротив входа алтарем, и 2 боковых с неглубокими нишами. По фризу идет видоизмененный мотив доу-гуна и золоченый декор. В обрамлении наличника портала применен объемный орнамент из сочетания мелких кубов. Источник света — большое застекленное прямоугольное отверстие в потолке.

6. Стиль "модерн" особенно чувствуется в декоративной цветной обработке горизонтального остекления светового проема и идущего над ним по периметру вертикального стеклянного ограждения. Влияние модерна значительное в интерьере, чему способствует использование современных индустриальных материалов (метлахская плитка, например), и подчеркивается полным оголением помещений, прежде всего стен главного зала. Нет между колоннами сидений для лам, нет по II этажу бурханов. Лишь фризовая часть зала сохраняет первоначальную свежесть, — другие значительно искажены чуждой масляной окраской и "позолотой" бронзовым порошком. Подвергся искажению и экстерьер храма: отдельные детали исчезли, особенно после передачи здания под лабораторию Зоологического института АН СССР; например, были сданы в утиль(?) медные, ручной чеканки, круглые накладки, украшавшие три пары дверей, а ручки заменены на современные железные.

7. Здание, до последнего времени считавшееся "модернистским", наконец 16.XI-70г. решением Ленгорисполкома за №89I взято под государственную охрану. После первого шага следует сделать и второй — ансамблю Буддийского храма нужно возвратить его первоначальное назначение: служить центром пропаганды и показа великих достижений духовной и материальной культуры стран Востока, а, возможно, и их истории. Свободная, примыкающая к нему территория может стать местом историко-этнографических выставок. Независимо от того, будет ли это действующий храм, или музей искусства, историко-этнографический комплекс или филиал научного учреждения, ансамбль необходимо полностью и квалифицированно реставрировать, а кое в чем и дополнить. Самая северная жемчужина Востока, очищенная от чуждых наслоений, должна вновь сиять в драгоценном венце достижений мирового зодчества — ансамбле Ленинграда.

Буддийская Философия и Религия

Буддийская церковь в Тибете и ее современное
положение

1. Ликвидация буддийской церкви — одно из наиболее глубоких и важных изменений, происшедших в Тибете после 1951 г.

В сообщении рассматриваются: а) основы политического, экономического и идеологического влияния буддийской церкви к моменту образования КНР; б) наиболее характерные черты политики КПК в отношении буддийской церкви Тибета; в) результаты осуществления политики КПК.

2. Ведущая роль церкви в политической жизни Тибета обуславливалась, прежде всего, теократическим характером государственной власти. Теократизм проявлялся в а) исходной посылке, что главная и основная функция государства состоит в обеспечении потребностей церкви и религии; б) сосредоточении верховной государственной власти в руках первосвященника — далай-ламы; в) в решающей роли духовенства в управлении государством на всех уровнях при полном отстранении мирян от какого-либо вмешательства в дела церкви.

Ликвидация политического влияния буддийской церкви, следовательно, не могла быть осуществлена без ликвидации всей структуры государственного устройства.

С другой стороны, всякое ущемление прав и привилегий буддийской церкви неизбежно должно было натолкнуться на противодействие со стороны государства.

Политическое влияние церкви подкреплялось ведущей ролью церкви в экономике.

Основой экономической мощи церкви было церковное землевладение. Церковь была крупнейшим феодалом, ей принадлежало 36,8% всех

используемых в сельском хозяйстве земель. Церковные земли принадлежали либо данной общине монахов, либо отдельным лицам - "перерожденцам". Церковные земли находились в привилегированном положении и были освобождены от налогов. Доходы церкви от земельных владений намного превышали соответствующие доходы правительства и светских феодалов.

Кроме того, церковь получала крупные субсидии от государства, извлекала доходы в виде даров верующих, от торговли и ростовщичества. В целом буддийская церковь была наиболее мощной в экономическом отношении социальной силой в Тибете.

Доходы церкви шли на содержание всей общины монахов (с соответствующей неравномерностью распределения внутри общины).

Экспроприация церковной земельной собственности и лишение церкви других привилегий (торговли и ростовщичества) означали ликвидацию крупнейшего феодала, причем, важно подчеркнуть, феодала корпоративного, при которой изменялись условия существования значительной части населения страны (не менее 300 тысяч человек).

4. Буддийская церковь являлась наиболее мощной и сплоченной в политическом и экономическом отношениях организацией тибетского общества накануне 1951 г., причем всякое ограничение привилегий как какой-либо ее составной части, так и в каком-либо отношении неизбежно должно было вызвать противодействие всей организации в целом.

Для того, чтобы ликвидировать церковь, было недостаточно ликвидировать ее центр - правительство далай-ламы. Необходимо было сломить сопротивление отдельных ячеек - монастырей. В то же время многие крупнейшие монастыри (Сэра, Драпунг, Гандэн, Кумбум, Лавран, Ташилхунпо, Сакъя) вместе со своими "дочерними" монастырями представляли собой своеобразные "государства" в государстве, насчитывавшие тысячи монахов, владевшие тысячами крепостных, содержавшие собственный аппарат управления и способные, в случае необходимости, выставить собственные войска.

Земельные владения отдельных монастырей (групп монастырей) часто находились в различных областях. Ограничение феодальных прав какого-либо монастыря вне собственно "Тибета", например, в Амдо (провинция Цинхай), следовательно, могло вызвать отрицатель-

ную реакцию в связанном с ним монастыре Центрального Тибета.

5. Степень влияния буддийской церкви, кроме того, определялась местом церкви в обществе, отношением к ней со стороны других слоев общества.

Церковь являлась крупнейшим земельным собственником и эксплуататором многих тысяч крепостных крестьян, что, несомненно, создавало предпосылки для развития классового антагонизма между церковью и эксплуатируемыми непосредственными производителями.

Однако этот антагонизм в значительной степени оставался неразвитым, т.к. эксплуатация непосредственных производителей со стороны церкви выступала в завуалированной форме. Согласно буддийским догматам, каждый мирянин должен быть "милостынедателем", что является необходимым условием продвижения по "пути спасения". Кроме того, почти из каждой семьи кто-либо становился монахом и, следовательно, создавалось впечатление, что труд данной семьи обеспечивает содержание не только монашеской общины, но и ушедшего члена семьи.

Оценивая отношение к буддийской церкви со стороны всего класса эксплуатируемых, следует учитывать, что тибетское духовенство в целом и конкретная община в частности не представляли собой какое-то изолированное сословие или группу лиц, порвавших все связи с внешним миром и выступавших в глазах непосредственных производителей лишь как безжалостный эксплуататор.

Буддийская церковь являлась своеобразной "массовой" организацией, членами которой становились не только выходцы из обеспеченных слоев населения, но, главным образом, из беднейших слоев (от 1/10 до 1/20 всего населения Тибета).

Хотя фактически выходцы из беднейших слоев имели весьма ограниченные возможности продвижения по лестнице церковной иерархии, формально это право предоставлялось всем.

За исключением количественно незначительной прослойки, основная масса духовенства, прежде всего рядовое монашество, сохраняло тесные, в том числе экономические, связи с внешним миром (занятие промыслами, временное возвращение домой на период полевых работ и т.д.).

Любое ущемление прав или изменение статуса духовенства, таким

образом, могло вызвать отрицательную реакцию не только высших слоев, что вполне объяснимо, но и среди широких слоев общества.

6. Влиянию буддийской церкви и буддизма как религии способствовали и некоторые черты тибетского буддизма (ламаизма).

Ламаизм был "массовой" религией. Как одна из форм Махаяны он обещал "спасение" не только для лиц, целиком посвятившим себя служению "вере" (как в Хиньяне), но и для всех без исключения мирян при соблюдении, конечно, определенных правил и ритуалов. Последние же к данному времени утратили в значительной степени свою "строгость" и стали доступными практически для всех (вращение молитвенных колес, приношения в храмы и монастыри и т.п.).

Тибетский буддизм можно считать "народной" религией в том смысле, что на протяжении веков он постоянно впитывал в себя различные народные верования, божества, сказания, обычаи и т.д. Практически все формы народного творчества в меньшей или большей степени выступали в религиозной оболочке, не говоря уже о том, что монастыри были, по сути дела, единственными центрами образования, книгопечатания, изобразительного и, в значительной степени, прикладного искусства.

Крайние методы борьбы с буддизмом как религией могли, таким образом, вылиться в преследование национальной тибетской культуры или выглядеть таковым в глазах тибетского общества.

Ликвидация буддийской церкви и борьба против буддизма как религии, следовательно, требовали особо тщательного учета особенностей тибетской действительности, что, как показало дальнейшее развитие событий, далеко не всегда учитывалось КПК и привело к серьезным осложнениям.

7. Отношение КПК к церкви и религии было достаточно четко сформулировано уже в первых законодательных актах КНР: а) отделение церкви от государства, т.е. отстранение церкви от участия в политической деятельности, б) борьба с феодализмом и осуществление аграрной реформы по принципу "земля тем, кто ее обрабатывает", т.е. ликвидация церковного землевладения, в) свобода вероисповедания.

В то же время Соглашение "о мероприятиях по мирному освобождению Тибета", заключенное 23 мая 1951 г. между Центральным прави-

тельством Китая и местным тибетским правительством, гарантировало сохранение политической системы в Тибете, статуса, функций и полномочий далай-ламы и "доходов монастырей", т.е. сохранение церковного землевладения в Тибете.

8. Формально Соглашение 1951 г. сохраняло силу до марта 1959 г., однако это не означало, что положение буддийской церкви в Тибете оставалось неизменным или что руководство КПК и КНР не принимало мер по его изменению.

Меры, предпринятые в 1951-59 гг. руководством КПК и КНР, были направлены на а) ограничение сферы действия Соглашения 1951 г. районами, включенными в состав "Тибета", причем буддийская церковь в районах, включенных в состав провинций Ганьсу, Цинхай, Сикан, Сычуань, Юньнань, не подпадала под действие Соглашения, б) углубление и развитие противоречий между отдельными элементами буддийской церкви, прежде всего, между далай-ламой и панчен-ламой, между монастырями и правительством далай-ламы, между отдельными монастырями (группами монастырей), в) установление контроля над деятельностью буддийской церкви в Тибете через Подготовительный комитет по образованию Тибетского автономного района и Тибетское отделение Всекитайской ассоциации буддистов, г) ликвидацию теократического характера системы управления, д) лишение церкви ряда экономических привилегий (в торговле и ростовщичестве).

Все эти меры, а также открыто провозглашенный курс на строительство социализма в Тибете и ликвидация буддийской церкви в восточно-тибетских областях в 1955-56 гг. вызвали резкое недовольство духовенства.

Отмеченные выше особенности церкви и тибетского буддизма, а также массовые репрессии против восточно-тибетских монастырей, соединение лозунга защиты религии с националистическими требованиями ухода китайцев привели к тому, что монашество стало наиболее активной силой наряду с племенами кхампа, требовавшей немедленно ухода китайцев, предоставления Тибету независимости и сохранения неизменной политической и социальной структур тибетского общества.

9. Естественно, поэтому, что в ходе подавления "мартовского мятежа" 1959 г. и во время последовавших "демократических реформ"

наиболее сильный удар был нанесен именно по буддийской церкви, приведший практически к ее полной ликвидации.

Были распущены местное тибетское правительство далай-ламы и правительство панчен-ламы, т.е. ликвидирована общетибетская церковная организация.

Церковь была лишена земель и всех иных источников дохода, кроме приношений верующих.

Особое внимание было уделено кампании по возвращении "в мир" всех трудоспособных монахов под лозунгом обеспечения "свободы вероисповедывания". Оставшиеся в монастырях трудоспособные монахи также привлекались к труду на специально выделанных монастырям участках земли.

В результате этих мероприятий подавляющее большинство монастырей было закрыто, 90% монахов вернулось "в мир".

Немногие оставшиеся действующими монастыри были поставлены под непосредственный контроль местных властей путем организации в них "комитетов граждан", "охранных комитетов".

Основное внимание в настоящее время, особенно с началом "культурной революции", уделяется борьбе с религиозными предрассудками, носящей политический характер, так как религия рассматривается как прикрытие антикитайской деятельности, направленной на "подрыв единства национальностей". На практике же лозунг борьбы с религией, сочетающийся с борьбой против "четырех старых" (идей, привычек, обычаев, культуры), означает отрицание не только буддизма как религии, но и национальной культуры тибетского народа в целом.

А.Н.Зелинский

БУДДИЙСКИЙ "КОСМОС" В ТИБЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ
(Опыт моделирования)

Буддизм утвердился в Тибете в VIII в.н.э., когда процесс его кристаллизации на индийском субконтиненте был уже полностью завершен. Поэтому специфика тибетской буддийской традиции заключается не в привнесении в него принципиально новых элементов, а в закреплении на тибетской национальной почве всего того, что уже было достигнуто буддизмом в Индии. Это относится и к идее буддийского "космоса", воспринятой тибетцами в том виде, в котором она сформировалась в буддизме за многовековой период его предшествующего развития.

Буддийский космос не тождественен космосу древне-греческой мысли, т.к. лишен своей натур-философской основы. Центр внимания в буддизме перенесен с мира явлений на внутренний мир личности, в то время как внешний мир рассматривается, прежде всего, как функция ее психических процессов ("микрокосм"), которые, в свою очередь, выступают как отражение некоторых макропсихических явлений ("макрокосм"), не поддающихся рациональному исследованию. В основе указанных процессов лежат "дхармы", т.е. "био-психические" кванты или элементы "бытия-сознания", многообразное сочетание которых создает пестрый и вечно меняющийся "ковёр бытия", именуемый в буддизме "поток сознания" (santana).

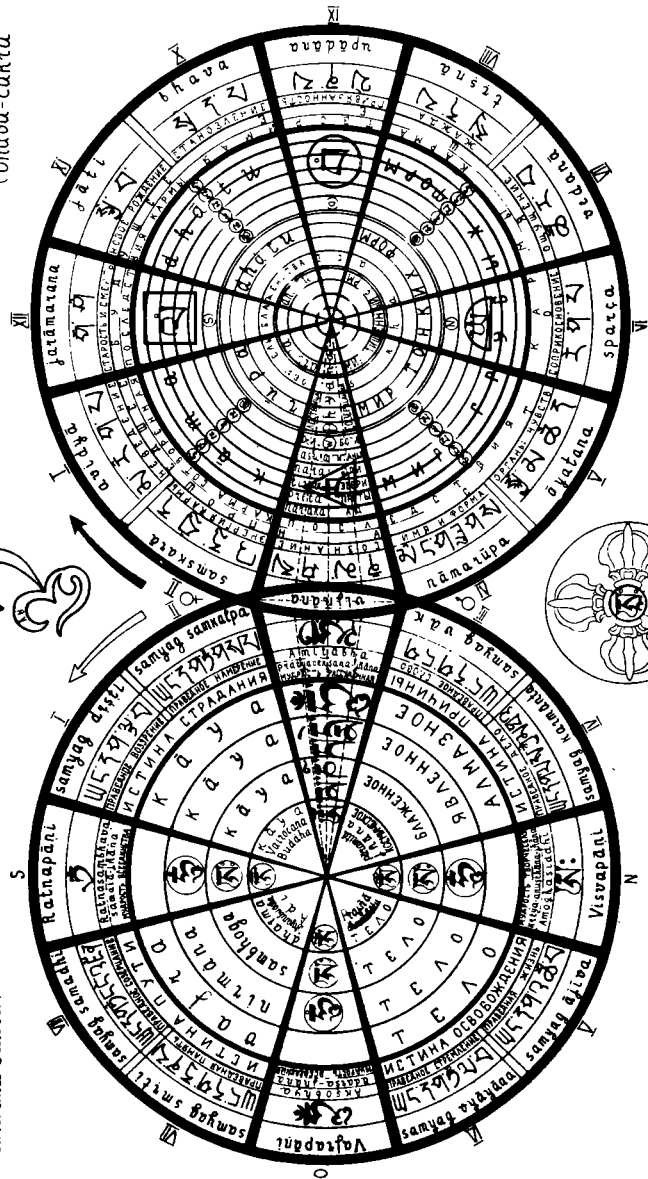
В законченном виде концепция буддийского космоса была сформулирована в конце кушанской эпохи махьянической школой Йогачаров,

оказавшей впоследствии большое влияние на буддийскую традицию в Тибете. Сущность этой концепции не выходила из главного русла махаяны и сводилась к идее внутреннего метафизического единства микрокосма и макрокосма, т.е. оансары и нирваны, которые образуют "психо-космическую" систему буддизма, лишь условно именуемую "буддийским космосом".

Таким образом, предлагаемая модель буддийского космоса исходит из закономерностей, логически вытекаемых из основных аксиом буддизма, принимаемых за самоочевидные носителями этой традиции. Модель построена по принципу "мандалы" или "психокоомограммы", представляющей собою наглядное и символическое изображение космических сил как психических процессов. В ее основу положены два кардинальных принципа буддизма: представление о "колесе бытия" (bhava-sakra), вращающемся в вечном круговороте рождения и смерти, и "колесе учения" (dharma-sakra), следуя которому можно найти выход из нескончаемого круга перевоплощений. Оригинальное применение этих положений к нашей модели, по сравнению с их изображениями и описаниями в буддийской традиции, заключается в том, что указанные "колеса" представлены нами в виде законченных графических схем буддийского микро- и макрокосма с их строго последовательной внутренней иерархией. Так, "колесо бытия" дает представление не только о "двенадцатичленном законе причинности", но и о всех "трех мирах" с их основными подразделениями, соответствующими ступеням созерцаний, а "колесо учения", помимо идеи "восьмиричного святого пути", органически включает в себя основные положения догматики и мифологии буддизма. Центральным в модели является принцип сочленения микро- и макрокосма буддизма на моменте "сознания" (vijñāna), представленного третьей "ниданой" двенадцатичленного цикла, что выражает фундаментальное положение, разделяемое всеми школами буддизма, которое можно назвать принципом инвариантности сознания, составляющим основу теории буддийского "метампсихоза". Развитие этой идеи школой Йогачаров привело их к концепции "сознания-универсума" (ālaya-vijñāna) обращенного одной стороной к иллюзорному и преходящему миру явлений, а другой — к вечному и всеобъемлющему принципу, отождествляемому в махаяне с нирваной или "Космическим телом Будды" (Dharma-kāya)¹.

«КОЛЕСО УЧЕНИЯ»
(dharma-sakṛa)

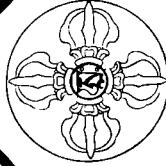
«КОЛЕСО БЫТИЯ»
(bhava-sakṛa)

«ВОСЬМИРИЧНЫЙ СВЯТОЙ ПУТЬ»
aṣṭaṅga-mārgaṇi

«ЗАВЕЩАЮЩИЙ ЗАКОН ПРИЧИНОСТИ»
dvaḍcaṣṭaṅga-pratityasamutpāda

МОДЕЛЬ БУДДИЙСКОГО «КОСМОСА»

Последнее, в аспекте творческого слова, выраженного универсальным символом $O \dot{M}$, выступает в роли, своего рода, "Догоса" буддизма, в то время как "сознание-универсум" (*ālaya-vijñāna*) напоминает положение "Софии" в ряде гностических систем, поскольку, находясь вне времени, оно выполняет, тем не менее, функцию творческого хроногенного фактора, являясь своеобразной "линзой сознания", через которую осуществляется связь между двумя планами буддийского космоса. В соответствии с данной моделью, "сознание-универсум" лежит на пересечении двух секторов, образованных мысленным разрезом буддийского микро- и макрокосма². Образованная при этом фигура ромба составляет две "пирамиды сознания", находящиеся по отношению друг к другу в положении зеркальной симметрии. Каждый из секторов указанной фигуры разделен на четыре малых подсектора, которые в сочетании с ним символизируют пять интегральных частей "индивидуального" (пять скандх) и "космического" (пять дхьяни-будд) сознания. Исходя из сказанного, процесс эволюции и инволюции буддийского космоса можно представить как эманацию пяти лучей "космического спектра" (т.к. каждый дхьяни-будда обладает своим цветом), которые, пройдя сквозь "линзу сознания", рассеиваются на "пять скандх" (*pañcaskandha*) или агрегатов профанического бытия и, будучи собраны в фокус (т.е. сублимированы в ходе сoteriological процесса), вновь претворяются в пять дхьяни-будд как в свое зеркальное отражение. Дialeктическую сущность этого процесса выражает универсальный слог $H\ddot{U}M$ — символ "неразрушимого тела" (*Vajrakāya*) как интеграла пяти мудростей буддийского макрокосма³, четыре из которых (во временной последовательности соответствующих дхьяни-будд) расположены крестообразно, эмануруя из того, центрального источника, олицетворенного на нашей модели

1/Th. Stcherbatsky, *The Conception of Buddhist Nirvāṇa*, Leningrad, 1927.

2/ Идея подобного "сечения бытия" была подсказана нам "эстетической схемой" П.Флоренского. (См.:П.Флоренский. Столп и утверждение истины. М., 1914, стр.586).

3/Lama Anagarica Govinda, *Foundations of Tibetan Mysticism*, New York, 1960, p.189.

(в соответствии с традицией древнейшей тибетской школы нинмаба) в образе дхьяни-будды Вайрочаны.

В ходе указанного процесса сознание личности проходит по всем воображаемым ступеням "трех миров" (т.е. по лестнице собственного сознания), пока не достигнет кульминационной точки в центре "колеса бытия", соответствующей вершине "мирового дерева" как "оси мира" (axis mundi) , пронизывающей все слои бытия, вплоть до горы "Меру" включительно. Следуя принципам тибетской йоги, это движение осуществляется за счет слияния активной жизненной энергии сознания, как манифестации солнечного мужского начала, со скрытой жизненной силой подсознания, как проявления лунного женского аспекта бытия. Соединение этих начал, в своем сублимированном плане, символизирует единство сострадания (karuṇā) и мудрости (praññā) как вечных принципов сущего. Динамическая полнота этих начал на уровне "макропсихики" выражается в том, что каждый из пяти дхьяни-будд имеет свою женскую ипостась, выступающую в роли персонифицированной мудрости. Так, "психо-космические" процессы в буддизме могут быть представлены как дивергенция и конвергенция мужского и женского начала в аспекте "правизны-левизны" буддийского микро- и макромира. Осуществление единства указанных принципов соответствует полному выходу из всех сфер "колеса бытия" и переходу в иное "измерение", символизируемое левой "пирамидой" нашей модели. Одним из санскритских терминов, характеризующих подобное состояние как итог пройденного пути, будет buddha-bhūmi, что соответствует тибетскому saṅs-rgyas-kyi-sa и близко по смыслу греческому *τελειωσις*. Подробный анализ психических состояний, сопутствующий "лестнице созерцаний" (dhyāna), ведущей к указанной цели, дан в известном трактате "Абхисамаяланкара", принадлежащем к школе Йогачарсы и пользующемся особой популярностью в Тибете и Монголии.⁴ В соответствии с этим произведением IO бхуми (bhūmi) и IO парамит (pāramitā) бодхисаттвы могут быть четко распределены по соответствующим уровням "трех миров" нашей модели.

4/ E.E.Obermiller, The Doctrine of Praññā-paramitā as exposed in the Abhisamayālaṅkāra of Maitreya, "Acta Orientalia", Vol. IX, 1953.

Таким образом, проблема упорядочения космоса в буддизме сводится к проблеме упорядочения сознания и связана с задачей уменьшения хаотичности сознания в сторону повышения его организованности. С полной победой центростремительных тенденций над центробежными энтропия в "дхармовом поле сознания" станет равной нулю, символизируя "пустоту" *sūnya*) всех составляющих его дхарм как переход их в качественно новое состояние. В стремлении сформулировать механизм подобного процесса, йогачары ввели представление об "элементе абсолюта" (*gotra* , тиб. *rigs*), благодаря скрытой энергии которого и осуществляется "катарсис" как трансформация "восьмисоставного сознания" (*ālaya-vijñāna*) в "три тела" и "пять мудростей" буддийского макрокосма.

Особенностью представленной модели является то, что почти все ее компоненты представляют жестко связанную и органически сочлененную систему, отражающую динамический аспект описанных процессов, причем хиньяна, в рамках этой системы, выступает как частный случай махаянической доктрины. Насколько известно автору, настоящая работа является первой попыткой представить буддийскую концепцию мира как модель, выраженную графическим путем на плоскости в пространстве двух измерений.

О ЗНАЧЕНИИ ТЕРМИНА PRATYAKṢA (ТИБ. mñon.sum, mñon.du gyur. pa) В СВЯЗИ С БУДДИЙСКОЙ ТЕОРИЕЙ ПОЗНАНИЯ.

1. Термин pratyakṣa обычно переводят как 'чувственное восприятие'. Такой перевод частично отражает только одну из сторон той сложной гаммы идей, которая заключена в термине pratyakṣa.

2. Слово pratyakṣa состоит из префикса prati-, обозначающего 'приближение', 'достижение', и существительного среднего рода akṣa, которое в широком смысле означает 'органы чувств'. Следовательно, этимологически это слово означает 'то, что достигло органа чувств'. Однако это отоображение тибетские переводчики не оочили достаточным основанием для того, чтобы перевести это слово генетически равнозначными ему dbañ.po.la gyur. pa, но передают так:

- а) mñon.sum - связь представлений,
- б) mñon.du gyur.pa - наличие в представлении,
- в) mñon.sum.du gyur.pa - наличие в оинтезе

представлений. Почему?

3. Известно, что тибетский термин, как правило, не является полным эквивалентом санскритского, не уточняет последний, сужает его, и часто для одного санскритского термина существует два и более тибетских эквивалента, контекстуально не взаимозаменяемых.

4. Переводить pratyakṣa на русский язык я предлагаю как 'непосредственное восприятие', ибо такой перевод подчеркивает априорность всякого восприятия вообще, что согласуется с представлением буддистов о восприятии. Но тек как трудность состоит не только в нахождении оответствующего термина, ооколько в определении его значения, представляется необходимым

изложить следующие соображения.

5. "Вся область нашего познания есть создание нашего мышления, различающего категории суботанции и акциденции; оно не есть выражение действительного бытия или небытия" (Дигнага).

Таким образом, все наше познание сводится к синтезу идей и представлений, и внешние объекты являются не источниками познания, в строгом смысле этого слова, а лишь побудительными моментами, реальность которых строго не доказуема. И хотя реальность внешних объектов в определенном смысле и не исключена, для познания она бесполезна.

6. Собственно познание определяется четырьмя факторами, которые суть четыре вида непосредственного восприятия, или четыре интуиции.^{х/}

а) *dbañ.roñi mñon.suñ* - непосредственное восприятие пятью органами чувств, или чувственная интуиция;

б) *yid.kyi mñon.suñ* - непосредственное восприятие разумом, или рациональная интуиция;

в) *gañ.rig mñon.suñ* - непосредственное восприятие внутренним чувством, или эмоциональная интуиция;

г) *gnal.hbyor mñon.suñ* - йогическое непосредственное восприятие.

7. В процессе познания участвует только *sañjñā* (тиб. *hdu.śes* - третья скандха). Йогическое непосредственное восприятие процессом не является, и *vijñāna* (тиб. *gnan.ses* - пятая скандха) — чистый контакт или общее понятие сознания (без содержания) — включается только здесь.

^{х/}См. "Источник мудрецов", издание Агинского дацана, т. УП, л. 8а.

О ДВУХ ИДЕАЛЬНЫХ СОЦИУМАХ БУДДИЗМА

1. В докладе сопоставляются хинаянские и махаянские представления о санге – общине отшельников – учеников и последователей Будды Шакьямуни. Сопоставление показывает, что в санге мы, по существу, имеем дело с двумя совершенно различными идеалами социума, а точнее – с двумя идеальными социумами, различными по характеру описания, номенклатуре и целям.

2. В тхеравадинском каноне санга описывается как реальный коллектив, состоящий из "просто отшельников", "старейшин" (тхера) и "великих старейшин" (махатхера) обоего пола. Причем основное место в сутрах занимают две последние категории, рассматриваемые там обычно в качестве действительных или потенциальных архатов. В санге существовала более или менее четкая и явная иерерхия, по преимуществу чисто духовная, устанавливаемая в зависимости от кармических и дхьянических достижений отшельников. И реальность санги как бы подчеркивается тем обстоятельством, что эта духовная (точнее – психологическая) иерархия начиналась с "просто человека" (не-члена санги) и завершалась на члене санги, уже ставшем архатом. Этим предполагалось, что, хотя практически "просто человеку" было невероятно трудно, почти невозможно стать архатом, если такая возможность и мыслилась, то только посредством санги как реального инструмента ее реализации. Таким образом, мы могли бы сказать, что санга здесь – реальный коллектив, через который реальному человеку почти невозможно достичь высшего реального состояния (т.е. состояния архатства).

И в этом "почти невозможно" имплицирован негативизм хинаянской санги ко всей и всякой внешней социальности.

3. В махаянских сутрах санга описывается как коллектив, состоящий из сверхъестественных существ, объединенный сверхъестественной мощью (обычно такой мощью является риддхи Будды). Жизнь этого сообщества бодхисаттв, богов и т.д. - игра высших сил. Иерархия там неустановима. Оказаться в этой санге теоретически может каждый "просто человек" и без всякого труда, яо... при одном условии - он перестает быть реальным существом и становится существом "чисто духовным", теряющим свой мир, биографию и пол. У этой санги нет и не может быть истории: она полностью мифологична. И поэтому, не будучи как таковая реальным коллективом, эта санга не может ничего отрицать в окружающей ее реальной социальности, ибо здесь принципиально невозможен переход от одного в другое (вместо иерархического перехода здесь - "превращение!").

4. Возможно, что под влиянием махаянского представления о санге впопледствии в буддизме поздних тибетских школ сложилась концепция санги как идеального сообщества организационно, по времени и месту, не связанных друг с другом людей, объединенных лишь одной духовной интенцией.

Г.Г.Стратанович

КАРНАВАЛ И МИСТЕРИЯ /ПО МАТЕРИАЛАМ
ПРАЗДНЕСТВ ТИБЕТСКИХ НАРОДОВ/

1. Тибетцы и "тибетские народы" /т.е. собственно тибетцы и другие народности тибетской группы /расселены столь же дисперсно, как и другие малые народы КНР. В самом Тибете поселения пёба /как звучит омонимизация собственно тибетцев "бодиа"/ и их подразделений "нариба" /Западный Тибет/ и "вэйба" /Восточный Тибет/, а также "цзанба" /Юго-Западный Тибет/ и др. были сосредоточены в районах возможного земледелия и относительно мало связаны между собой. Тем не менее связаны с ними локальные этнические территории "амдоба" /тибетское население Амдо/ и "камба" /тибетское население области Кам/ и других тибетских насельников отдельных поселений, разбросанных на обширной территории страны от западных границ провинции Цинхай до Приаргунья на востоке. Тибетцы, тибетские народности и народы тибето-бирманской группы живут и за пределами КНР: в Непале, в Индии, в Бирманском Союзе / а отпочкования их, возможно, достигли и значительно более отдаленных южных и юго-восточных районов, в том числе побережья островов "малайского мира"/.

2. Такая разобщенность подразделений тибетцев, народов тибетской и тибето-бирманской групп заставляет скорее удивляться сохранности некоторых черт /возможно, восходящих к древнему этно-культурному единству /общности в праздничной обрядности, чем наличию существенных различий в ней. Различия совершенно естественно оп-

ределить особенностями этнического развития каждой из групп, характером их этнических и культурных контактов, различием влияния среды /особенно "этнической среды" - влиянием соседних с ними народов, и в первую очередь местных крупных народов/.

3. В то же время не следует забывать и о возможном стадийном различии форм культуры, соответственных или в конечном счете определяемых различиями в их социальном уровне развития.

4. В существующей литературе о Тибете и тибетцах принято едва ли не все элементы культурной общности сводить к "единству" конфессионному, а едва ли не все богатство их праздничной обрядности сводить к "цэму". Можно, не раскрывая в тезисах содержания их, напомнить о бытовании у отдельных групп тибетцев и различных тибетских народов таких форм праздничных развлечений, как бой двух быков /бытующий у многих народов юга Восточной и севера Юго-Восточной Азии /конные ристалища/, в том числе скачки со стрельбой из лука/, пешие состязания лучников, различного рода маскированные карнавные шествия и действия, пантомимы.

5. Спецификой восточноазиатского карнавала и обрядового маскированного шествия были маски не наличного, а "головного" типа. Маска - шлем, маска - голова: животного, демона, духа, божества, героя /безразлично, положительного или отрицательного/, но, главное, нарицательного, типичного персонажа - часто дополнялась типизированным костюмом. И это облегчало или даже определяло легкость типизации образа, совпадение "маски" /персонажа/ и амплуа. Традиционность такого типажа-маски, персонажа-маски сохранялась по существу и тогда, когда наличная или головная маска вытеснялась гримом: он продолжал играть столь необходимую в условиях массовой неграмотности зрителя роль символа амплуа, выразительн маски-амплуа.

6. Головная маска, скрывая мимику лица, вызывала потребность активизировать мимические средства кистей рук, выразительность телодвижений, походки /особенно "выходки" - начальных па в театрализованном танцевальном действе/. Не случайно поза и жест подверглись со временем не меньшей канонизации, чем образ и лик во всех формах культового искусства /особенно буддийского в целом и ламайского в частности/.

7. Среди большого разнообразия зрелищных форм на празднествах маки /или, иначе, маскированные действия как светского типа, т.е. карнавальные, так и культовые: мистерии и другие /представляют собой интерес, так как дают возможность проследить хотя бы основные, переломные моменты развития самого этого явления. Так, например, новогодние маскированные шествия и пляски "мальчиков" /точнее *gat-p'u-gu* следовало бы переводить как танцы юношей или молодых неженатых мужчин /вошли в состав мистерии цам и стали ее частью. Почти полное отсутствие полевых материалов ограничивает возможность проследить сакрализацию элементов народной смеховой культуры, но не снимает ее. Наличие возможности установить время кодификации этого народного обряда и зрелища, инкорпорирования его в культовое действие, узурпации его аристократией и церковью /что в условиях теократического строя совпадало/ для истории культуры исключительно важно.

8. Нельзя не отметить, однако, что канонизация, т.е. закрепление форм и деталей в жестких рамках культового обрядового действия, присвоение церковью выражения семантики явления не смогли до конца вытравить память о карнавальной свободе народного зрелища, искоренить вариативность этой части обрядов Новогоднего цикла в различных географических зонах и этнических подразделениях /этнографических группах тибетцев и у отдельных народов тибетской группы/.

МАТЕРИАЛЫ ОБ ОСНОВАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ДАЦАНОВ В БУРЯТИИ

(Коллекция Г.Д.Нацова в рукописном отделе Бурятского
института общественных наук, Улан-Удэ.)

Ценные сведения по истории дацанов в Бурятии содержатся в коллекции этнографа Г.Д.Нацова, которая оказалась совершенно не использованной исследователями. Биография Г.Д.Нацова примечательна тем, что, будучи верующим монахом и имея буддийскую ученую степень, он под влиянием Октябрьской революции и при содействии брата, активного работника Коминтерна Ц.Шойжелова, отказался от буддизма, принял марксистско-ленинскую идеологию, стал деятельным атеистом, этнографом-собирателем, много ездил по районам республики, собирая разнообразный материал, связанный с дацанами.

Коллекция Г.Д.Нацова в рукописном отделе Бурятского института общественных наук состоит из 276 единиц хранения. "Дела" представляют книжечки разного формата с неодинаковыми количеством листов: от одного-двух до сорока. Рукописи Г.Д.Нацова по оодержанию подразделены на 12 разделов. Среди них есть раздел "История бурятских дацанов", представленный 51 "делом". В них изложена история 13 дацанов Забайкалья со дня их основания и до 1934 г., т.е. до момента окончания собирательской деятельности Г.Д.Нацова.

В материалах имеются подробные сведения о пожертвованиях населения, указываются средства, отпущенные на строительство, называются приходы каждого дацана с количеством пожертвований на "рамнай", т.е. на открытие нового дацана, где, в связи с этим, в течении нескольких дней проходили большие празднества с обильными угощениями. Г.Д.Нацов сообщает интересные факты из жизни настоятелей дацанов, указывает даты их правлений, характеризует деятельность некоторых из них, отмечает количество лам, описывает имущество и особенности хозяйств дацанов и

их земельные угодья. Подробно описываются, кроме того, некоторые хуралы, костюмы, маски и божества.

В кратких заметках Г.Д.Нацов пишет о важных событиях, связанных с жизнью в дацанах, о их издательской деятельности и типографиях, о богатстве высшего духовенства, приводит ценные сведения о музыкальных инструментах отдельных дацанов, различных приобретениях лам и сооружениях монументальных статуй божеств, обновленческом движении в ламаизме.

Материалы Г.Д.Нацова представляют собой записи личных наблюдений, а также сведений, которые сообщались ему другими лицами. Как бывший лама, продолжительное время живший в дацане, он великолепно владел тибетскими и монгольскими языками, хорошо знал письменные источники, внимательно наблюдал быт лам. Он изучал также архивы дацанов и включал сведения из них в свои заметки. Конечно, материалами коллекции Г.Д.Нацова, особенно сведениями, которые собраны во время личных бесед и записаны им по памяти, нужно пользоваться критически. Тем не менее в целом они представляют большой интерес и заслуживают самого тщательного изучения.

О НЕКОТОРЫХ ТРАДИЦИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ
ПОНИМАНИЯ БУДДИЗМА КАК ТЕОРИИ ЭЛЕМЕНТОВ БЫТИЯ

Достижения отечественной школы изучения буддизма, зародившейся в первой половине XIX в., известны достаточно широко. Она предложила интересное решение основных проблем буддийской философии и расшифровку сложнейшей терминологии. Выдающимися представителями ее являются В.Л.Васильев, О.О.Розенберг, и Ф.И.Щербатской. Именно этим ученым специалисты обязаны современным сравнительно высоким уровнем понимания буддизма.

Одним из кардинальных вопросов буддийской сущности философии является вопрос о так называемой теории элементов бытия. Правильное толкование ее дает ключ к пониманию всей системы буддийского мышления. Опираясь на прочную традицию русской школы изучения буддизма, О.О.Розенберг и Ф.И.Щербатской предложили интересное толкование основного термина буддийской философии—дхарма, что позволило правильно понять и объяснить такие сложные вопросы как проблема чувственного, объективного и субъективного.

Оценивая вклад, сделанный в изучение буддизма представителями русской школы, следует в первую очередь отметить заслуги О.О.Розенберга. Он первым обратил внимание на необходимость исторического подхода к философским текстам буддизма. О.О.Розенберг рассматривал всю систему буддийской философии как своего рода анализ живого существа, что позволило объяснить причины неясности в толковании таких терминов, как рупа, индрия, скенда, оантана. Ему же принадлежит важная мысль об опасности сопоставления идей европейской философии и буддийских понятий.

С момента зарождения изучения буддизма русские ученые понимали важность опоры на сохранившуюся тибетскую традицию в Бурятии. Они не только выезжали в страны распространения буддизма, но и подолгу жили там, изучая вместе с буддийскими философами труднейшие тексты. Сравнительный анализ толкования

элементов бытия и других терминов В.П.Васильевым, О.О.Розенбергом и Ф.И.Щербатским неглядно показывает общее направление развития отечественной школы буддизма, по которому она следовала со времен зарождения, и особенно рельефно обрисовывает весомый вклад ее в изучение буддизма.

Б.М.Нармаев.

ОБ "ИСТОРИИ БУДДИЗМА" Ш.ДАМДИНА (1867-1937)

1. Монгольский философ и историк Ш.Дамдин в своем сочинении, написанном на тибетском языке, "Мелодия раковины счастья веры, история о том, как появилась драгоценная совершенная вера на севере в стране хоров", говорит о трех этапах распространения буддизма в стране хоров. Первый этап начинается спустя 100 лет после смерти Будды, средний охватывает времена Чингис-хана, а начало третьего датируется приглашением Алтан-Гэгэн-ханом Тумедским третьего Далай-ламы. Таким образом, согласно Дамдину, буддизм появился в стране хоров раньше, чем в Китае и Тибете. Это утверждение имеет под собой основание, т.к. буддизм, действительно, сначала появился в Средней Азии, откуда в первые века нашей эры он стал впервые проникать в Китай.

2. По мнению Дамдина, древняя религия хоров, которая существовала у них до принятия буддизма, была не местной, но заимствованной с Запада.

3. Представляет интерес объяснение Дамдином этнических терминов "хор" и "сог". Существует точка зрения, согласно которой оба термина употребляются для обозначения как монгольских, так и тюркских племен. По мнению же автора "Истории буддизма", "сог" - это собственно монголы (т.е. ойраты, халха, баяты, урянхайцы, буряты и т.д.), а термин "хор" обозначает тюрко-монгольские племена вообще.

ВЕЛИКИЙ МОНГОЛЬСКИЙ ФИЛОСОФ – АГВАН БАЛДАН
(БАЛДАН ЦОРДЖЕ)

1. Обычно Агвана Балдана называют в научных кругах Монголии Балданом Цордже. Санскритское его имя – Пандит Шримат.

Агван Балдан родился 24 октября 1797 года в хошуне Хардал – Цэцэнхановский аймак Халха Монголии, в местности "Жанжин Байоа". Нынешнее название – Галшир сомон, Хэнтэйского аймака. В 1831 году Агван Балдан получил ученую степень "Лхарамбе" ("Ленсрай") ("Доктор Лхасского университета").

Труды Агвана Балдана высоко оценивались в Тибете. Они даже изучались в монастыре Диса-Гомба. Особенно большую популярность Балдан Цордже получил после проверки изданий трудов Цзонхавы в Тибете. Он указал на многочисленные ошибки и извращения в 25 изданиях сочинений Цзонхавы.

Как свидетельствует тибетский ученый Чулдум Намжил, приезд Агвана Балдана в Тибет рассматривался как событие в научной жизни. Некоторые называли его "великим ученым".

2. Первый том "Всеобщей истории философии Индии" называется так: "Характеристика первых глав, вместе взятых, объясняющих "Всеобщую историю философии Индии", из так называемой "Любимой вещи светлого ума", освобождающая от связи трудное содержание, соответствующее комментарию "Великой истории философии Индии" (200 лл – 400 стр.). "Любимой вещь светлого ума" назван труд Гунчена "Великая история философии Индии". В этом же томе разобраны философские направления – Локаяти, Санкхья, брахманизм, Вайшешика, Ниргранта, Веданта и др.

Характеристику материализма Чарваке-Локаятиков Балдан Цордже дает по Гунчену. Он повторяет основные принципы материализма и атеизма локаятиков. Этими положениями являются: отри-

цание потусторонней жизни, отрицание вечности духа, признание махабхуты и четырех элементов материи как основы, порождающей жизнь.

3. Второй том называется так: "Собственное толкование так называемой "Любимой вещи светлого ума", освобождающей от связки трудное содержание "Великой истории философии Индии". (177 лл - 354 стр.) Содержанием второго тома является в основном изложение истории философских школ - Вайбхашика и Саутрантика. Следует обратить внимание на "Краткий конспект" работы - "Дубта-Ченмои-Чендел-Жи Заби - Цигдэл". В "Цигдэле" имеются любопытные высказывания. Балдан Цордже пишет: "Буддийская философия имеет четыре школы. Из них Вайбхашика и Саутрантика относятся к низшему колесу (Хинаяна), а Мадхьямика - к высшему (Махаяна). Однако, некоторые тибетские ученые считают, что Вайбхашика и Саутрантика должны относиться к колесу Шравака (лл.19). Таким образом, Балдан Цордже относит Вайбхашик и Саутрантик к небуддийским школам. Он так и пишет о Вайбхашике: "Кроме того, есть мнение, что Вайбхашик нельзя относить к буддийской системе".

4. Третий том называется: "Собственно буддийский комментарий денной системы, т.е. "Любимой вещи светлого ума", освобождающей от связки трудное содержание "Великой истории философии Индии". В этом томе автор разбирает философскую школу - Мадхьямику. Таким образом, мы видим, что в первом томе Балдан Цордже излагает содержание труда Гунчена "Великая история философии Индии". Во втором томе дается авторское толкование основного содержания книги. Здесь есть уточнения и исправления некоторых положений Гунчена. В третьем томе дается собственно авторское изложение проблем буддийской философии.

5. Характеризуя значение своего труда, Балдан Цордже писал, что это "самостоятельное, краеугольное исследование, комментирующее "Историю философии", творение великого мудреца Гунчена Чамьяна Шадпа Дордже" (лл.2, в). И далее: "Четыре больших реки Намшея (мысли) "Истории философии" - это баснословное озеро главного учения, подобно нежному солнцу всезнающего" (там же).

Балдан Цордже написал шесть томов, которые объединяют 96 сочинений автора.

6. Говоря о философской школе Санкхье, Балдан Цордже пишет: "Согласно этому учению - существует не материальный по своей природе Боддха (интеллект). Этот Интеллект порождается Пракрити. В этом Интеллекте отражается предмет с внешней стороны - как объект, а с внутренней стороны - как субъективный образ объекта, соединение этих двух видов: объекта и его субъективного образа - называют знанием" ("Дубта-Ченмо-Чандэл", т. I, лл. 7-8, перевод Ж. Чимидийн). Изложенное является ответом на вопрос: что такое "Пракрити", что такое "Чен-Мо" ("Махабхута"), что такое "Ло" (Ухаан-боодхи)?

Балдан Цордже отвечает на вопрос: что такое "Брахман" или "Мировой дух"? Он пишет: "Если Брахман создал все предметы, то как же существуют четыре касты? Если все люди имеют происхождение от Брахмана, то не являются ли они братьями и сестрами? Если так, то как же мы допускаем недостойные поступки по отношению к своим сестрам и братьям? Если это так, то учение Брахмана разве не является самым худшим учением на свете?" ("Дубта-Чен-Мо-Чендэл-Жи-Цэгдэл", тиб. оригинал, лл. IO, перевод Ж. Чимидийн).

5. Особый интерес представляют философские взгляды Балдана Цордже. Балдан Цордже признавал первичность природы, первичность внешнего мира и процесс познания через ощущения. Он признавал, что первопричиной вещей являются атомы ("Тульпран-Хумхин тоос"). Атомы в его представлении состоят из "частиц - пыли" ("Дубта Шин-денг ни", тиб. лл. 7). Он признавал наличие четырех великих элементов - земли, воды, огня и воздуха ("Чой Онпи-Зоджи Дочжод", лл. 28). Он был согласен с мнением Саутрантиков о том, что один атом делится на семь частей ("Тульпараб"). Таким образом, он признавал наличие частиц материи, которые ныне называются элементарными частицами ("Маш углухан хумхи"). ("Дубта-Чен-Мо-Чан-дэл", т. II, лл. 65).

Балдан Цордже в теории познания исходил из признания взаимодействия объекта и субъекта. Он находился на принципе примата объективных факторов. Балдан Цордже критиковал Иогачарь-

ев, которые считали первичным сознание, считали, что три мира являются результатом деятельности сознания. ("Дубта-Чен-Мо-Чандэл жи Цигдэл", лл. 42-43). Таким образом, можно считать, что Агван Балдан (Балдан Цордже) находился на позиции стихийного материализма.

РАЗРАБОТКА МОНГОЛЬСКИМИ ТИБЕТОЛОГАМИ
ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ БУДДИЗМА.

1. Бурятский ученый Доржи Банзаров не случайно писал, что ориенталисты, издавна занимавшиеся судьбами народов Средней Азии, преимущественно обращали внимание на военные дела монголов, оставляя в стороне их нравы, обычаи и веру. Причиной он считал недостаток данных из этих областей. Ориенталисты мало интересовались и философским наследием монгольского народа, его общественной мыслью. И дело здесь, конечно, не в недостатке соответствующих данных, а в том, что ориенталисты сами большей частью были филологами, не занимающимися философскими проблемами, или историками, проходящими мимо этих проблем. Между тем, философских источников на тибетском языке — огромное количество.

2. Ю.Цеденбал писал: "Наша партия считала и теперь считает, что нужно освоить и использовать для создания и развития новой социалистической культуры все лучшее и прогрессивное из культурного наследия прошлого" ("Унэн", орган ЦК МНРП, от 9 января 1963 года №9(8481). В 1928 году ЦК МНРП опубликовал "Тезисы" — "Об общих положениях религии в стране и ее дальнейшей перспективе". В "Тезисах" приводится указание о том, как надо относиться к культурному и научному наследию прошлого. Там, в частности, сказано: "В тот период появилось много ученых, слава о которых дошла до Лхасы. Можно назвать имена таких широко известных ученых — Балдан Цордже, Агван Хайдов, Агван Дорж, Шижэ, Даши-Дорж и многих других. Кроме того, из среды ламства вышло много широко образованных людей, написавших ряд крупных произведений. В самой Монголии широко известны имена: Лувоан Чойнжид, Дандар Аграмба, Луvsандаш, Зава Дамдин, Анги Шатдар и мно-

гие другие". Эти указания служат ориентиром при подходе к проблеме. В них приводится ряд имен, которые должны быть в центре внимания исследователей.

3. Мне приходилось отмечать, что особенности формирования общественной мысли монгольского народа проистекают из своеобразных особенностей формирования монгольской нации, вобравшей в себя элементы культуры завоеванных монгольскими войсками стран и областей. В Монголию проникает ламаизм и вместе с ним философские трактаты буддистских авторов. Первое сочинение такого рода было написано Пагба-Ламой Лодой Чжалсаном (1235-1280). К 16-17 вв. ламаизм распространился по всей Монголии. С этого времени и начинается деятельность наиболее крупных и известных монгольских философов.

4. монгольский ученый Гомбожав считает, что количество авторов-монголов составляло около ста человек. Он полагает, что они написали 400 томов. Монгольский философ-тибетолог Жугдэр Чимидийя полагает, что количество авторов-монголов было 209. Об одном из них он написал и защитил диссертацию об Агване Балдане (Балдане Цордже).

Жугдэр Чимидийя писал: "В Монголии получил распространение махаянистический буддизм в форме ламаизма. Догматика ламаизма весьма близка догматике древнеиндийского буддизма. В связи с этим важно отметить, что в европейской литературе бытует мнение, что буддизм Индии и его философия до неузнаваемости изменились, проникнув в среду кочевых восточных народов, что в Тибете реформы Цзонхавы даже свели на нет основные философские положения буддизма и развили только его мистическую сторону. Если внимательно ознакомиться с тибетским и монгольским буддизмом и его основными религиозными догмами, окажется, что, несмотря на то, что в различные эпохи он принимал различные формы, он сохранил все же основные философские положения индийского буддизма. Монгольские буддисты изучали и составляли собственные комментарии к трактатам таких известных древнеиндийских авторов, как Нагарджуна, Асанга, Арьядева, Шантидева, Васубандху, Чандракирти, дигнаги, Дхармакирти, Дхар-

маттара, Буддхапалита, Чандрагомин, Ашвагоша, Дамдин, Арьяшура и многих других" ("Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук", АН СССР, Институт философии, 1964, стр. 5.) Как видим, необъятно поле деятельности для будущих исследователей монгольской философии и общественной мысли Монголии.

5. Первое сочинение монгольского философа написано в XIII веке. В XIV веке отмечен один автор, в XV – 12, XVI – 22, XVII – 79, XVIII – 85 авторов. Из них, по свидетельству ж. Чимидийна, философов было 94, богословов – 53, логиков – 8, филологов – 12, астрономов – 12, литераторов – 11, историков – 7, медиков – 12.

В их числе были: 1. Лубсан Принлай (1642–1715) – автор шести томов по философии и истории.

2. Дава Гааржа (1734–1833) – автор и составитель 30 томов по буддийской философии.

3. Агван Хайдуп (1779–1838) – автор пяти томов по философии и литературоведению.

4. Дамцах Дорж (1781–1855) – автор 22 томов по философии и литературоведению.

5. Зава Дамдин (1864–1937) – автор 11 томов по философии, истории, астрономии, теории литературы.

6. Норов Ширав (XVI век) – автор семи томов по философии и литературоведению.

7. Агван Дорж (XVI век) – автор 14 томов по философии и литературоведению.

8. Чултэм Жамц (XVI–XVII в.в.) – автор 10 томов по философии и астрономии.

9. Ловсан Цэмпэл (XVI–XVII в.в.) – автор 9 томов по философии и истории.

10. Жамьян Гарав (XVI–XVII в.в.) – автор 13 томов по философии и теории литературы.

6. Современные монгольские философы активно изучают философское наследие своего народа. Наша задача – подключиться к этой работе.

КТО ОСНОВАЛ РЕЛИГИЮ "БОН"?

1. В "Истории буддизма" тибетского историка Таранаты (XIV в.), который черпал свои сведения из индийских источников, перечисляются имена учителей, основателей "варварских", т.е. небуддийских, религий: Маматхар (по другим источникам Матхар или Матхур), Шоннуде (в переводе с тиб. "Юная община"), Ардо и Пайгамбар.

2. Тараната без всяких оснований отождествил Матхура с Шоннуде, а Ардо с Пайгамбар, так что вместо четырех учителей у него оказалось только два. Критика этого текста впервые была дана монгольским ученым Миньджул-хутухтой (XIX в.), который хотя и указал на эту ошибку Таранаты, но все же не смог правильно решить вопрос об учителе матхуре по причине отсутствия каких бы то ни было данных.

3. Имена трех учителей, а также факты об их жизни и деятельности, упоминаемые Таранатой, дают возможность утверждать, что Пайгамбар (иран. "пророк") – это Мухаммед, Ардо (Зердушт) – это Заратустра, а под "Юной общиной" имеется в виду Мани (III в. н.э.), основатель "Новой общины", т.е. манихейства.

4. Тараната в том же источнике приводит отрывки из истории древнего Ирана и упоминает царей: Кира Великого (VI в. до н.э.), основателя династии Ахеменидов, Дарин, Ксеркса и Артаксеркса. Кир был последователем одного из учителей, упомянутых выше, но какого именно – Тараната не сообщает. Поскольку известно, что этот царь не был зороастрийцем, то остается допустить, что он был последователем Матхуры. Религия, основанная этим учителем, согласно Таранате, была почти полностью уничтожена в самом Иране во времена Ксеркса (V в. до н.э.). Этот факт подтверждается древними иранскими документами, из которых известно, что было запрещено почитать древних иранских богов ("дэвов"). Согласно книге "Эсфирь" царь Ксеркс, ошибочно принятый переводчиками Библии за Артаксер-

кса (др.евр.Ахашверош от иран.Хшайрша,т.е.Ксеркс), пытался уотановить в своей империи исключительный культ "Небесного господа" Ахура Мазды(монотеизм).

5. В У в. до н.э. имело место массовое переселение иранцев из Северо-Восточного Ирана, из Согдианы, к северным границам Тибета. Одной из основных причин, вызвавших это переселение, была,вероятно,так называемая "религиозная реформа" Ксеркса. Значительная часть этих иранцев, носителей древних традиций, в первые века нашей эры смешалась с тибетцами, которые,таким образом, получили иранскую религию(тиб."бон"), арамейскую письменность, книги,сохранившиеся до наших дней, и прочее культурное наследство стран Ближнего и Среднего Востока. Религия"бон"представляла собой традиционную иранскую религию(политеизм) с главными богами: Ахура Маздой, Митрой и Анахитой(Астартой), которые почитаются под своими иранскими именами до сих пор.

6. Основателем религии"бон"считается "Совершенный жрец" (тиб.Шенраб) родом из Ирана-Элама. Его подлинное иранское имя, которое мы находим в тибетских книгах по религии"бон"-Дмура, и оно близко к имени Матхура текста Таранаты. Если принять во внимание, что его имя дается в переводе на тибетский как "корона,митра"(тиб."гцуг-пхун"),то реконструкцией от Матхура-Дмура будет самое распространенное в прошлом на Востоке и в Европе имя собственное Митра(возможное сокращение имени Митридат,т.е."Данный Митрой").

7. Согласно тибетской версии "Биографии Шенраба" учитель Митра(Митридат) был родом,как и Кир Великий(VI в.до н.э.),из Элама и современником завоевания иранцами Мидии и Вавилона, которое имело место в VI в. до н.э. Этот учитель,как мы думаем, неоднократно упоминается в "Ветхом завете",в связи с религиозной политикой Кира, как один из главных сановников Персидской империи. Сведения об учителе(пророке) Митре-Митридате сохранились также в древних и средневековых греческих источниках.

8. Мы предполагаем, основываясь на восточных и европейских источниках, что основателем давно забытой мировой религии

"митраизма" был учитель Матхура (Митра) текста Таранаты. Митраизм, распространившийся когда-то от Атлантического и почти до Тихого океана, в трансформированном виде сохранился в Тибете до наших дней под названием "бон". Особый для нас интерес представляют тибетские источники по религии "бон", некоторые из которых являются переводами бесследно исчезнувших древних иранских трактатов по истории и религии стран Ближнего и Среднего Востока.

СХОДНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В СУДЬБАХ БОН И СИНТО

Судьба местных религий при встрече с буддизмом в разных странах складывалась по-разному, в зависимости от уровня их развития. В Индии, Китае, Корее, Вьетнаме буддизм стал лишь одной из многих и отнюдь не главной религией, будучи не в состоянии вытеснить полностью более ранние местные религиозные системы, достигшие уже высокой степени оформленности. Напротив, встречая с религией общества, сохранившего многие первобытные, доклассовые черты, проходила с резким перевесом буддизма, с тенденцией к искоренению местной религии, что можно видеть на примере взаимоотношений буддизма и шаманизма у монгольских народов. Наконец, были и такие страны, где буддизм, заняв господствующее положение, в то же время пришел к выработке с местными религиями определенных условий сосуществования. Примером этого могут служить Япония и Тибет, где ко времени восприятия буддизма (VI-VII века) уже были объединенные государства, но процесс становления государственной религии из конгломерата родоплеменных культов еще был далек от завершения. В этих условиях неудовлетворенного спроса правящих классов на идеологическое вооружение в виде четко оформленной религии естественно быстрое и охотное восприятие буддизма верхушкой общества. В то же время традиционные культы, приверженность масс к которым достаточно велика, успели пройти некоторую гомогенизацию и благодаря этому смогли выжить, хотя бы и в подчиненном положении. В этом плане в судьбе бон и синто можно найти ряд параллелей.

В обеих странах местная религия к моменту проникновения буддизма находилась примерно на одинаковом уровне развития, в значительной мере оставаясь конгломератом локальных и племенных культов. В обеих странах буддизм как конкурент ускорил

оформление местной религии как целостной системы, дав заодно и образцы храмовой организации, литературы, идеологии, которые могли копироваться и калькироваться.

В то же время, развиваясь параллельно и в тесном контакте с буддизмом, местные религии сохраняют свои специфические особенности, отличающие их от буддизма, в одном и том же направлении. Ритуал буддизма сдвинут в сторону большей торжественности, благолепности, философского осмысления. В местных религиях больше экзотических черт в ритуале, более проявлены этнографические корни верований, место философии занимает магия. Мы в свое время не хотим сказать, что буддийские ритуалы лишены магических черт или что в синто нет ни следа философского осмысления культа: речь идет только об относительном преобладании того или другого.

Можно сказать, что и синто-буддийский баланс в Японии и бон-ламаистский баланс в Тибете представляются в виде двух полей, охватывающих своими идеологическими и ритуальными услугами широкую амплитуду общественных и классовых потребностей, причем поля эти отчасти взаимно перекрываются. Но сдвиг их относительно друг друга проходит по одной определенной оси. Если буддизм более связан с потусторонними представлениями, с посмертной судьбой индивида, то бон и синто нацелены прежде всего на блага этой земной жизни.

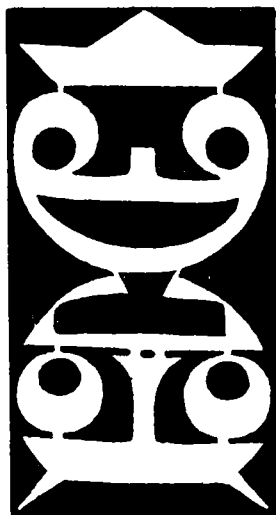
Как культ бон в Тибете, так и система синто-буддийских храмов в до-мэйдзийской Японии воспринимались как специфические, отчасти конфронтрующие, но в целом включенные в общую детерминированную буддизмом религиозную систему.

Параллели можно отметить и в соотношении троичности буддийских концепций с ярко выраженным преобладанием дуализма в бон и синто, и в терминологии обозначения этих культов, совпадающих в Японии и Тибете как кальки. Противопоставлению kami — магацуки в синто соответствует противопоставление в бон лха — дре. Понятия лха и kami полностью идентичны, соответствуют и местные названия религий лха-чо и каннагара, производные от этих корней.

В истории взаимоотношений этих религий в обеих странах мы

видим: а) силы, насаждающие новую религию и преследующие старую
б) силы, встающие на защиту традиционных верований;
в) силы, ратующие за мирное сосуществование обеих религий.
И в Тибете, и в Японии конфликт между введенной извне более
сильной мировой религией, буддизмом, и местными, не столь силь-
ными, но все же достаточно жизнеспособными **культами**, имел оп-
ределенную политическую окраску, причем за местными **культами**
закрепилась роль знамени оппозиции. В итоге конфликта устанавли-
вается система равновесия, при которой, несмотря на господ-
ствующее положение новой религии, остаются некоторые экологи-
ческие ниши для существования старых культов. Хотя последние
и трансформировались под влиянием более развитой религии, но
трансформация эта шла не по пути полного уподобления, а по пу-
ти образования гомологичных по функции, но отличающихся по
форме структур.

Филология и источниковедение

ТИБЕТСКИЙ ФОНД ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР.

Первое знакомство России с тибетскими рукописями произошло при Петре I в 1720 г., когда в монастыре Аблайн-хит на Иртыше были найдены листы рукописи, написанной неизвестными письменами. Шумахер, библиотекарь Петра, отвез их в Парижскую Академию наук для определения и перевода, но перевод, как выяснилось позднее, был сделан неверно. Эта и другие рукописи из Аблайн-хит положили начало тибетскому фонду Академии наук в Петербурге.

В конце XVIII в. академики Г.Ф.Мюллер и П.С.Пеллас продолжали пополнять тибетский фонд АН, который (как показывает каталог И.Ерига, опубликованный Бусое в 1796 г.) имел в это время около 300 рукописей и ксилографов.

Ряд важных тибетских памятников передал в фонд академик И.Я.Шмидт в 50-е гг. XIX в., одною самым большим поступлением была коллекция П.Л.Шиллинга фон-Канштадта (2333 тома). В 1941 г. в Азиатский музей, где находился теперь фонд, поступила вторая коллекция Шиллинга (около 4800 единиц) тибетских и китайских текстов. Много ценных сочинений Шиллинг передал и Парижской Академии.

К середине XIX в. тибетский фонд Азиатского музея — крупнейший и наиболее известный в Европе. В это время внес свой вклад в расширение количественного состава фонда и академик Шифнер.

В течение второй половины XIX в. рост объема фонда заметно замедлился. Но уже первое десятилетие XX в. ознаменовалось тремя крупными поступлениями от Г.Ц.Цыбикова и Б.Б.Барадийна, посетивших Тибет и привезших ксилографы, и П.К.Козлова, побывавшего в Центральной Азии и доставившего рукопи-

си из Хара-хото и ксилографы из других мест.

Новые поступления в тибетский фонд, развитие тибетологии как самостоятельной науки и бурный рост всего комплекса дисциплин центральноазиатской филологии, индологии и исследований в области буддизма, явственно обозначившийся к концу первого десятилетия нынешнего столетия, выдвигали настоятельные задачи составления нового каталога, соответствующего требованиям времени. Но он не был написан. А резкое увеличение тибетского фонда после Октябрьской революции еще более усложнило эту задачу. Сотрудники Азиатского музея (с 1931 г. Институт востоковедения АН) привозили из научных командировок много приобретенных ксилографов, которые вместе с более поздними поступлениями легли в основу фонда Нова Института востоковедения.

Инвентаризацию и каталогизацию тибетских рукописей и ксилографов удалось возобновить только в 1964 г., но работа еще далека от завершения. Предварительный подсчет показал, что в фонде хранится свыше 14 500 томов ксилографов (30 000 - 50 000 сочинений).

Рукописи из Дуньхуана и Хара-хото

Хранятся в рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения (около 250 ед. хранения). Дуньхуанские рукописи (около 180 ед.) представляют собой свитки, склеенные из 2-3 листов серой китайской бумаги, грубой, неподкрешенной, с крупной сеткой. Особенности бумаги и палеографические данные позволяют датировать рукописи XI в. Рукописи содержат многочисленные списки текстов, в основном трех сутр: Амитабхавьяхасутра, Праджняпарамитахрдаясутра и Веджрачхедикапраджняпарамитасутра. В конце списков часто колофоны, где сообщаются имена (как правило, нетибетские) переписчиков и инициаторов (донаторов?). Даты даются редко и соответствуют годам 60-летнего цикла.

Рукописи из Хара-хото по содержанию примыкают к дуньхуанским. Это - фрагменты свитков или отдельные листки из тетрадей или рукописей типа потки (с отверстиями в середине листа

для скрепления). Фрагменты свитков по бумаге и почерку часто очень похожи на дуньхуанские. Большая часть рукописей типа потхи – скорописные, на светлой тибетской бумаге. Датируются не ранее XПв. Тетрадоочные листки (некоторые скреплены по 3–4) – на тангутской или тибетской бумаге. Это, очевидно, части карманных молитвенников, которые датируются XI–XII вв.

Коллекция С.Е.Малова

Состоит из тибетских документов на дереве, купленных С.Е. Маловым летом 1914 г. в селении Миран в районе озера Лоб-Нор и происходящих из Миранского городища, расположенного там же. Она – часть архива тибетского гарнизона крепости, построенной на территории Миранского городища около конца УП в. Документы относятся, видимо, к концу УП–IX вв. н.э. Большей частью они – маленькие (1–2 см) кусочки небольших деревянных досок. Много записей сделано центральноазиатской письменностью (брахми и т.д.). Общее число фрагментов – около 50. Хотя чтение и расшифровка этих фрагментов сопряжены с большой трудностью, они чрезвычайно важны для науки тем, что после самого тщательного изучения могут, вероятно, дать конкретные сведения по истории и географии Восточного Туркестана, а кроме того, могут служить материалом для изучения истории тибетского языка и тибетской палеографии.

Канджур и Танджур

В Ленинградском отделении Института востоковедения имеются пекинское издание Канджура и Танджура, два издания дэргеского Танджура, полное нартанское издание Канджура и неполное – Танджура, отдельные тома Канджура и Танджура в издании монастыря Чоне, большое количество (свыше 400 экз.) Праджня-парамиты, изданной в Китае, Тибете, Монголии и Бурятии (в том числе рукописи, написанные бронзовой краской на черной лакированной бумаге). По качеству бумаги и печати лучшим изданием следует признать издание Чоне.

Наличие различных изданий буддийского канона дает прекрасную возможность изучения истории сложения Канджура и Танд-

жура в Тибете и отличий (текстуальных и др.) всех этих изданий между собой.

Коллекция Б.Б.Барадийна

Эта коллекция ксилографов поступила в Азиатский музей в 1907 г. Почти все они изданы в монастыре Лаврен (провинция Амдо) на серой тибетской бумаге. Первые тома собраний сочинений иллюстрированы изображениями буддийских божеств, "перерожденцев" и др. В коллекции согласно инвентарю — 85 единиц хранения (169 томов), в которых находится 1620 сочинений. Большая часть собраний сочинений принадлежит амдоским ученым и религиозным деятелям. Важное место в коллекции занимают собрания сочинений П Джанджан-шадпы (1728—1791) в 12 тт., Кончог Танпай-донме (21-й настоятель Лаврана, 1762—1823) в 11 тт., Джал-кхемпо Дагпа-джалцана (23-й настоятель Лаврана, 1762? — 1837) в 6 тт., Акуринпочхе Шейраб-джамцо (1803—1875) и др.

Тематика сочинений коллекции разнообразна. Многие из них посвящены буддийской догматике и литургии. Хорошо представлена историческая литература, посвященная истории буддизма в Индии, Тибете, Китае и Монголии, в отдельных провинциях или монастырях. Ряд сочинений посвящен истории возникновения различных буддийских дисциплин. Например, хранящиеся 4 сочинения Бутона (1290—1364) излагают соответственно: 1) историю возникновения системы Йога-тантра; 2) историю возникновения и распространения мистического учения Гухьнсамаджа; 3) историю системы Чакрасамвара; 4) историю астрологической системы Калачакра.

Коллекция Г.Ц.Цыбикова

Коллекция поступила в АМ в 1904 г. Место издания ксилографов — монастыри Амдо и Центрального Тибета: Ташийлхунпо, Галдан, Джонанг, Брайпунг, Радэн, Сэра, Кунделин и др. Ряд собраний сочинений иллюстрирован изображениями буддийских божеств, святых и знаменитых религиозных деятелей. Краткий список произведений, составляющих коллекцию, был напечатан в "Известиях АН" за 1904 г. (т. XXI, вып. I).

В коллекции - 82 ед. хранения (333 тома), в которых 3380 сочинений. В составе коллекции - 42 собрания сочинений и около 40 отдельных сочинений. Как известно, Цыбиков специально приобрел комплекс литературы, который считался необходимым для каждого тибетского монастыря секты Гелуг-па.

Тибетская литература представлена здесь достаточно полно и широко (религиозно-философская, историческая, географическая, апокрифическая, эпистолярная и др.). Основу составляют собрания сочинений лам секты Гелуг-па: Цзонхавы (I357-I4I9) и его учеников Кхай-дупе (I385-I438), Джалцаба (I364-I432), Далай-лам - I-го (I39I-I474), 2-го (I475-I542), 5-го (I6I7-I682), 7-го (I7I9-I757), большинства Панчен-лам и др. Кроме того, имеются собрания сочинений других известных деятелей Тибета. Так, имеются 2 сумбума лам из монастыря Сэра - Чхойки-джалцана и Тан-дарвы, I9 томов шалуйских лам и др.

Хорошо представлены в коллекции так называемые "апокрифы", т.е. "найденные в земле", "книги из кладов", "оокровенные книги", авторство которых приписано их героям. Это: "Падма-катав" (XIV в.), "Катен-денга" (XIV в.), "Кадам-легбам" (XV в.), "Тхань-йиг-серпхрен" (XV-XVI вв.), "Мани-кабум" (XV-XVI вв.)

Фонд Nova

Образовался как из частью переинвентаризованного фонда Азиатского музея, так и из поступлений XX в. Заинвентаризовано свыше 7000 сочинений. Большинство сочинений те же, что и в коллекциях Цыбикова и Барадийна, в тех же изданиях или в изданиях других монастырей.

Из Азиатского музея в фонд вошли две рукописи Гэсэриады (о них см. Дамдинсурен, Исторические корни Гэсэриады, М., I957).

Среди незаинвентаризованных ксилографов находятся II (из I5) томов собрания сочинений сакьяских лам: Сечхен Кунга-нъин-гпо (I092-II59), Соднам-цемо (II42-II82), Дагпа-джалцана (II47-I2I6), Кунга-джалцана (II82-I25I), Пагпа-ламы (I235-I280). Нет нужды называть уже широко известные сочинения отсюда. Можно выделить "Запись прослушанного" (сан-йиг) Пагпа-ламы, где приводится, например, краткая генеалогия тибетских царей, а так-

же переписка автора с целым рядом религиозных и политических деятелей, в том числе и с Хубилай-ханом.

Из исторических сочинений интересна "История секты Кадампа" (1494 г.) Лайчен Кунга-лжалцана.

Агиографическая литература представлена многими произведениями, среди которых – единственная в мире рукопись одной из версий легендарного сочинения "Завещание, спрятанное у колонны" (XIV в.).

Имеется много каталогов (кар-чагов) к различным изданиям Канджура и Танджура; много сборников молитв и заклинаний; тибето-монгольские и монголо-тибетские словари; многочисленные издания комментариев к грамматике Тхонми Самбохоты (УП в.).

В неразобранной части фонда много собраний сочинений тибетских и монгольских (писавших на тибетском) авторов XVII-XX вв. (например, около 10 изданий трудов Цзая-пандиты Ловсан-принлая). В этой части фонда преобладает каноническая литература, причем наиболее часто встречаются: Праджняпарамита, Суварнапрабхаса, Ваджрачхедика, Садхармапундарика, – существующие в большом количестве различных изданий.

Трудно переоценить значение тибетского фонда для развития отечественной и зарубежной тибетологии. Достаточно сказать, что он может удовлетворить самые взыскательные запросы исследователей.

ИЗУЧЕНИЕ И ПУБЛИКАЦИЯ ИНДИЙСКИХ И
ТИБЕТСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПО ТЕОРИИ ИСКУССТВА.

В фондах научных учреждений СССР хранятся ксилографы и рукописи индийских, тибетских и монгольских сочинений по теории искусства, относящиеся к различным периодам средневековой культуры Индии, Тибета и Монголии.

Изучение этих материалов было начато в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР М.И.Воробьевой-Десятовской в связи с подготовкой материалов для сборника "Мастера искусства об искусстве". Русский перевод индийского памятника "Читралакшана" выполнен М.И.Воробьевой-Десятовской и опубликован в 1965 г. в первом томе названного сборника. Немецкий перевод этого памятника, сохранившегося только в тибетском переводе, был осуществлен в 1913 г. Бертольдом Лауфером.

Оригинальные тибетские сочинения не публиковались ни в СССР, ни за рубежом Их изучение начато в 1965 г. в Бурятском Институте общественных наук Сибирского отделения АН СССР К.М. Герасимовой, в 1967 г. Е.Огневой в Ленинградском отделении Института востоковедения. О результатах изучения оригинальных тибетских и переводных индийских сочинений было сделано три доклада К.М.Герасимовой: в 1965 г. на Всесоюзной конференции в Ленинграде, посвященной истории живописи стран Азии; в 1968 г. на УШ МКАЭН в Токио и в 1970 г. на Всесоюзной конференции в Москве по канону древнего и средневекового искусства Востока. В 1970 г. сдана в печать монография "Памятники эстетической мысли Востока. Тибетский канон пропорций" (20п.л.), которая состоит из публикации тибетского текста, перевода двух сочинений XVIII в. из Восточного Тибета и исследования восьми индийских и шести тибетских сочинений XIII-XVIII в.в. по иконометрии и композиции.

Е.Д.Огневой - сотрудницей Ленинградского отделения Института востоковедения-выполнен перевод иконометрического трактата Таранатхи (XVII в.), опубликована статья о тибетских источниках по иконографии.

2. Формирование тибетской литературы по теории искусства связано с освоением и переработкой классического наследия древней индийской эстетики, зафиксированной в буддийской традиции и сохранившейся в тибетских переводах.

Тибетская литература по эстетике делится на две группы: индийские и собственно тибетские памятники. Для первой группы характерна консервация индийской традиции- переводы, публикация и канонизация индийских источников. В развитии собственно тибетской эстетической мысли видны следующие этапы: комментирование, редактирование тибетских переводов индийских источников, составление сводных справочников на их основе, критическая оценка индийских источников, сопоставление руководств, соответствующих особенностям культовой системы той или иной секты тибетского ламаизма, унификация иконометрического канона в соответствии с культом господствующей секты Гелуг-па.

Подавляющее большинство собственно тибетских памятников, известных и доступных нам, относится к традиции секты Гелуг-па. Не выявлены теоретические сочинения основоположников главных тибетских художественных школ Центрального и Восточного Тибета, относящиеся к XIII-XIV векам, известные нам только по имени автора и названию сочинения. Полностью не известны тибетские сочинения V-XII веков. Таким образом, развитие тибетской эстетической мысли раннего периода остается недокументированным.

Основная задача изучения истории тибетской эстетики в настоящее время - выявление, изучение и публикация ранних и неортодоксальных памятников.

3. Индийские и тибетские сочинения по теории живописи и скульптуры посвящены в основном изложению иконометрии и композиции в аспекте эстетической категории меры.

Иконометрические сочинения, в которых моделируются раз-

личные типы телосложения человека, характеризуют определенный уровень древней антропологии, в частности, мелицины. Трактаты по композиции освещают не только технику геометрических построений, изображение различных позиций тела на плоскости, но иллюстрируют также понимание физических законов сохранения равновесия тела в пространстве, в статике и движении, закона симметрии в природе.

Критерием совершенства произведения искусства считается соответствие живописного и скульптурного изображения определенной мере единства формы и содержания. В теоретических трактатах по технике искусства нет литературных атрибутивных описаний, они посвящены структурному анализу количественно-качественной определенности иконографического образа, которая обуславливается комплексом обязательных знаковых характеристик, выявляющих взаимосвязь физической, эмоциональной и функциональной характеристики изображения.

В этих памятниках мы видим не только естественно-научные, земные реалии канона культового искусства, но и попытки осмысления объективных законов художественного творчества и восприятия искусства.

К исследованию истории эстетической мысли Тибете и Монголии необходимо привлечь индологов; это позволит определить степень творческого освоения индийского наследия тибетцами и монголами и в свою очередь обогатит наши представления о характере древней индийской культуры, в которой, судя по анализируемым памятникам, обнаруживается некоторое типологическое сходство с античной культурой, с ее гуманизмом и реализмом естественнонаучного мышления.

4. Изучение индийских и тибетских памятников по теории искусства выдвигает ряд исследовательских проблем, в частности, необходимость изучения роли древнеиндийской культуры в истории центрально-азиатских цивилизаций.

Искусство многих народов Центральной Азии обнаруживает следы прямого влияния индийской художественной культуры, например, в памятниках Беграма, Кучи, Хара-хото, Восточного Тибета. В опосредственной и претворенной форме индийские тра-

диции сохранились до наших дней в искусстве Монголии и Бурятии.

Во-вторых, возникает вопрос о соотношении канона культового искусства и развития национальных школ, отражающих самобытность эстетических воззрений данного народа. В частности, необходимо продолжить начатое исследование и выявить наличие текстовых памятников монгольской эстетики, изучить: в какой мере она сохраняет индийские и тибетские корни и в каком направлении переосмысливает и перерабатывает это наследие.

ТИБЕТСКИЕ СЛОВАРНЫЕ ПОСОБИЯ.

1. Появление в первой половине 19 века новой отрасли востоковедной науки - тибетологии - вызвало и появление соответствующих словарных пособий. Первые такие словари Чома де Кё-деши и Якова Шмидта могут быть признаны относительно удачными пособиями в отличие от словарных пособий, составленных католическими миссионерами. Появившиеся в третьей четверти XIX века словарь Г.Ешке и в первые годы XX века словарь С.Даса (оба тибетско-английские) до сих пор являются настольными пособиями у тибетологов. Их отличает от предыдущих словарей обилие материала, частичная расшифровка терминологии тибетских оригинальных и переводных с санскрита трудов и приведение в возможных случаях санскритских эквивалентов. О значении этих словарей говорит и тот факт, что в XX веке словарь Ешке переиздавался 3 раза, а Даса-2 раза.

2. В связи с развитием тибетологии, привлечением многочисленных памятников тибетской классической литературы различных направлений и, в первую очередь, буддийской философской литературы, выяснилось, что все вышеперечисленные словари уже не могут отвечать новым требованиям, возникшим в связи с достижениями философских исследований буддологов и тибетологов русско-советской школы в двадцатых годах нашего столетия.

3. Новые требования были предъявлены к словарным пособиям по тибетскому языку в результате формирования современного тибетского литературного языка в середине XX века, т.к. обнаружилась полная непригодность словарных пособий оказать какую-либо помощь при переводе новых понятий и терминов в области науки и культуры.

4. В области современного литературного языка в Улан-Удэ был выпущен "Опыт краткого словаря общественно-политических терминов тибетского языка" (1956г.) на базе очень ограничен-

ного материала и очень маленьким тиражом. Его нельзя назвать действенным пособием, но венгерский тибетолог д-р Геза Урай в своей рецензии отметил важность и необходимость таких пособий, без которых чтение современной тибетской литературы просто невозможно. В 1963 г. объединенными усилиями тибетологов Улан-Удэ и Москвы был выпущен "Краткий тибетско-русский словарь современного литературного языка" (21.000 слов). Издание разошлось быстро. Положительных рецензий было достаточно. Мы можем считать, что начальная работа в этом направлении выполнена.

В области классического языка в 1964 г. началась подготовка к изданию большого тибетского словаря на базе черновой рукописи М.Н.Рериха "Тибетско-русско-английский с санскритскими эквивалентами словарь", дополненный материалами из толкового тибетского словаря Чойдага. В 1965 году работа была подготовлена к изданию тибетологами Москвы и Улан-Удэ, но до сих пор не сдана в печать.

5. Нам неизвестно, ведутся ли работы по оставлению новых словарных пособий по тибетскому классическому языку за пределами СССР, но в области живого разговорного и современного литературного языка кое-что сделано. В 1943 г. вышел небольшой словарь Гоулда и Ричардсона с указанием, что он относится именно к разговорному языку. Вышедший до начала формирования литературного языка он, естественно, не дает возможности для перевода самых популярных современных тибетских изданий. Словари Э.Рихтера (1966, ГДР) и С.Бака (1969, США) значительно лучше названного словаря, но словарь Рихтера меньше в два раза, а словарь Бака содержит 4/5 нашего "Краткого тибетско-русского словаря современного литературного языка".

6. Для работы над текстами, написанными на классическом тибетском языке, словарь Рериха, как выяснилось в процессе работы над ним, нас полностью удовлетворить не может. Поэтому к нему уже составлено "Дополнение" в виде пятого тома. В этом "Дополнении" более чем на половину его даны переводы-расшифровки терминологии буддийской философии. Работа готова для передачи ее редактору.

В плане работ БИОН Бурятского филиала на текущую пятилетку

предусмотрен "Тибетско-монголо-русский словарь по пяти видам традиционных наук". Словарь Рериха с "Дополнением" и этот словарь могут быть основой для составления академического словаря тибетского языка.

По линии современного литературного языка необходимо решить вопрос о публикации второго исправленного и дополненного издания КТРС, с объемом до 40.000 слов.

7. Большой недостаток в нашей работе - отсутствие в словарях фонетической транскрипции (кроме словаря Гоулда). Этот вопрос надо решить объединенными усилиями москвичей, улан-удэнецев и ленинградцев.

8. Для наших изданий нам необходимо иметь по два кегля тибетского и монгольского шрифтов. Их отсутствие тормозит, а то и просто останавливает работу в издании не только словарей, но и всех тибетологических и монголоведческих изданий.

МАТЕРИАЛЫ НА ТИБЕТСКОМ ЯЗЫКЕ ИЗ ХАРА-ХОТО.

1. В 1907 году Русское Географическое общество организовало Монголо-Сычуаньскую экспедицию, которую возглавил П.К.Козлов. Целью экспедиции было исследование мёртвого города Хара-Хото. Рукописи на тибетском языке, найденные Козловым, до сих пор не исследованы и не описаны. Несмотря на небольшой размер фонда (70 единиц), его исследование может иметь некоторые положительные результаты в плане истории распространения буддизма в Центральной Азии, буддийской текстологии и истории книгопечатания.

2. Датировка поступивших материалов в Азиатский музей не была зафиксирована. Тем не менее, языковые и палеографические особенности, бумага текстов, а также некоторые косвенные данные позволяют предположить, что документы из Хара-Хото были написаны до 1226 года – года разрушения города монголами.

3. Документ ХТ-44 содержит 2 молитвы (дхарани). По началу второй дхарани удалось установить, что она содержится в Ганджуре. Этот же текст был найден и в Дунхуане. В каталоге тибетских рукописей из Дунхуаня М.Лалу он встречается 22 раза. Наличие большого количества разночтений текста молитвы из Хара-Хото с текстами из Дунхуаня, а также то, что в Ганджуре ее текст примарно в три раза больше текста из Хара-Хото, позволяет предположить, что этот текст не был включен в канон в середине XIII века.

4. Ксилографический текст ХТ-67 был напечатан в Хара-Хото китайцами, о чем свидетельствует способ издания книги ("бабочка") и китайская пагинация. В связи с этим можно предположить, что если верхняя граница датировки текстов 1226 год, то это одно из первых известных нам печатных изданий на тибетском языке.

5. Анализ написания букв позволил установить некоторые

особенности, присущие графике XII-XIII вв.

6. На основании анализа почерка текстов из Хара-Хото, с привлечением дополнительных данных, оказалось возможным найти некоторые общие закономерности написания тибетских букв в рассматриваемую эпоху.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ ЛОНДОЛ-ЛАМЫ
(klong-rdol-bla-ma-ngag-bla-bzang)

Лондол-лама принадлежал к высшему кругу ламаистской иерархии Тибета, жил в 18 в. (родился в 1719 г., умер, по некоторым данным, в 1796 г.). Его двухтомное собрание сочинений включает 31 работу, которые охватывают почти все отрасли знания того времени.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют библиографический каталог собраний сочинений учителей Гадамба и Гэлугба bka'-gdams-pa-dang-dge-lugs-bai-bla-ma-rags-rim-gyi-gsung-'bum и историческое сочинение под названием bstan-'dzin-gyi-skyes-bu-rgya-bod-dubyon-pai-ming-gi-grangs известных деятелей в Индии и Тибете буддийской церкви, во многих случаях сообщаются не только имена этих деятелей, но и даты их рождения и смерти, имена родителей, названия мест рождения и т.п. Это сочинение составляет 22-ю книгу (за) собрания сочинений. Все другие сочинения на самые разнообразные темы являются целой серией исключительно интересных справочников почти по всем вопросам науки и религии.

Интересующее нас историческое сочинение Лондол-ламы, озаглавленное bstan-pai-spyin-bdag-byung-tshue-gyi-ming-gi-grangs, составляет 23-ю книгу собрания сочинений автора, изданного в монастыре Гундэнлин в Лхасе и в Пекине, и занимает в первом из этих изданий 20, а во втором — 19 листов обычного тибетского формата. В нем даются краткие сведения об индийских и более подробные сведения о древних тибетских царях, покровительствовавших буддизму (1^б—3^б лл.). Затем приводится перечень стран, где распространялась буддийская религия: Индия, Кашмир, Цейлон, Удьяна (ouan), Сахор (za-hor), Серлин (gser-ling), Шамбхала (Shambha-la), Санлин (zangs-gling), Лимл (li-yul), Китай, Непал и Тибет. Перечисляются основные реки и горы в указанных странах.

Дается географическое описание основных провинций Тибета. Даются краткие сведения о китайских императорах, в том числе об императорах монгольской династии (9^б-12^б лл.), перечень представителей крупнейших феодальных династий, управлявших Тибетом: Сачжаба (sa-akya-pa), Нэдомба (Sne-gdong-pa) или Ринбумба (rin-sprungs-pa) (12^б-15^б лл.), и, наконец, сообщение о переходе власти в руки ламского дворца - Галдан-побран (dga-ldan-pho-brang) и перечень регентов с их церковной деятельностью (15^а-19^а). Достаточно подробно описывается эпоха 5-го Далай-ламы, Дэ-орэд Саяжай-Жамцо, его поражение и гибель в войне с Лхобсан-ханом ойратским. Далее идет перечень сажайских лам с датами их рождения, перечень покровителей желтошапочной секты. Отмечено, что современник 5-го Далай-ламы, джунгарский Гуши-хан, был воплощением божества Ваджрапани, а противники "желтошапочников" - Бари-Донёд-Чжалбо и халхесский Цокто-тайджи-причинили много вреда секте Цзонхабы, но были подавлены Гуши-ханом. Далее идет перечень джунгарских ханов - потомков Гуши-хана, начиная с Далай-батора. Описывается время деятельности Далай-лам, начиная с Галсан-Жамцо.

В заключении сообщается традиционное деление оуддийской эры на пятисотлетние циклы и определяется количество лет этой эры до года огня=птицы XIII цикла (т.е. до 1777 г.), когда было начато это сочинение (лл. 19а - 20а).

По всей вероятности, это произведение было составлено путем объединения отдельных заметок и выписок хронологического и генеалогического порядка, которые автор делал для памяти при изучении им тибетской исторической литературы.

ОПЫТ ОПИСАНИЯ СУМБУМА ЁНЦЗИН ЕШЭ-ЧЖАЛЦХАНА
(1713-1793г.г.)

1. Хотя в последнее время востоковеды многих стран активно занимаются каталогизацией и описанием тибетских рукописей и ксилографов, многие проблемы в этой области продолжают еще оставаться нерешенными. Среди них немало вопросов, связанных с описанием полных собраний сочинений (сумбумов) отдельных тибетских авторов. В этом плане опыт описания сумбума Ёнцзин Ешэ-Чжалцхана представляет известный интерес.

2. В европейской литературе на Ёнцзин Ешэ-Чжалцхана обратили внимание А.И.Востриков (А.И.Востриков "Тибетская историческая литература". М., 1962) и тибетолог из ГДР М.Таубе (Taube, Manfred, "Tibetische Handschriften und Blockdrucke (Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland, X1:1-4)", Wiesbaden, 1966; Taube, Manfred, "Die Bibliothek des Klosters Gandan in Ulaanbaatar"-Mittellungen des Instituts für Orientforschung Band XIV, Heft 2, 1968, Akademie-Verlag-Berlin, s. 315-333). Отдельные сочинения Ёнцзин Ешэ-Чжалцхана вошли в каталог Сендай ("A Catalogue of the Tohoku University Collection of Tibetan Works on Buddhism", edited by Yensho Kanakura, Bujuo Yamada, Tokan Tada and Hakuya Hadano-Sendai, 1953).

Ёнцзин Ешэ-Чжалцхан был известным тибетским автором и универсальным ученым; его сочинения пользовались большой популярностью. Так, например, в списке исторической литературы "Дэбтхэр-Чжамцо", так называемой "Синей книге", которая по праву считается одним из наиболее замечательных произведений тибетской историографии, перечисляются следующие сочинения Ёнцзин Ешэ-Чжалцхана: биографии преемственных учителей "Ламрим", составленные Ёнцзин Ешэ-Чжалцханом (см. Дэбтхэр-Чжамцо, т. I, соч. 41

под названием *yoñs-'dzin -ye-śes-rgyal-mtshan-mdzad-paⁱ-lam-rim-bla-bryud-rnam-thar*, в сумбуме автора, т.4,5); биография Цзонхабы (см. Дэбтхэр-Чжамцо, т. I, соч. 226 под названием *yoñs-'dzin-ye-śes-rgyal-mtshan-gyis-mdzad-pai-rjei-rnam-thar*); биография Дубван Лобсан Намчжала, называемая "Прекрасное украшение учения Будды вместе с сокровенной биографией", написанной Ёнцзин Ешэ-Чжалцханом (см. Дэбтхэр-Чжамцо, т. I, соч. 401 под названием *yoñs-'dzin-ye-śes-rgyal-mtshan-gyi-mdzad-pai-grub-dbañ-blo-bzañ-rnam-rgyal-gyi-rnam-thar-thub-bstan-mdzes-rgyan-dañ-gsañ-rnam*).

В каталоге собраний сочинений учителей сект Гадамба и Гэлугба (*bka'-gdams-pa-dañ-dge-lugs-bla-ma-rag-rim-gyi-gsuñ'-bum-mtshan-tho-b'zugs-so*, 60 л.) Лондол-ламы Агван-Лобсана (*klon-rdol-bla-ma-ñag-dbañ-blo-bzañ*, 1719-1796) дается перечень сочинений, входящих в сумбум Ёнцзин Ешэ-Чжалцхана, что лишний раз подчеркивает особую значимость работ автора для современников.

3. В тибетской исторической литературе существует определенная традиция в составлении биографических сочинений-намтаров. Намтары (биографии) отдельных авторов составляются либо самими авторами, либо непосредственными учениками ученого. В полном собрании сочинений (сумбуме) Ёнцзин Ешэ-Чжалцхана не удалось обнаружить ни биографии автора, ни автобиографии. Это вызвало необходимость составления биографии Ёнцзин Ешэ-Чжалцхана на основе данных колофонов к сочинениям. Благодаря колофонам можно установить не только дату рождения автора и его местопребывания, но и время, место написания того или иного сочинения.

4. Сумбум Ёнцзин Ешэ-Чжалцхана хранится в Рукописном отделе Института общественных наук Бурятского Филиала Сибирского отделения АН СССР и состоит из 19 томов. Размеры 54х9, размер текста 39,5х5, издание тибетское, ксилографическое, бумага тибетская.

В сумбуме, хранящемся в тибетском фонде БИОН-а, отсутствуют 12 и 19 тома. 12-го тома нет во всех собраниях сочинений этого автора, что и оговаривается в гарчхаке. В тибетском фонде БИОН-а 19-й том отсутствует. В описанных 17 томах со-

держатся 154 сочинения самой разнообразной тематики. Это обширные биографии крупнейших индийских философов, Нагарджуны, Асанги, Васубанду, Дармакирти, Чандракирти, биографии выдающихся тибетских авторов, таких как: Атиша, Бромдонба, Потоба, Цзонхоба, Чжалцхаб, Дарма-ринчен, Кхайдуб-Шэйраб-Сэнгэ, Далай-лам от первого до третьего; история Тибета; учение об этике буддизма, обширные комментарии на Джатакамалу; тантрийские сочинения. Он пишет ритуальные сочинения, дает комментарии на Абхисамаяланкару, приписываемую бодисатве Майтрея, комментирует сочинения Ашвагоши, Пятого Далай-ламы (1617-1682), Цзонхабы (1357-1419), Нагарджуны, Атиши (982-1054), составляет указатель к полному собранию сочинений Будона (1290-1364) и др.

5. Сочинения Ёнцзин Ёнэ-Чжалцхана описываются по следующей схеме:

1) порядковый номер тома с указанием количества произведений в данном томе, 2) тибетское название сочинения с титульного листа, 3) количество листов в сочинении, 4) место и дата составления сочинения, 5) краткая аннотация сочинений, 6) общее число листов всего тома.

6. При описаниях подобного рода встречаются трудности следующего характера: 1) перевод названий сочинений; 2) использование сокращений типа *bstan* от *bstan-gyur*; *bka'otbka'-gyur*; 3) чтение сочинений, относящихся к разряду "секретных" и ритуальных; 4) вопрос транскрипции и транслитерации; 5) передача тибетских имен собственных и географических названий; 6) определение бумаги и места издания.

В.М.Наделяев

1. Монгольская письменная традиция связывает изобретение монгольской письменности с именем тибетского ученого Сакья пандиты /1182-1251/, который по приглашению царевича Годана прибыл в 1245 году из Тибета в ставку царевича под Ланьчжоу, жил там до конца своих дней, там создал монгольское письмо. Видимо, Сакья пандита в своих переводах буддийских сочинений с тибетского на монгольский использовал употреблявшееся тогда монголами уйгурское письмо, несколько приспособив его к монгольскому языку.^{1/}

3. Последующую монголизацию уйгурского письма традиция связывает с Чойджи-одзером / ᠴᠣᠶᠳᠦᠭᠲᠦᠨ ᠣᠳᠵᠡᠷ /, автором недошедшего до нас грамматического сочинения *Ṣirūken-ü toltā* /Сердечная

аорта/, деятельность которого относится ко времени великих ханов Темур Улзэйтү /1285-1307/ и Хайсан-Хулюка /1307-1311/. Чойджи-одзер перевел на монгольский язык сборник Панчаракшэ, философскую поэму Бодхиচারьяаватара поэта Шантидевы и сутру Саддхармапундарика. Вероятно, эта большая переводческая деятельность Чойджи-одзера побудила его к усовершенствованию уйгуро-монгольской письменности. Блестящий ученый, в совершенстве владевший тибетским литературным языком, досконально изучивший тибетские грамматические сочинения, сумел привить на монгольскую почву тибетскую грамматическую традицию, переработав ее применительно к особенностям монгольского языка. Об этом можно судить по его фрагментам, включенным в переработанном виде в грамматическое сочинение Дандзандагвы *Ĵirüken-ü tolta-yin tayilbüri* /Толкование оердечной аорты/, написанное в промежутке между 1730 и 1735 годами как расширенный комментарий на грамматическое сочинение Чойджи-одзера /см. первый параграф *üzüg-i ĵasaγsan yosun* и второй параграф *debiskerlekü yosun* во втором разделе второй части этого сочинения/.^{2/}

4. Чойджи-одзер из тибетского классификационного деления слоговых согласных звуков по степени напряженности их произношения / *ᠵᠡ᠋ᠨᠠᠭᠤᠨ* / на пять родовых разрядов - мужской род, средний род, женский род, совершенно женский род, совершенно средний род - взял только три характеристики по степени напряженности: сильные, слабые, средние, по-монгольски *čingγ-a*, *kängdöi* /букв.пустые/, *saγarmaγ* и, приурочив их к трем сингармоничным рядам звуковой системы монгольского языка, с гениальной простотой отразил тем свое теоретическое понимание сингармонизма звуков в словах монгольского языка. Это открытие, так своеобразно сформулированное теоретически Чойджи-одзером, было сделано в самом начале XIX века. Ни тибетский язык, ни санскрит, к грамматической традиции которого восходит тибетская традиция, не имеют звукового сингармонизма в словах. А турки, интуитивно отра-

2/ П.Б.Бадданжапов. *Ĵirüken-ü tolta-yin tayilbüri*. Монгольское грамматическое сочинение XVIII века. Улан-Удэ, 1962.

жившие свой сингармонизм в орхоно-енисейском и уйгурском письме и непоследовательно в арабском письме, узнали о нем теоретически лишь после переоткрытия сингармонизма в турецком языке европейскими учеными в XVII в. Надо было полностью владеть монгольским языком, чтобы сделать такое открытие. Закономерно усомниться, были Чойджи-одзер тибетцем. С большим основанием можно думать, что Чойджи-одзер монгол по происхождению, получивший буддийское образование на тибетском языке в сакьяском монастыре Тибета.

5. Опустим за недостатком времени и места чрезвычайно интересную, уточняющую монгольский сингармонизм, переделку Чойджи-одзером тибетских приемов написания по горизонтальной строке дополнительных согласных букв в монгольские "подстиланье" и "подстилки" / debiskerlekü , debisker / на вертикальной строке и перейдем к системе склонения имен.

6. Видимо, параграф о склонении / teyinilyal anu / в "Толковании Сердечной аорты" не является фрагментом, хотя бы и переделанным, из сочинения Чойджи-одзера "Сердечная аорта". Содержание его — механический перенос на монгольский материал тибетской трактовки склонения, которая, в свою очередь, так же механически заимствована из санскритской грамматики. Монгольский автор, надо полагать оам Дандзан-Дагва, сохранил восемь падежей одного из вариантов трактовки склонения в тибетской грамматике, сохранил их порядковые номера как терминологические названия падежей и перевел на монгольский язык основные значения каждого падежа. В тибетском языке конструкция предложения с переходным глаголом в роли сказуемого эргативна, поэтому в нем нет специальных показателей у имени для выражения прямообъектных отношений, зато подлежащее в этих предложениях оформлено, чаще всего показателем орудности. Интерпретация системы падежей санскрита оказалась неадекватной для системы падежных показателей в тибетском при заимствовании ее из санскритской грамматики. В тибетскую, дальнейший перенос этой теоретической интерпретации, искаженной фактическим языковым материалом тибетского, на монгольскую почву привел к тому, что в монгольском грамматическом сочинении выпал из описания один из важнейших падежей монгольского склонения — винительный падеж, хотя формально термин второй падеж /отражающий в санскрите прямообъектные

отношения/ сохранен. Потребовались тонкое языковое чутье, наблюдательность и аналитический ум урэцкого гуши Bilig-ün Dalai , чтобы восстановить законное место винительного падежа в монгольской грамматике ^{3/}.

3/ П.Б.Балденжапов. Указ.соч., стр.8, сноска 2; /Приложение/: Bilig-ün Dalai .Mongğol üsüg-ün tolta-ača öñyken jiyabari .Фотокопия.

Тибетские транскрипции тангутских иероглифов и проблемы
исторической фонетики тибетского языка

Тибетская алфавитная письменность, существующая с начала УП века, может быть использована для исследований исторической фонетики тибетского языка по письменным памятникам. Эти исследования осложнены консервативной орфографией, сохраняющей первоначальное начертание слова независимо от его действительного произношения в разное время существования тибетского языка и в разных частях Тибета.

Наиболее древним описанием тибетской фонетики является алфавит, составленный на графической основе брахми. Чтение знаков этого алфавита достаточно хорошо известно. Помимо этого, историческая фонетика располагает чтением знаков алфавита и их сочетаний в различных диалектах современного тибетского языка. Таким образом, задача исторической фонетики тибетского языка состоит в том, чтобы реконструировать процесс перехода от древнего состояния, засвидетельствованного в алфавите, к современному состоянию, засвидетельствованному в описаниях живых диалектов тибетского языка.

В исследованиях по исторической фонетике тибетского языка алфавит представляет собой масштаб, с помощью которого можно сравнивать между собой как современные диалекты, так и современное чтение знаков тибетского алфавита с классическим. В связи с этим существуют два взгляда на алфавит как на средство сравнения. Согласно одному из них алфавит представляет собой исходную систему, из которой развились современные диалекты тибетского языка. Сторонники второго взгляда исходят из того, что диалекты существовали уже в то время, когда алфавит был введен, т.е. тибетская пись-

менность с самого начала была наддиалектной и, соответственно, панхронной.

Наличие многих чтений одного и того же тибетского слова, зависящих от времени и места его произнесения, сближает задачу реконструкции фонетики тибетского языка с реконструкцией фонетики языков с иероглифической письменностью. Поэтому методы, разработанные при реконструкции исторической фонетики китайского языка, могут быть успешно применены и при реконструкции исторической фонетики тибетского. Для реконструкции исторической фонетики языка с такой письменностью нужны внутренние описания, с помощью которых можно идентифицировать единицы фонетической системы, и иноязычные транскрипции, с помощью которых можно интерпретировать внутренние описания. Роль внутреннего описания фонетики тибетского языка выполняет тибетский алфавит. Широкие контакты с соседними народами Центральной и Восточной Азии привели к созданию многочисленных транскрипций как тибетских слов, так и иностранных слов средствами тибетской письменности.

Наиболее ранние транскрипции тибетского языка относятся к началу IX века. Однако транскрипции в достаточном для детального исследования количестве появляются в более позднее время — в X—XI вв. Среди них наиболее интересной является тибетская транскрипция тангутского языка.

Тибетские транскрипции тангутских иероглифов были важным источником реконструкции фонетики тангутского языка. Наряду с китайскими транскрипциями они были использованы для фонетической интерпретации данных фонетических словарей тангутского языка. Это обстоятельство делает тибетскую транскрипцию независимой от подученных реконструкций, поэтому сравнение реконструированных чтений тангутских иероглифов с их тибетскими транскрипциями позволяет делать некоторые выводы относительно фонетики того диалекта тибетского языка, который был положен в основу тибетских транскрипций.

Исследование тибетской транскрипции показывает, что в этом диалекте исходные чтения знаков тибетского алфавита сохранялись, однако их чтения в составе сочетаний нескольких знаков отличались от отдельных.

Префиксы ʈ и ʣ находятся в дополнительном распределении. Это означает, что они выполняли одинаковые орфографические функции. Если они вообще произносились, то чтение их было одинаковым и в фонологическом отношении irrelevantным. Отсюда следует, что они служили для указания на супraseгментные элементы тибетских слогов. Наиболее правдоподобной интерпретацией их является регистровая: слоги с этими префиксами произносились в низком регистре.

Префиксы ɕ и ɟ регулярно встречаются в транскрипции тэнгутских слогов с медиалью $-\text{w}$, тем самым устанавливается однозначное соответствие между лабиализацией начального согласного слога и наличием префиксов ɕ и ɟ . Это не совсем обыкновенное явление засвидетельствовано в некоторых современных диалектах северо-восточного Тибета.

Префикс ɕ встречается прежде всего перед звонкими согласными и, в сущности, представляет собой знак, с помощью которого от смычных и аффрикат образуются полуносовые сонанты. Его назначение при глухих согласных неясно, но можно полагать, что и в этих случаях он указывал на какой-то производный от глухих согласных. Отсюда следует, что в сочетаниях этот знак выполнял диакритические функции.

Указанная выше особенность использования префиксов ɕ и ɟ связывает тибетский диалект, положенный в основу транскрипции, с диалектами Северо-Восточного Тибета.

Функции "тохарских" языков и "тохарской" литературы
в Восточном Туркестане и проблема тюркско-"тохарских"
контактов

1. Согласно исследованиям последнего десятилетия (в особенности благодаря статьям В.Винтера) выявлена роль двух "тохарских" языков в Восточном Туркестане во 2-ой половине I тысячелетия н.э., к которой относятся тексты на этих языках. "Тохарский А" язык был мертвым языком буддийской проповеди у тюркоязычного населения, тогда как "тохарский Б" (кучанский) язык являлся живым языком монастырского общения (см. статью автора "Языковые данные о происхождении кушанской династии и тохарская проблема" - "Народы Азии и Африки", 1967, № 3, стр.116).

2. С этой иерархией языковых функций согласуется колофон древнетюркского буддийского сочинения, переведенного с "угу-кучанского языка на тохарский, с тохарского ... заново на тюркский" (см. статью автора "К определению названия "тохарского В" языка" - "Проблемы востоковедения", 1959, № 5).

3. Для исследования тюркско-тохарских связей особенно интересны такие сочетания терминов как дртюркск. *käsi baddi tngri* 'учитель Будда-бог', где первое слово является заимствованием из "тохарского" (А *kässi*, куч. *kässi* 'учитель', ср. хотанско-санск. *kvā* 'учитель', cord. *kyuk-tu* 'лжеучитель' с индоевропейской этимологией: авест. *khā-* 'учить', дринд. *kaāti* 'рассказывает'), второе же заимствовано из первой части "тох." А сложного слова *pättāñkät*, причем *pätta* было переведено в тип тюркских заимствований на =i (как *käsi* < *kässi*). Только третий термин в приведенном сочетании является тюркским переводом "тохарского" названия "бога" ("тох." А *ñkät* куч. *ñakte* в частности, в сочетании *pudñakte* 'Будда-бог').

4. "Тохарские" языки выступают в качестве промежуточного этапа при заимствовании таких буддийских терминов как др. тюрк. *nirwan* < "тох.А" *nerwān* < скр. *nirvāṇa* 'нирвана'; дртюркск. *awis* < "тох." А *aviš* < скр. *avīcī* 'название самого нижнего ада', ср. также дртюркск. *čantal* < "тох." А *cāṇḍal* < скр. *cāṇḍala* 'принадлежащий к низшей касте', дртюркск. *asanki* < куч. *asamkhyai* < скр. *asamkhyeya* 'неисчислимый', дртюркск. *banit* < куч. *pañit*, *panit* < скр. *phāṇita* 'сахар', дртюркск. *baranas* < куч. *bārānas* < скр. *Vāranaśī* 'Бенарес'.

5. Более сложную цепочку заимствований приходится предположить для таких слов, как дртюрк. *šabi* (в сочетании *ratnavaśir šabi*) < кит. "ша-ми" 沙彌 < куч. *sarmīre* < скр. *śramaṇa* 'ученик, послушник'. Тохарский источник заимствования, указанный еще Б.Я.Владимирцовым, "Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халха-монгольского наречия", Л., 1929, стр.375, подтверждается и встреченной в поздней тюркской рукописи формой *š(a)tmiri*. Сходный путь заимствования представляется возможным по отношению к дртюрк. *sabarir* < куч. *spharir* < скр. *sphatika* 'горный хрусталь' (с ротацизмом *r < t*, напоминающим развитие типа дртюркск. *mir* 'мед' < кит. *miēt* < пратохарск. **myāt* < индоевр. **medhu*, дртюрк. *pusar* < кит. **b'uo-sāt* [> p u-sa] 'Бодисаттва' и т.п.). Промежуточный путь через тохарский возможен по отношению к дртюрк. *saṇ* < кит. "сэнь" 僧 < куч. *sank* < окр. *saṃgha* 'сангха, община монахов'. Участие в качестве промежуточных звеньев иранских языков вероятно в таких случаях, как дртюрк. *prjan* 'келья' < "тох." А *paṇyām* < скр. *paṇiyāna*, *šaχ šarat* маних. согд. *šīχ šāraḥ* (šχš'pḥ) (через возможное "тохарское" А посредничество) < скр. *sīksāpada* 'предписание, заповедь, обет'; дртюрк. *wasir* 'жезл, скипетр' // "тох." А *wašir*, согд. *azir* < скр. *vajra* 'оружие Индры, громовой топор, перун'; дртюрк. *psak* // согд. *ps'k*, куч. *pāssak* 'венчик, венец'. В таких случаях, как дртюрк. *kūncit* 'кунджут' ("тох." А *kūncit*), *tūmān* '10 000' ("тох." А *tūmān* куч. *tumane*) 'тохарский' и иранский (срперс. *kunjit*, *tumān* '10000') источники заимствования равновероятны.

6. К более древней эпохе относится отмеченное В.Винтером за-

имствование в древнетюркский из тохарского названия 'дня солнца': дртюрк. *kün* < тох. *kaun* (С индоевропейской этимологией: дринд. *śvan* от **keu-*), типологически сходное с заимствованием имени бога солнца *Šiuini* из анатолийского (хет. *šiuini*) в урартский, а также ряд других связей (типа тюркск. *garşı* 'крепость', куч. *kerciye*), отдельные из которых предполагались ранее, а в 1969 г. (в письме к автору) сформулированы А.Рона-Ташем. В частности, вновь возникает высказанная в неопубликованной лекции Е.Д. Поливанова (архив АН Киргизской ССР, Фрунзе) гипотеза о тохарском посредничестве при заимствовании индоевропейского названия 'ярма, ига' в тюркские языки. За этим периодом древних тюркско-тохарских связей следовал период интенсивных контактов буддийского времени. Отдельные типологически общие грамматические черты (тохарские абсолютивы, близкие к тюркским конвербам) могли выработаться и в этот более поздний период; они характерны и для других языков центрально-азиатского языкового союза (как тибетский) и могут во всех них связываться с воздействием санскритских образцов.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТИБЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В БУРЯТСКИХ ПЕРЕВОДАХ.

1. Связи бурятской литературы с другими литературами изучены неравномерно. Русско-бурятские связи рассматривались в ряде работ (в монографиях "Русско-бурятские связи в литературе и журналистике" А.Белоусова, "Бурятская фольклористика" М.Хамаганова и др.). Контакты бурятской литературы с восточными литературами совершенно не изучены. Факты говорят, что эти контакты были достаточно широкими и результативными, и среди них видное место должно быть отведено связям бурятской литературы с тибетской литературой.

Знакомство бурят с произведениями тибетской литературы было связано с проникновением в среду бурят буддизма (в его тибетской вариации-ламаизме) в XIII и XIX вв., что во многом определяло идейную направленность, выбор и состав распространявшейся литературы. Среди массы религиозных сочинений доходили до бурят и выдающиеся произведения тибетской литературы ("Субхашита" Гунга-чжалцана и др.).

2. Распространение среди бурят переводных произведений тибетской литературы прошло три этапа: а) адаптирование прежних монгольских переводов; б) бурятские редакции монгольских переводов; в) бурятские переводы произведений тибетской литературы.

Примером этих трех этапов является история переводного текста "Субхашита" Гунга-чжалцана (XIII в.).

3. Бурятские переводы произведений тибетской литературы — одна из форм литературных связей. Переводы распространялись в рукописях, в ксилографической печати и оказали влияние на духовную жизнь и словесное творчество бурят.

ТИБЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ХУШ ВЕКА
(некоторые общие вопросы).

В ХУШ в. ламаистская секта Гелуг-па продолжала укреплять свою гегемонию в религии, политике, экономике и культуре Тибета. Маньчжуры, захватившие Китай еще в середине ХУ в., поддерживали Гелуг-па, желая усилить вассальную зависимость Тибета, и покровительствовали в этих же целях распространению ее учения за тибетские границы, что, в конечном счете, привело к активному участию в развитии тибетской литературы представителей соседних народов.

В целом же, тибетская литература остается типичным средневековым творчеством, тесно связанным с религиозно-дидактическими установками теократического государства. Несомненно, человек интересовал эту литературу, но авторы по существу игнорируют внутренний мир человека, его чувства и переживания, взаимоотношение с природой. Основное внимание уделится "добрым" и "злым" делам, которые приближают или отдаляют человека от "спасения от страдания" и "достижения нирваны". Совершенно очевидна идеализация буддийского миропонимания и "праведного" образа жизни, обеспечивающего "спасение".

Продолжается процесс оформления тибетского литературного языка, остающегося большей частью языком письменных памятников (религиозно-философских, исторических, повествовательно-дидактических, делопроизводства и т.д.). Этот язык все более обогащается различными заимствованиями из переводной литературы, составляющей буддийский канон. Увеличивается богатство синтаксических конструкций языка, что проявляется в заимствовании новых синтаксических оборотов, риторических фигур, популярных афоризмов. Характерно и переносное, отвлеченно-метафорическое и символическое употребление слов, имеющих весьма конкретное значение, но теперь служащих орудием выражения буддийской

символики. Все это способствовало увеличению разрыва между письменным языком и разговорным.

Религиозно-дидактический характер тибетской литературы — несомненен. Но очевидно и то, что литературе официальной, церковно-проповеднической, развивавшейся на основе буддийского канона, всегда противостояло устное народное творчество (эпос, песни, легенды, сказания, сказки, нравоучительные истории), влияние которого на литературные произведения было сравнительно слабым.

Ясно, что в тибетской литературе, рано или поздно, на почве преимущественно фольклорной, должны были появиться и письменные художественные произведения светского содержания. Это и произошло в начале XVIII в., когда родилась лирическая поэзия 6-го Далай-ламы Цхангджан-джемцо, жившего очень недолго (1683—1706). О жизни и творчестве его известно крайне мало. Устная традиция считает, что в последние годы своей жизни Цхангджан-джемцо вел себя необычно для буддийского монаха: днем изучал догматику, а вечером выходил на улицы Лхасы, где бражничал, влюблялся и сочинял стихи отнюдь не религиозного содержания. Видимо, высшее духовенство Гелуг-па было весьма шокировано таким поведением своего иерарха, что привело в конечном счете к его смещению, ссылке и скорой смерти. Народные предания, впрочем, оспаривают сообщение о ранней кончине.

Лирическая поэзия Цхангджан-джемцо по вполне понятным причинам всегда распространялась исключительно в рукописях, в которых число стихотворений колеблется от 54 до 62. Большинство стихов имеет четыре строки, каждая из которых состоит, чаще всего, из шести слов. Рифмы нет. Сами тибетцы считают эти стихи "любвными песнями", но неизвестно, создавались ли они именно в этом качестве; возможно, петь их стали позже. Во всяком случае, в XX в. эти стихи — уже народные песни: Вполне вероятно, что лирическое творчество 6-го Далай-ламы — созданная под сильным влиянием устного народного творчества песенная книжная поэзия, являющаяся переходным этапом между народными песнями и литературными стихотворениями и — в то же время — началом светской лирики или лирической поэзии в Тибете.

Содержание лирики Цхангджан-джамцо — правдивое описание простых человеческих чувств, переживаний (любовь, верность, измена), а это для тибетской литературы — большая редкость. Лирика Цхангджан-джамцо передает конкретное состояние автора или героя в отдельные мгновения его духовной жизни, наполненной переживаниями, которые выражаются в лирических образах. В этих стихах явственно ощущается, что автор считает любовь главным в человеческой жизни. Но при этом заметно, что среди этих стихов почти нет таких, которые говорили бы о счастливой любви. Как правило, они говорят о любви, которая, возможно, будет или о любви, которая уже кончилась по вине любимой.

Для лучших стихов Цхангджан-джамцо характерно широкое употребление параллелизмов, которые строятся на сопоставлении или противопоставлении человеческих чувств и мира природы.

Сквозь горные вершины востока
Проглядывает белая луна.
Лицо еще не рожденной девушки
Чудится мне.

Если это стихотворение проникнуто ожиданием возможного, но очень далекого счастья, то многие другие наполнены горечью по поводу его утраты из-за измены любимой. Влияние народной поэзии заметно как в краткой, но выразительной афористичности стихов, так и в выборе сравниваемых образов.

Дикую лошадь, бежавшую в горы,
Можно поймать арканом.
Если милая разлюбила,
И волшебством ее не удержишь.

Моя любимая, которую я знаю с детства,
Не из породы ли волков?
Волк всегда убегает в горы,
Если и дамь ему груды мяса и шкур.

Эта девушка рождена не матерью.
Может быть, рождена персиковым деревом?
Любовь ее проходит быстрее,
Чем увядают цветы персикового дерева.

Но сравнение может строиться на сопоставлении и противопоставлении не только мира природы и человека, но и разных человеческих образов. Стихи, использующие это, часто проникнуты чувством социального протеста против феодальных порядков, препятствующих счастью простых людей, о чем свидетельствуют такие строки.

Моя любимая Идпхрэг-лхамо
Была найдена мною, охотником.
Но ее украл у меня
Могучий начальник Норзанг-джалу.

Иногда прием противопоставления используется для возвышения образа любимого или любимой над другим человеком, даже если этот последний — лама.

Лице ламы, которое я пытаюсь вспомнить,
Не появляется в моей голове.
Лицо любимого, которое я не вспоминаю,
Появляется в голове ясно и четко.

Язык лирики 6-го Далай-ламы прост, ясен, сдержан, но и выразителен, хотя в нем и нет ярких художественных средств. Эпитеты, сравнения употребляются без излишества, экономно. Распространены постоянные эпитеты ("белая луна", "быстрая речка", "высокие горы" и т.д.), которые придают определенное своеобразие стилю, одновременно служа основой эмоциональности.

Лирическая поэзия, несомненно, существовала в Тибете и до Цхангджан-джампо, но она преимущественно была народной песней. Лирическая поэзия 6-го Далай-ламы — первый прорыв волнующих общечеловеческих тем в письменную литературу. Распространяется эта поэзия в рукописях, а более всего — в устном бытовании, становясь активной частью фольклора.

В творчестве тибетских писателей XVIII-XIX вв., создававших литературу религиозно-дидактическую, пока не найдено продолжение традиции Цхангджан-джампо. Можно лишь предположить, что когда-нибудь будут обнаружены и другие рукописные свидетельства существования и развития лирической поэзии в Тибете.

Р е д к о л л е г и я

Редакторы: А.П.Окладников и В.Е.Ларичев
А.Г.Малявкин ответственный секретарь,
Б.Г.Григоренко, В.М.Наделяев,
Л.В.Тюрмина

Подписано к печати 10.VIII 1972 МН 00177

Бумага 60x84/16 печ.л. II Уч.изд.л. 10.5

Тираж 1300 Заказ 123 Цена 1-00

Цена в переплете № 7 1 руб. 15 коп.

Ротапринт ин-та катализа СО АН СССР

Новосибирск 90

